

Ирина Ногина

А мы всё так же

ЖИЗНИ

главные герои

А МЫ ВСЁ ТАК ЖЕ ЖИЗНИ ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ

Оглавление

А МЫ ВСЁ ТАК ЖЕ ЖИЗНИ ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ.....	1
Глава 1. Маша	3
<i>(у которой всё началось или, точнее, начало продолжаться...)</i>	3
Глава 2. Зоя	44
<i>(которая ни за что не пустила бы тебя в свой мир без этой уникальной путёвки...)</i>	44
Глава 3. Тамара.....	63
<i>(которая даже из собственных проигрышей выходит победителем...)</i>	63
Глава 4. Лолита	94
<i>(которая при всём своём совершенстве имеет некоторые слабости...)</i>	94
Эпилог	132

Глава 1. Маша

(у которой всё началось или, точнее, начало продолжаться...)

В недрах сумки завибрировал смартфон. В то же мгновение квелия глыба бабушкиного тела, вялящаяся на смертном одре, затихла, оторопела. Сумка назойливо дрожала в изножье кровати, слишком далеко, чтобы дотянуться рукой. Бабушка совсем не двигалась, только пыхла, чуть оттопыривая верхнюю губу при выдохе. Зоя не шелохнулась, заторможено глядя на её хлопковую ночнушку, белую в салатную крапинку, на расплывшийся по груди подбородок, тоже салатный, как и лицо, на закрутившиеся кончики каштановых, не так давно – с месяц тому назад – окрашенных, но уже безжизненных, волос. Боль во плоти, волею случая, раздобренного морфином, притупившаяся. Не мечется – и на том спасибо.

Когда смартфон перестал, Зоя просидела, не двигаясь, ещё минуту – убедиться, что приступ миновал, потом встала, потрогала бабушкин пульс, вытерла пот со лба и расправила простыню, прикрыв зачем-то свисающую вялыми гроздьями грудь. Подобрала сумку, остановилась на пороге, вернулась к постели, неловко перегнувшись через бабушку, торопливо трижды перекрестила её и выбежала из комнаты.

В конце коридора, перед кухней, смартфон завибрировал. Зоя сунула руку в сумку. Взвизгнула змейка. Она увидела собственные пальцы, вытягивающие из пачки сигарету, и отметила, что они трясутся. Это на долю секунду отвлекло её, и руки вопросительно поникли. В маленькой комнате прокашлялся дед. Глухо, с усилием. От этого скрипнул диван под ним. Ещё скрипит. Похоже, перевернулся. Или встаёт.

Зоя выудила смартфон, в три прыжка через кухню очутилась на балконе, притворила дверь, прислонила устройство к уху и, настроив тон вопросительной беспечности, дакнула.

- А-лэ, - давний голос. Матовый. Чуть притомленный. Знакомый более чем просто хорошо. Но забытый. Аукающий через щели по ту сторону памяти. Самодовольный и самоуверенный. Симметрично разрубивший слоги, не позволив им совсем распасться за счёт подвешивания – мастерски, ювелирно - на соломинку альтового эха. – Это я. Ты меня узнала?

- Ага, - это был отнюдь не неожиданный звонок. Но невидимая, недооценённая – как мощь волны – масса этого голоса ударила её под коленки, и голова как-то странно запрокинулась, выливая всё, что там квасилось последние дни или недели. – С приездом тебя, - сказала Зоя.

- Спасибо, лапа, - улыбочиво хмыкнул смартфон. – Зоель, я звоню узнать, на каком ты этапе? И сможешь ли ты захватить кой-чего в магазине? Рядом с Машей, в трёх кварталах. Мы уже все на месте. А нет белого вина. Ты возьмёшь? Я тебе скажу, какое.

Зоя выдохнула, отрешённо глядя во двор, в поисках моста к той реальности, которую озвучивал смартфон.

- Так на каком ты этапе – ты так и не ответила, - продолжала Лолита в смартфоне. – Ты уже вышла?

- Нет... Пока ещё нет... - Зоя закурила и стала нервно стеречь взглядом кухонную дверь, опасаясь, как бы дед не засёк её, если вдруг появится. – Я всё куплю. Говори, какое вино.

- Когда это будет? Зоель, ты скоро вообще?

- Скоро, скоро, дайте мне несколько минут кое-что уладить. Я перезвоню, - Зоя заметила деда, входящего в кухню, судорожно выбросила с балкона недокуренную сигарету, несколькими взмахами разогнала дым и отключилась.

Дед замешкался у плиты, громыхнул кастрюлями, потом толкнул балконную дверь, суматошливо – яростный взгляд строго прямо – выскочил на балкон и замер. Секунда, и он с негромким хлопком выпустил газы. Потом заметил Зою.

- Уже уходишь? – спросил он.

- Да, нужно уходить, - сказала Зоя, отступив немного, чтобы он не почувствовал никотиновую вонь, исходящую от неё. – Я сейчас позвоню маме, чтобы она меня сменила.

- Зачем? – удивился дед. – Я же никуда не уйду.

Зоя смирив его тревожно-оценивающим взглядом.

- Не беспокой маму, не нужно, - махнул рукой дед. – Иди, куда тебе надо, - и вернулся в кухню, потоптался там возле холодильника, ушёл.

Зоя позвонила маме.

- Ну, как там? – спросила мама. Повинующийся долгу, оторванный от какого-то занятия голос.

- Уснула, - сообщила Зоя. – Минут пять как. До этого с час металась и кричала. Болит сильно.

- Жаловалась, да? – с мукой в голосе спросила мама.

- Нет, она не жаловалась, - Зоя почти приняла решение сходить за ещё одной сигаретой. – Она, мама, уже два дня ничего не говорит. Она без сознания.

- Как без сознания? – испугалась мама.

- Взгляд мутный. Ни на что не реагирует. Ничего не воспринимает.

- Господи, - вздохнула мама. – Ну, ты крепись.

- Мама, Лолита приехала. Из Америки, - сказала Зоя. – Девочки собрались. Я тоже хочу съездить.

- Подожди, какая Лолита? – с протестующим оживлением воскликнула мама.

- Оля Грайлюк. Которая в Америку уехала после школы.

- И что? – не понимала мама.

- Вот теперь она приехала. И мы все собираемся. Оля, Маша, Тамара и я. Девочки уже встретились. Ждут меня.

- Так, - мама уже поняла, но ещё не нашла, за что ухватиться, чтобы не угодить в ловушку.

- Какие у тебя планы? Ты можешь приехать, побыть здесь вечером?

- Ммм... Честно говоря, у меня есть одно дело... А дедушка там?

- Здесь.

- Думаешь, он не справится?

Зоя промолчала.

- Если, ты говоришь, бабуля уснула, зачем специально кому-то быть? Я завтра утром приеду. А ты когда вернёшься? Поздно?

Во дворе заверещал ребёнок, года два, – мать, худая носатая блондинка, насильно вела его от горки.

- Хорошо, - сказала Зоя. – Договорились.

- Дед же справится, да? – подхватила мама.

Дед, оказывается, не ушёл в свою комнату. Притаился в коридоре.

- Уже уходишь? – сделал вид, что роется в шкафчике.

- Да, - сказала Зоя, записала два номера в телефонную книжку. Крупные разборчивые цифры. Вырвала лист, показала деду. – Если ей станет плохо, позвони мне. Только эти цифры. Никаких восьмёрок. Никаких девяток. Вот это – на всякий случай, номер врача. Я на всякий случай оставляю, но ты не звони ему. Звони мне, а я дальше сама. Если видишь, что совсем плохо, звони в скорую. Как в скорую звонить - знаешь?... – Зоя добавила ещё один номер, внизу листочка, чуть мельче, зато навела для жирности. – Если станет совсем плохо – позвони сначала в скорую, потом мне. Хотя бы мне позвони. Хорошо?

- Зоя, смотри, - дед вытащил из ящика сложенную вдвое бумажку – не напрасно-таки рылся там. – Счёт пришёл. Я ничего тут не понимаю.

Зоя выхватила у него, всмотрелась.

- Хорошо, я всё поняла.

- Там написано, что я должен...

- Да, это за отопление. За весь год. Поэтому так дорого. Я положу вот здесь, - Зоя спрятала счёт под телефон. – Потом заберу. Ты только не перекладывай никуда. Ты понял, как мне звонить?

- Понял, - сказал дед без должной убедительности.

- Тогда я пошла, - Зоя вдруг сорвалась с места, рысцой пробежала коридор и свернула в бабушкину спальню.

Дышит. Похрипывает. Басовый ключ. Стон бемоль мажор. Бок вздымается, как волюнчные меха.

Зоя глянула на табло электронных часов (ими три недели назад, за день до первого приступа, заменили прежние бабушкины, лет тридцати от года производства, которые своим тиканьем усугубляли бабушкину бессонницу). Встреча назначена пятнадцать минут назад. Взять такси? Бред. Ещё минут пятнадцать прождать, назад ехать – снова минут пятнадцать ждать такси. А если понадобится срочно вернуться? Значит, за руль. Заодно и вопрос с алкоголем решается. Удержаться, чтобы не напиться – проблема, которая в связи с сегодняшним вечером вызывала у Зою большую озабоченность. Не дай Бог, что с бабушкой.

Стоило Зое очутиться на площадке перед лифтом, скрипнула и отворилась соседская дверь. Стоят вдвоём на пороге. Она – толстая, с белой, туго натянутой кожей, короткие тускло-чёрные, как будто запыленные, волосы в разные стороны – похоже, никогда их не расчёсывает. Полосатая футболка обтягивает мощный живот, разделённый на ярусы врезавшейся резинкой от юбки. Поверх футболки фартук, весь в коричневых пятнах от чего-то, по-видимому, жирно-жареного. Держит за руку чахлое своё чадо. Уставились на Зою одинаково чёрными, запуганными, кровожадными глазами.

Зоя быстро повернула ключ в замке, прошла к лифту, не здороваясь. Как назло, перехватили лифт. Он взвыл и понёсся сверху вниз.

Кашлянула, привлекая внимание. Авось, не заметили. Зоя не шелохнулась.

- Ну что, померла? – с истовым любопытством.

Зоя не отвечала.

- Нет ещё, значит, - злорадно. – А я думала, всё, померла. Тишина какая. Я думала, не дождётся тишины. Усыпили, значит, как-то.

Зоя не реагировала. Лязгнули двери на первом этаже – так и есть, кто-то вызвал подниматься.

- Усыпили бы её совсем, - продолжает нравоучительно. – Слышишь, Зойка? Подойди тихонько, возмись за горло, сожми на минутку. За что вы её мучаете? За что нас мучаете? Ребёнка моего. Себя же мучаете. А не можешь так – сходи в церковь помолись, чтоб Бог ей смерть послал. Нету сил это слушать. У меня ребёнок. Пожалейте её, себя и всех вокруг.

Лифт ползёт вверх, натужно скрипя. Зоя покачала головой.

- Ни капли у тебя сострадания, - подумала. Нет, сказала. Растяпа.

А той того и надо. Того и ждала. То и выманивала.

- Сострадание? – жадно гавкнула. – Ты мне говоришь про сострадание? Старухе восемьдесят лет. Великое дело – помирает. Ты моего ребёнка видела?

Зоя покосилась на несчастного – увидеть, как он поведёт себя при этих словах. Никак. Смотрит, мигает. За её руку крепко держится. Безрадостный взгляд с невнятным вопросом. ДЦП у него. Перекошенный позвоночник. Одна нога короче другой. Она его пыталась лечить. Деньги собирала. Волонтёры по квартирам ходили, акции благотворительные устраивали. Операцию какую-то должны были делать. Или сделали. Сделали. Да как-то безграмотно. Другой врач сказал, всё неправильно. Надо ещё собирать, втрое больше, чтоб правильно лечить. Она ещё собирала. И ездила в какие-то центры. Но лучше не стало. Говорила бабушке, что всё без толку. Давно надо было, лет пять назад, делать операцию. А теперь уже поздно. Что-то там в костях безвозвратно состоялось.

- У них пенсия в восемьдесят лет в два раза больше, чем у моего ребёнка. До восьмидесяти лет дожили в трёхкомнатной квартире. С салями да маслинами. Дети и внуки на тот свет провожают. Сострадания от других требуют.

Погасла кнопка лифта. Зоя спохватилась, нажала. Кажется, идёт.

- А мой ребёнок тысячу гривен получает. Кому он должен сострадание? Кому я должна? Когда я сдохну, у кого ему требовать сострадания, ты мне скажи? Кто ему салями будет носить по средам, а? Социальная служба, может быть? А за какие шиши моему ребёнку пенсию платить и салями носить, если вы налоги не платите? Так, может, ты будешь носить? За те налоги, что ты не платишь. А не платишь же! За какие шиши лечить? Я на лекарства обезболивающие полтысячи трачу. Ты представляешь, как с такой спиной жить? И когда бабка орёт без умолку. Сострадание! Да имела бы ты хоть каплю этого сострадания, давно бы её придушила!..

Дверь лифта закрылась, и Зоя провалилась, наконец, сквозь землю.

Кто-то неудачно припёр её опель, пришлось покрутиться, пока выбралась.

Маша жила в частном секторе на окраине – лет десять тому назад иметь дом в этом районе считалось признаком зажиточности. Сегодня спросы сместились чуть севернее и ближе к морю – на первые, вторые, третьи линии от воды, но тогда всех почему-то манило именно Царское село. Машины родители в своё время владели здесь несколькими участками, очень выгодно распродали их, оставив один себе, и ещё один – презентовав чете Пресновых, когда Маша выходила замуж за Серёжу.

Серёжа был Машиным тренером по теннису (которым Маша занималась пять лет, совпавших с её учёбой на факультете романо-германской филологии), и Машин отец скептически оценивал как искренность Серёжиных чувств к единственной своей дочери, так и его финансовые перспективы. Он отнюдь не ждал, что через пять лет после свадьбы зятю удастся отстроить на этой лужайке двухэтажный дом по новому слову жилой архитектуры, ладный и светлый, в удобстве планировки и внешнем оформлении весьма превосходящий его собственный угловатый особняк. Сегодня у Серёжи современный спорткомплекс с теннисным кортом, грамотная реклама и репутация образцового семьянина, а у Маши – две Серёжиных дочери, круглосуточная няня, две помощницы по дому и стратегический запас социальной ответственности.

Завернув в посёлок, Зоя стала вспоминать, когда была здесь в последний раз. Года три назад. Чуть меньше. На Машином тридцатилетии. В марте. Был пир на весь мир. Зоя осталась ночевать и на следующий день, когда гости разъехались, они разговорились по душам. А до этого не виделись лет пять – с последнего приезда Лолиты.

Маша Кузнецова. Первый класс гимназии. В русую косу вплетена алая лента. Огромные серые глаза. Плечи расправлены, подбородок вверх. Стоит особняком. Смотрит настороженно. Никого не знает – она кончала другую начальную школу, чем большинство из этого класса. Шёлковая белая блузка плоско в том месте, где спустя десять лет обрисуется – на зависть однокурсницам – покатаая мягкая плотность. Длинные ноги с сильно выступающими коленями в капроновых колготах телесного цвета. Чёрная юбка, идеально выутюженные складки. Рядом мама, то и дело приглаживает или заправляет за уши выбивающуюся из косы молодую поросль по краю лба и на висках. Яркая, нетрадиционно для той эпохи ухоженная женщина. Не слишком, как теперь стало понятно Зое, красивая. Но безупречно себя несущая. Простушки-училки перед ней робели. Мамаши оборачивались ей вслед. Лолита, в то время ещё Оля, тут как тут: новая девочка. «А как тебя зовут? А из какой школы ты к нам? А это твоя мама? А как её зовут?».

На Машином тридцатилетии запомнилась Тамара. Но очень коротко. Вскользь. Ничего толком не удалось выяснить. Только что-то про работу, которой Тамара очень довольна. Богатое какое-то предприятие. И она там на хорошем счету. А замужем ли? Не обсуждали. Одета была дорого. Волосы прямые, одинаковой длины, собраны в хвост, никаких завитушек, никаких блестящих заколочек. Профессиональный макияж. Атласное платье с умеренным декольте. Очень короткий и очень чёткий образ, без истории.

Зоя почувствовала сладковатое предвкушение. Сейчас-сейчас она всё о них узнает. Семь лет. Она не видела Лолиту больше, чем семь лет.

«Давай с тобой выпьем. Нет, Зоя, перестань гнать, послушай меня, - Оля, покачиваясь, возвышается над ней, дрыгающейся на песке и пытающейся свалить Олю. Наконец, Оля сдаётся и падает попой на песок, хватая Зою за плечо. – Я такая пьяная, я знаю. Но я хочу с тобой ещё выпить. Брудершафт. Нет, чёрт, никакой не брудершафт. Не сбивай меня! Дай я скажу! Мы с тобой... всегда будем вместе. Обещай мне. Мы с тобой старухами будем вот так

сходить с ума. На берегу моря. Вот здесь. Через пятьдесят лет. Ты и я. У нас есть Маша и Томка. Но ты и я – особенно – мы с тобой никогда не расстанемся. Давай поклянёмся. Вот этому красному солнцу поклянись. Я всегда тебя пойму и поддержу. Ты клянёшься».

Chateau Bellevue белое. Надпись «... garantita & controlata». Как и просили. Сто сорок девять гривен. Не хило. «Я не снобка, но вино должно быть хорошим, - трубила Тамара под занавес Машиного тридцатилетия», - вот ещё вспомнилось. На вид – что трезвая. Только громкий голос выдаёт опьянение. Она когда пьянеет, у неё что-то со связками случается, и голос как в рупоре. Она и правда не снобка – не вспомнить, чтобы за ней водилось. Маша – возможно, в чём-то. Но Томка любила себя побаловать.

Зоя выложила деньги на кассе. За две бутылки.

- Всё? – спросила кассирша, претенциозно глядя из-под длинных ресниц.

Зоя кивнула.

«Зоя, но оно очень дорогое. Я тебе деньги, естественно, верну, - Маша выхватила трубку у Тамары. – Если хватит денег, возьми две бутылки. Не беспокойся, я всё верну». Беспокоится, чтобы цена вина, которое они употребляют, не отпугнула от них самих. Всегда была очень щепетильной в денежных вопросах. Всегда боялась выпятить свой достаток перед менее обеспеченными сверстницами. Всегда норовила за всё заплатить, всё компенсировать.

Зоя прижалась к бордюру, заглушила двигатель, вылезла из машины и заглянула во двор. Трава подстрижена. Висят качели. В углу батут – в прошлый раз его не было. Два велосипеда под стенкой: двухколёсный и четырёхколёсный. Машиной младшей – Полина, кажется, - на юбилей не было ещё двух. Хорошенькая, с кудрями. Больше на Серёжу. А старшую Зоя никак не могла припомнить.

Они возникли все втроём на пороге и уставились на неё, ухмыляясь. Зоя не сразу осознала, что тоже смотрит на них с глупой ухмылкой и продолжает безотчётно тянуть вверх кулёк с бутылками.

- Наконец-то, чудо, добралось, - Тамара выпрыгнула вперёд, перескочила через ступеньки, скользнула к калитке. Маша что-то шепнула Лолите, продолжающей с умиленным любопытством разглядывать Зою.

Зоя шагнула во двор, как в царство радости. От сентябрьской земли запах весны.

- О, винчик, - одобрительно кивнула Тамара.

- Держи, - сказала Зоя, роняя бутылки ей в руки.

Тамара порывисто сунула их Маше, споткнувшись о мяч у ступенек.

- Ой, отшвырни его в угол, пожалуйста, - попросила Маша. – Где играла, там и бросила. Я ей устрою.

Тем временем Лолита выступила навстречу Зое.

- Что ты застыла, лапа? Иди, я на тебя посмотрю.

Улыбается. Зубы белоснежные. Танцующая улыбка: губы то растягиваются, то чуть сужаются, то соединяются. Шёлковый нос, по-японски заострённый. Глаза огромные, чёрные, на белках ни одной красной жилки. Морщинки по краям, как будто ресницы. Длинная рельефная шея. Красивая. Что-то потерялось. Юношеская плавность черт утрачена. Скулы проявились. Потончал подбородок. Но сказать, что она стала менее красивой, - нет. Красивая. В настоящем смысле.

- Зоя! Хе-эй! I'm here! Можно я тебя обниму?

Упёрлась носом ей в плечо. Круглое, упругое. Не по сезону загорелое. Тонкий аромат лайма и мяты. Как «Мохито».

- Господи, какая ты. Девочка, - отстраняясь и оглядывая её с ног до головы, заключила Лолита.

- Маша, у тебя там что-то воняет, - крикнула Тамара, чеканя мяч.

- Воняет, - крикнула Лолита. – Не могла сказать: чем-то запахло.

Маша исчезла в доме.

- Она картошку печёт? – спросила Зоя.

- Да хрен её знает, что-то печёт, - отозвалась Тамара. – А что?

- Картошкой печёной запахло, - Зоя повела носом.

- Ты голодная? – спросила Лолита.

- Похоже, что да, - усмехнулась Зоя.

- Тома, ты уже наигралась? Мы можем идти? – Лолита, взяв Зою за плечи, подтолкнула её к двери.

- Блин, баскетбольная корзина, - подняв голову, заметила Тамара и бросила мяч. Он ударился о кольцо и отскочил ей в руки.

- Тома!

- Вы идите, я догоню, - мяч угодил в стену.

Тамара подхватила его на лету и, прицелившись, запустила в корзину, на этот раз в цель. Поймала в руки, подкинула и ударом ноги отправила в дальний угол.

Кухня была огромная. Метров тридцать пять или сорок. Вместе с прихожей, кажется, в половину первого этажа. В северной части большой обеденный стол. Всё деревянное. Цвета – ореховое дерево и чай с молоком. Вошла, и уже чувствуешь себя сытой.

Лолита носила тарелки от острова к столу. Тамара разлила вино, пригубила из своего бокала.

- Ага! То, что нужно, - похвалила.

- Прошу, накладывайте, - пригласила Маша, ставя на подставке – выше всех блюд – запечённую картошку со свининой, покрытую сырной коркой. – Так, девочки, я ничего особенного не готовила, сами видите...

Лолита с томным прищуром важно кивнула.

- Мы не мужики, можем обойтись и без ста блюд, - продолжала Маша, но тут заметила Лолитину ухмылку и уязвлённо запнулась. – Хорошо, в следующий раз я закажу пиццу. А хрена. В следующий раз сами себе закажете себе пиццу.

Лолита запрокинула голову и бесшумно засмеялась. Тамара вздёрнула брови, глотнула вино и взяла бутылку долить себе.

- Там ещё огурчики внизу? – Зоя присмотрелась к стеклянному боку блюда, испытывая гастрономическое нетерпение. – Солёные.

- Ага, - польщённо подтвердила Маша и взяла свой бокал с красным вином.

- Ну, за вас! И за Украину, - Тамара подняла свой бокал выше всех, после чего чокнулась с подругами и щедро отхлебнула.

Покосившись на Тамару и одолеваемая какой-то мыслью, Маша несколько секунд соблюдала молчание, чтобы не смущать женщин, разбирающих на свои тарелки главное угощение, а потом заговорила:

- Я всё хочу спросить, Зоя, ты ехала – что там на площади? Открыли движение? Разошлись уже демонстранты?

- Я объезжала по трассе: судя по яндекспробкам, на площади всё глухо. Если бы поехала туда, там бы и стояла до сих пор.

- Ого, а что там такое? – поинтересовалась Лолита.

- Антикоррупционный митинг по делу Юниавиа Групп, - живо отозвалась Тамара. – Сегодня слушание в суде, на котором должно приниматься решение о результатах государственного тендера на реконструкцию аэропорта. По прогнозам аналитиков суд намерен отдать инвестиционный проект в лапы Юниавиа Групп. Они надеялись сделать это, как говорится в старом фильме, «без шума и пыли», даже заседание назначили буквально в последний момент, но благодаря инсайдерам в суде активисты узнали о слушании и успели предупредить людей через социальные сети и организовать этот протест.

- А разве это не давление на суд? – нахмурилась Лолита.

- Не смей меня! На наш суд одинаково плохо действуют как законы Украины, так и законы физики. К тому же, Конституция пока ещё гарантирует свободу собраний.

- А что за беда с этой компанией – Юниавиа Групп? Чья она, кстати?

- Какая-то английская, - вставила Маша.

- Чушь! – констатировала Тамара. – Это они трубят, что компания английская, тычут простаков носом в свои документы. По документам она может быть хоть марсианская – будто я не знаю, как отечественные холдинги формируют свою корпоративную структуру. То-то и оно, что это компания одного из украинских олигархов, замешанного в терроризме и нескольких громких коррупционных скандалах. Теперь под видом государственно-частного партнёрства решил оттяпать аэропорт. Потихоньку выиграл тендер и подписал договор на реконструкцию. Благо, сейчас такое время, когда информация утекает даже там, где вода не просочится. А степень общественного правосознания не позволяет бандитам так легко и безнаказанно, как прежде, обворовывать государство.

- Думаешь, этот митинг реально повлияет на решение суда? – усомнилась Лолита.

- Вряд ли, - кивнула Тамара. – Но пару голубей в турбины, думаю, сунет. Каким бы ни было сегодняшнее решение, история наверняка будет иметь продолжение, партнёры горе-инвестора, особенно, международные, хорошо подумают, прежде чем впрягаться в резонансный проект.

- Я слышала другую версию этой истории, - вставила Маша.

- Будто бы это конкуренты организовали митинг? – снисходительно предположила Тамара. – Удивительно, что ты следишь за этим процессом.

- Не я – Серёжа. И рассказывает мне. И мне кажется более правдоподобным такое объяснение: два олигарха сцепились за объект своего интереса. Один выиграл тендер и получил контракт, но конкурент, естественно, не захотел с этим мириться, и развернул масштабную войну против Юниавиа Групп, используя в ней и чёрный пиар, и – что стало очень модно – возбуждённую толпу. Если сегодня суд под давлением этих легионеров не примет решение в пользу Юниавиа Групп, инвестор лишится кредита ЕБРР под этот проект.

- Красивая интрига, - Тамара с почтительной иронией наклонила голову. - Только не забывай, что мы не в сериале «Карточный домик» - применяемые в Украине политехнологии куда скромнее. Я не отрицаю, что возможен конфликт бизнес интересов. Не отрицаю и того, что стороны конфликта стараются использовать общественные настроения в своих целях. Но это естественно! А дыма не бывает без огня. И твоё утверждение, что на площади собрались наёмные митингующие, несправедливо, Маша. Просто у нас уже другое общество – не то, что было до 2014 года, пора увидеть это, пора понять: люди наглотались уже судейского и политического произвола сверх всякой меры.

- О, это сложно не увидеть и не понять! Особенно, жителям микрорайона, у которых под окнами бушует толпа, а на окружающих улицах заблокировано движение. Что уж говорить о родственниках тех, кто не дождался скорой помощи.

- Какое несчастье, - покачала головой Лолита. - Я, когда приехала, была поражена, насколько люди обозлены. Смерти друг другу желают. Я слышу от старинных знакомых такие страшные вещи... Будто их сняли с какого-то предохранителя. Я хорошо знаю, что такое ярость, если её не обуздать, - Лолита многозначительно посмотрела на Тамару. Та моргнула. - Контролю она потом не поддаётся. Пока не выльется в какое-то разрушение, не остановится.

- Мы уже на той стадии, - сказала Тамара. - Когда разрушение неизбежно. И жертвы – увы – тоже. Разбудили ярость. Не просто так её разбудили, Оля. Было ради чего проснуться. Я в этом убеждена, знаешь? Лучше быть холериком, чем овощем. Лучше быть извращенцем, чем импотентом. Понимаешь? А теперь – всё. Надо это принять. Заплатить эту цену. И ярости не мешать.

Восьмой класс. На краю школьного двора, за стадионом, бетонные плиты, сложенные одна на другую. Демаркационная линия. Увидишь, идёт кто-то из учителей, прыгаешь на другую сторону, и ты вне зоны действия его нравоучительного запала. Вокруг плит – горы окурков, следы от плевков, кое-где пивные бутылки. Какие-то свиньи оставили. Всё равно пацаны из 11-«А» их вычислят и надерут им задницу – свой мусор здесь принято выносить самим и сразу. Тамаре тринадцать. Ноги на ширине плеч, руки согнуты в локтях, упираются в развитые бёдра, короткие вихры дыбом от гнева. Он сидит на плитах, курит с насмешливым видом, - выпендристый долбоёб из параллельного класса. Сказал ей, что она у него пососёт. В коридоре школы, когда налетел на неё, чуть не сбив с ног, и она схватила его за руку. Изогнулся, гнида, и говорит: «Сосать у меня будешь». И вырвал руку. Тамара побагровела: «Что ты сказал?». «Что слышала, сука». Она стоит, смотрит на него в упор: «Давай, делай, чтоб я у тебя сосала». Он выблёвывает идиотские смешки – думает, поверят, что ему смешно. «Я жду, - железным голосом Тамара». «Отъебись, сука». «Да я пока не приебалась. Отвечай за свои слова. Сделай так, чтоб я у тебя сосала. Или вся школа узнает, что ты балабол». «Иди в задницу, - взревел. – Пошла отсюда нах». «Я жду одну минуту...». «И начинаешь сосать? – гогочет. Противный ломаный голос. Уже не детский, но ещё и не мужской». «И ты начинаешь, - Тамара вдруг широко улыбается. Очень угрожающе. – Время, - клацает языком о небо. – Вышло». Она ещё секунд десять неподвижно выжидает, позволяя его насторожившейся бдительности снова мерно засопеть, а потом молнией кидается к нему, взлетает на плиты, хватая его обеими руками за шею и резко наклоняет к паху. Прежде чем он очухивается, её пальцы дёргают змейку на джинсах. Она угадывает миг, когда нужно броситься вон, - чувствует надвигающуюся мощь, что проходит судорогой по его телу, распрямляющемуся, чтобы отшвырнуть её. Она отскакивает за секунду до того, как он хватается за джинсы – застегнуть ширинку. «Ну как, вкусно? – Тамара хохочет, как безумная. – А ведь дерьмовенько, небось!». Она

уже на безопасном расстоянии, - достаточном, чтобы удрать, если бы он попытался догнать её. Девочки пятаются у неё за спиной, шепча, что пора успокоиться и свалить. «Пошла на хуй, сука ёбаная! – орёт он и спрыгивает с плит на другую сторону». «Всей шко-оле, - торжествующе кричит Тамара ему вслед».

- Я не владею информацией, чтобы с тобой спорить, - задумчиво проговорила Лолита. – Но ты кажешься мне слишком агрессивной, чтобы быть правой.

- Пусть! – возбуждённо согласилась Тамара. – Я говорю вам откровенно, что думаю: сегодня нет права абстрагироваться от происходящего в стране. И в этом я категорична. Если вчера каждый мог позволить себе думать только о собственном благополучии, то сегодня каждый обязан – я это подчёркиваю – осознавать себя членом общества. Если наступит жопа, то она не сможет не коснуться вас и ваших семей. Понимаете? В обычное время можно пропускать мимо себя кучу разного дерьма, и это, наверное, правильно, и даже мудро. Но теперь уже не обычные времена...

- Всё это прекрасно звучит, - Маша уклончиво поджала губы. – Хотя и немного пафосно, не обижайся, Тамара. Но меня смущает, что многие правильные мысли превращаются в пропаганду насилия и разрушения в устах радикалов. А тем, кто пытается говорить о последствиях, закрывают рты, мол, сейчас не до дискуссий, ситуация форс-мажорная: действовать надо, а не думать.

- Это радикалы! Их небольшая прослойка была, есть и будет в любом обществе! Но показывать на них пальцами, давая характеристику ситуации в целом, - это просто нечестно!

- Да, Тамара, ты права. Радикалы есть, и позиция их понятна. Но когда они остаются управляемым меньшинством, – это одно. А когда их подхватывают те, кто до сегодняшнего дня радикалами не были, - это тревожный сигнал.

- Это естественно! Люди на эмоциях!

- Вот это и страшно! Я не знаю, что у нас произошло и происходит на самом деле, и не верю, что кто-то может знать. Меньше всего я верю телевизору и интернету. И даже если у меня есть свои догадки и соображения, я предпочитаю молчать. Если кто-то спросит меня о помощи, я рада помочь, чем могу. Но брызгать слюнями от ненависти! Вместо того чтоб выравнивать позиции? Я знаю, Тамара, что когда происходят такие вещи, как у нас, вся чернота лезет наружу. Слетаются, как стервятники на падаль. Жрут и гадят, пока все остальные отвлечены спасением и переустройством страны. Я одного боюсь: что мы себя сильно переоцениваем. Ведь мы только возмущаемся и кричим. Выбираем мнение как колбасу в магазине, а затем пиаримся в социальных сетях, клепаю пафосные тексты, - но ведь это же злостный фарс какой-то! Не верю я, Тамара, что этими митингами на каждом углу можно страну спасти. Нужно что-то большее для реальных перемен, пассионарность какая-то, что ли, поголовная готовность действовать и даже жертвовать чем-то. Но в нашем сегодняшнем обществе, как я его вижу, градус понтов выше, чем градус пассионарности. Оттого я и опасаюсь, что не случится никаких изменений, а только будут новые и новые жертвы во имя чьих-то амбиций. Может быть, тебе с твоей высоты виднее, где правда, - Маша пожала плечами, глянув на Тамару. – Я отвечаю только за то, что сама вижу и чувствую, за то, как сама это понимаю.

Тамара посмотрела на неё с улыбкой, в которой мелькнуло что-то вроде снисхождения.

- Я тебя, Маша, много лет знаю. Знаю, какой ты человек. И очень уважаю. Поэтому я не буду с тобой спорить. Но я очень, очень надеюсь, что однажды тебе станет стыдно за сегодняшние твои слова.

- Аминь, Тамара! Дай Бог, чтобы время упрекнуло меня в малодушии! Я буду надеяться на это вместе с тобой, и крепко.

Тамара фыркнула. Был порыв ответить. Иссяк. Промолчала.

- Зоя, что ты молчишь? Скажи что-нибудь.

Зоя от неожиданности проглотила недожёванный кусок картошки, прижала ладонь к груди и вытянула шею. Потом робко глянула на Лолиту.

- Почему ты разошлась со своим мужем?

Лолита выдохнула со смехом облегчения.

- Длинная история.

- Так мы ещё не расходимся.

- Расскажи, – присоединилась Тамара.

- Не рассказывай, если не хочешь, - сказала Маша и повернулась к Тамаре, отвесившей подбородок, словно у неё во рту мяч для пинг-пога. – Ну если она не готова...

- Не рассказывай, - подхватила Тамара. – Политическую ситуацию мы уже обсудили. Теперь самое время поговорить о новинках литературы и авторского кино, как уважающим себя интеллигентным людям. К слову, вы знали, что «Щедрик» в исполнении группы Пентатоникс набрал уже свыше 60 миллионов просмотров на youtube? А я тащила от этой вещи ещё года три назад, когда её мало кто слышал! Ой, девочки, а я говорила, что купила себе овальную кабуки для моделирования лица? Девочки, это самое грандиозное изобретение со времён фейсбука. Кстати, о фейсбуке. Мне очень интересно выяснить у Зои, почему она до сих пор не зарегистрирована ни в одной социальной сети. Предлагаю с этого и начать.

- А что? Выясним, Зоя? – хихикая, подмигнула Лолита.

- Так почему ты разошлась со своим мужем? – помотав головой, словно отряхиваясь, спросила Зоя.

Маша и Тамара, переглянувшись, засмеялись.

- Господи, почему все расходится с мужьями? Естественно, из-за его мамочки, - хохотнув, призналась Лолита. Зоя покосилась на Лолитины руки, которые та отвела за спинку стула и сомкнула. Смуглые, тонкие. На правой – увесистый золотой браслет. На среднем пальце левой перстень с синими и голубыми камнями. – Старая стерва настраивала его против меня с первого дня, - Лолита похмыкала, оглядывая слушателей, неуловимым жестом поправила волосы. – Если серьёзно, к этому давно шло. Он охладел ко мне через три года после свадьбы. Не совсем, конечно, но я перестала быть для него центром мира, как в первые три года, – когда он не знал и не хотел знать ничего дальше меня. Уже тогда я заняла почётное место законной любимой супруги в системе координат среднестатистического американца. Конечно, он баловал и жалел меня, конечно, у нас была регулярная обоюдно приятная близость – ты так посмотрела на меня, Зоя, будто хочешь спросить, а занимались ли мы вообще сексом в последние пять лет, поэтому я решила сразу пояснить, специально для тебя, - хехекнула Лолита, чуть запрокинув голову, и продолжала. – Словом, у нас был приятный секс, и он даже не изменял мне, ну, разве что, от случая к случаю – ничего серьёзного, я хочу

сказать, что это не было на системе, как у многих других наших знакомых пар. Что ещё? Деньги – с этим не было проблем. Том хорошо зарабатывал. Мой магазин...

- Том – это мужа так зовут? – уточнила Зоя.

- Ну да.

- Продолжай, что-то про твой магазин...

- Да, мой магазин тоже приносил небольшую прибыль.

- Что за магазин? – спросила Тамара.

- Парфюмерия. Косметика, - мечтательно пояснила Лолита. – У меня была мысль развить ювелирную секцию. Не знаю, реализует её Том со своей мамочкой или нет. Словом, последние пять лет мы прожили по инерции, потому что не мешали друг другу. А ещё, наверное, потому что всё-таки надеялись на ребёнка.

- Вы не могли зачать? – с плохо скрываемым ужасом осведомилась Маша.

- Не могли, - сказала Лолита. В её тоне не чувствовалось огорчения. – Мы оба здоровы. Но шестилетние попытки ни к чему не привели. От искусственного оплодотворения я отказалась. Я думаю, мы просто были несовместимы. Нам такой диагноз и поставили – несовместимость. Сказать, что я сильно расстроена, значило бы соврать. Я не представляю себя в роли матери его ребёнка. Нет. Не с ним.

- И что же с ним не так? – с оживлением спросила Зоя. – И почему ты так долго жила с ним, если знала, что вы не будете вместе?

Лолита неопределённо качнула плечом и посмотрела вбок.

- Не было повода что-то менять. К тому же, мне нравилась моя жизнь. Особенно, конечно, поначалу, - после того, что я пережила с Олегом, я готова была выйти замуж хоть за сатану, лишь бы сбежать подальше от него, - я воспринимала Тома просто как спасителя: ну, представь, Америка, - Лолита обворожительно улыбнулась. – Молодой муж, который боялся ко мне прикоснуться. На контрасте с Олегом! Дом. Участок.

- У вас был дом? – спросила Зоя.

- Да, я видела фотографии, – воскликнула Маша. – Очень красивый.

- Новые знакомые, поклонники, комплименты, вечеринки, пикники. Всё вокруг такое ухоженное и приспособленное. Плюс любовь Тома. Как бы там ни было, девочки, но когда мужчина любит, он способен дать, если не счастье, то большое удовольствие и кучу приятнейших вещей. Словом, первые три года, пока я насыщалась покоем и благополучием и чувствовала себя по-настоящему дорогой для Тома, всё было волшебным.

- А потом? – спросила Зоя.

- Потом эйфория прошла, но всё равно – я была довольна. Не всё устраивало, что-то раздражало, но, оценивая свою жизнь как бы со стороны, я могу сказать, что она была очень комфортной.

- Сытой, - полувопросом сказала Зоя.

Лолита, откинувшись на спинку стула, утвердительно улыбнулась. Потом повернула голову и утонула взглядом в велюровом кресле модели «Яйцо». – Машунь, а можно я туда пересяду? Так уютно выглядит.

- Конечно, только как же ты будешь кушать?

- А я уже поела.

- Вот это поклевала – называется, поела?

- Машунь, я не привыкла так много есть. Может быть, чуть позже.
- Я тебе подвину сейчас, - Маша вцепилась в кресло и притянула его к столу.
- Всё, всё, достаточно, - отогнав Машу, Lolita опустилась в «Яйцо» и ухмыльнулась с выражением высочайшего наслаждения.
- Но ты была счастлива с ним? – спросила Зоя, когда Lolita устроилась.

Lolita, усмехаясь её бесхитростности, приопустила веки.

- Я была счастлива. В своём роде, конечно. Если бы судьба послала нам ребёнка, что-то изменилось бы, я думаю: это стало бы знаком, что нас оценивают более серьёзно там, - Lolita указала глазами на потолок. – Но – не судилось.
- Ну а твой сын? Том не хотел воспринимать его как вашего общего ребёнка?

Lolita изумлённо округлила глаза.

- Ты что, думаешь, я рассказала ему про Никиту?

Зоя, в свою очередь, отвесила челюсть.

- Ты хочешь сказать, Том не знал, что у тебя есть сын?
- Воображаю себе реакцию чопорного Тома на новость о том, что его дражайшая супруга имеет сына тринадцати лет от роду!

Зоино веко легонько дёрнулось.

- То есть, человек прожил с тобой восемь лет, и не знает, что у тебя есть ребёнок. И вы были счастливы. А как же близость?

Lolita, снисходительно ухмыльнувшись, повернулась к Маше.

- Объясни ей.
- Ну, тут я с ней согласна, - возразила Маша и тут же спохватилась. – Нет, я понимаю, что ты подразумеваешь... Супружеская жизнь сильно влияет на восприятие многих вещей. Но насчёт Никиты это, мне кажется, действительно странно.

Lolita, томно поморщившись, дёрнула плечом и чуть опустила уголок рта.

- Мне сложно передать вам в точности все мои причины и мотивы... Но, так или иначе, про Никиту Том не знал.
- Как же ты общалась с сыном? – спросила Зоя.
- Обыкновенно. По скайпу, как и со всеми остальными. Том в такие вещи не вмешивался. Естественное.
- Ты хочешь сказать, что ни разу не видела его за восемь лет? – поразились Зоя.

Lolita расхохоталась.

- Да ты что! Конечно, к нам домой он не приезжал. Но в Штаты – каждый год. Обычно мы проводили недельку-другую в Майями. Однажды были в Сан-Диего, но в Сан-Диего, знаете, как-то уныло. Если в Майями жизнь бьёт ключом, то Сан-Диего напомнил мне пансионат для престарелых. Так что, если надумаете махнуть в Калифорнию, выбирайте лучше Сан-Франциско. А если на море – то лучше на атлантическое побережье. Какие там курорты – фантастика.
- А что Том? – не унималась Зоя.

- Ну а что Том? Он считал в порядке вещей отправить жену на пару недель на курорт. Моя знакомая в турагентстве - Дженни, тоже из Украины, кстати, помогала оформить Никитины документы, чтобы он мог прилететь. Мы встречались уже на месте.

Лолита кокетливо вытянула губы, наблюдая за Зоиной реакцией.

- Ты же сейчас не шутишь? – уточнила Зоя, испытующе глядя на неё.

Лолита снова расхохоталась. На этот раз не удержалась от ухмылки и Маша.

- Господи, ты так смотришь на неё, как будто первый день её знаешь, - вставила Тамара.

- Но если всё так себе и шло, что же случилось, что в итоге вы развелись? – всё ещё недоумевала Зоя.

- Да ничего не случилось. Но в какой-то момент всё остановилось. Дальше инерции не хватило. Мы это увидели как бы вдруг. И все окружающие тоже увидели это. Ну, тут его мамочка поняла, что момент настал, и дождала его. Как он робел, бедняжка, сообщая мне о её-своём-нашем решении, - Лолита пренебрежительно ухмыльнулась.

- Ну ладно, Том – это дело прошлое, - резюмировала Маша. – Какие дальше планы?

Лолита неопределённо дёрнула бровью.

- Ты с кем-нибудь встречаешься?

Лолита уклончиво улыбнулась.

- Ничего серьёзно, - сказала она, сдаваясь трёхсторонней блокаде взглядов. – Пока – так, перебиваюсь.

- Хочешь побыть одна? – бесхитростно предположила Зоя.

Лолита откинула голову с загадочной полуулыбкой. Взгляд её скользнул по подругам, поднялся вверх на хоровод декоративных тарелок на стене и мечтательно завис. Потом некий импульс заставил её корпус плавно податься вперёд. Она дёрнула гибкой шеей, всколыхнув волосы, и принялась теревить свои жемчужные бусы, затем оттянула нитку и подвесила на большом пальце. Затем сделала глубокий медленный вдох, приоткрыла рот, задержала дыхание, прикусила губу. Взгляд её описывал круги на оконном стекле.

- Не хочу, - сказала она, прищурившись с беспечной дерзостью. – Наоборот. Я хочу любви. Хочу страсти. Фонтана эмоций. Неистовства. Сумасшедших выходов. Бурного оргазма, - вещала Лолита, сваливая последний ударный слог каждой фразы на несколько тонов вниз. – Хочу всего того, что я недополучила от Тома. Хочу взлетать из-за того, что *он* посмотрел на меня. Хочу, чтоб у меня подкашивались ноги от *его* поцелуя. Пусть наш роман продлится месяц или неделю. Пусть даже один день. Не так важен человек, что станет источником, как сами ощущения. Вот чего я хочу. Хочу пожить в своё удовольствие. Насладиться своей свободой. Быть одной, Зоель, я не хочу. Но и искать очередного мужа – увольте. Раз уж не получилось у меня с ребёнком, я буду сходить с ума. Это самое большее, чего мне не хватало в Штатах. Там шагу невозможно ступить без того, чтобы кто-то это заметил. Чуть отступишь от общепринятой линии поведения, - и прослывёшь неадекватной. Господи, если бы я вела себя там так, как мне хотелось, они бы убедили Тома, что я больная на голову и закрыли бы меня в психушке. Клянусь вам. Не знаю, может быть, я немного забыла там саму себя, может быть, что-то важное упустила, но я терпеть не могу самокопания и могу вам откровенно признаться: я не жалею, что всё так сложилось. Я рада, что вернулась. Этот город. Я так соскучилась по нему. Он изменился. Но всё равно, я его узнаю, я вижу, что он помнит меня. Я повидалась с родителями – Господи, они уже и не надеялись увидеться со мной. Повидалась с сыном – впервые за много лет в домашних условиях, а не на курорте, как с тайной любовницей. Я увидела вас, - Лолита

обвела всех троих восторженным взглядом. – Это для меня... Девочки, вы не представляете, что значит для меня эта встреча! Мне как будто вернули всю мою жизнь. Словно я спала и видела сон, забавный, приятный сон, а, проснувшись утром, обнаружила себя в своей постели, и в окно светит солнце, и на стене любимая картина, и белые простыни такие нежные наощупь, и из кухни наплывает кофейный аромат. И я понимаю, что хочу жить. На полную катушку, – Лолита встретила взглядом с умиленно улыбающейся Машей. – Девочки, мне так не хватало нас. Я вспоминала, что мы вытворяли. Наши разговоры. Мы совсем другие, но я знаю, что мы остались друг для друга дорогими людьми. Я очень-очень надеюсь, что мы найдём время иногда видеться, несмотря на все наши дела и заботы, – Лолита умолкла, вкрадчиво глядя на Тамару. – Да?

Тамара усмехнулась.

- Раз уж ты на это нацелилась, я не сомневаюсь, что так и будет.

Лолита рассмеялась и подмигнула Маше.

- Тебя не нужно отдельно спрашивать, да? Ты всегда готова.

- Всегда, – Маша растроганно покачала головой и вдруг прильнула к Лолите. – Я так счастлива слышать от тебя эти слова. Так счастлива, что не потеряла тебя. Что мы тебя не потеряли, – поправила она, лукаво зыркнув на Тамару.

Тамара закатила глаза и снисходительно качнула головой. Лолита, когда Маша выпустила её из объятий, расправила одежду и прерывисто выдохнула.

- Так, ладно, я от этих нежностей в туалет захотела. Подскажешь, куда?

- Выходишь из кухни, и в конец коридора, – Маша изобразила маршрут жестами и вдруг начала хихикать.

- Что?! – запальчиво крикнула Лолита.

- Ничего! – в том же тоне откликнулась Маша и рассмеялась. – Я вдруг вспомнила собаку Тамилы Андреевны, школьной англичанки, помнишь? Такса. Она её брала с собой на все массовые мероприятия. Очень жизнерадостная собачка. Ну, помнишь? – Маша многозначительно подняла брови, насмешливо глядя на недоумевающую Лолиту. – Вечно писялась от восторга. На линейке то и дело налетит на кого-то и обоссит от радости. Ну?

- Ах ты гадюка! – сообразила Лолита и, раздражённая, двинула в коридор.

- Троллинг – новое слово в науке дружбы, – вполголоса проговорила Тамара.

Зоя беззвучно покосилась на неё. Маша вернулась к столу, села на свой стул, деловито поёрзала, оглядывая стол, после чего попыталась сокрушить тишину дружелюбной улыбкой, адресованной Тамаре. Тамара мигнула ей в ответ обоими глазами.

- Томочка, добавки? – предложила Маша светским тоном.

- Разве что этого, – Тамара жестом владычицы наклонила к своему бокалу приватизированную ею бутылку вина.

- Зося? – голос Маши по прямой линии.

- Да, можно немного, – согласилась Зоя, подпуская к своей тарелке оживившуюся Машу.

Свежая порция была ещё тёплой. Картошка мягко распадалась и плющилась под давлением челюстей. Вилка с оглушительным скрежетом таранила тарелку. Зоя изо всех сил старалась перестать быть источником наисильнейшего шума в помещении, не позволяя вилке протыкать куски пищи насквозь, цепляя их на самый край зубьев. Когда она приструнила вилку, стали предательски

поскрипывать зубы, соскользая с долек солёного огурца. Но тут спасительно зазвенела стеклом Тамара, умащивая свой бокал среди столовых приборов.

- Будет ещё десерт, - предупредила Маша. – Бисквитный пирог с пломбиром. И у меня есть вермут, если ты захочешь к сладкому.

Тамара кивнула и неожиданно переключилась на Зою.

- Почему ты так плохо пьёшь? Давай я тебе налью.

- Я же за рулём, - робко возразила Зоя, заставив Тамару замереть в позе сникающей воинственности.

- Да уж, - Тамара вылила в свой бокал то, что пять секунд назад определила причитающимся Зое. – Отбрить ты всегда умела, как никто другой.

Маша прыснула и с короткой искрой умилённого любопытства глянула на Зою, которая невозмутимо пожала плечами, продолжая уплетать свою добавочную порцию печеной картошки. Доев, Зоя подняла глаза в поисках причин вибрации, на мгновение сотрясшей стол. Тамара уткнулась в айфон, щекоча его мелкими аритмичными движениями пальцев. Маша увлеклась разглаживанием цветастой салфетки у тарелки. Вдруг её глаза, наткнувшись на пустую Зоину тарелку, озарились идеей.

- Я пока сполосну тарелки, а то эта гора грязной посуды на столе напрягает, честно говоря. Или ещё добавки? – воскликнула Маша с надеждой.

Зоя, чуть не поперхнувшись лимонадом, замотала головой.

Зажурчала вода хорошим напором. Зоя вспомнила, что через пару недель обещают поднять цену на воду вдвое или около того, и покосилась на Тамару. Та уже отставила айфон и, полуразвернувшись к окнам, смотрела куда-то за грань очевидности, сосредоточенно, даже напряжённо, пока её коротко остриженный ноготь тарабанил по ножке винного бокала.

Белые-белые облака. Почти без теней. Кое-где с золотистым отливом – если рисовать их, наверное, нужно добавлять немного кадмия. Белые, как Машино платье. Добротный ситцевый сарафан с юбкой чуть выше колена и широким поясом по талии. Заграничное диво. Так фасонисто в классе больше никто не одевается. А у Маши – дед капитаном, вот уж кого не удивить диковинками. Рядом с ней на скамейке Оля. Две пары голеней. Под коленом тонкая царапина – у Оли – это она в прошлый четверг перешла дорожку дворовой кошке. Их лица высоко, нужно отводить взгляд далеко вбок и вверх. Глаза устают. Маша плачет. Если приподняться на локтях, видно лучше, что там у них. Тамара – ноги на ширине плеч – в двух метрах от скамейки. Выжидающе вращает в руке ракетку. На скамейке Оля стучается коленями с плачущей Машей.

- Что случилось? – Тамара, без должной сердобольности. Не любит нюни.

Маша прячет лицо в ладони, вертит головой, мол, всё моё горе – только моё.

- Машуня, не пугай меня так! – восклицает Оля. – Что случилось? Это из-за четвёрки?

Маша отнимает руки от лица, утирает сопли, размазывая их по всему предплечью, и с немой скорбью поднимает глаза на Олю, потом выше Оли – не сосновые ветки, иглы, и вдруг раздражается рыданиями.

- Она меня просто убьёт.

Зоя возвращает голову на землю. Трава приятно щекочет шею, сухие тростинки покалывают икры. Дым клубится и тянется к облакам. Рука к

губам. Серебряное кольцо на большом пальце. Из Пачаевской лавры, когда были всем классом. Дым кольцуеться вокруг пальцев, рвётся. Выдох.

Снова их ноги. Олины, стройные, тогда ещё худощавые. Худощавее, чем у Лолиты. Но и в ту пору превосходные. Не слишком длинные, с округлыми икрами. Цепочка на лодыжке. Зоина мулька. Всегда хотела носить цепочку на ноге – так это, кажется, неброско и грациозно: цепочка на красивой лодыжке. Конечно, на Олиной лодыжке она уместнее. Отказывалась брать: ты же всегда хотела, говорит, перестань, сама носи, тебе очень идёт. Правильно, что настояла – глупо было бы носить самой, если эта цепочка, кому и годится, так только Оле. Толстухам тоже могу нравиться леггинсы, но хватает же ума некоторым из них не рядиться в них. Оля наклоняется к Маше, негромко, протяжно, матовым своим голосом тянет, утешает. Маша задумчива. Оля наблюдает за ней с тревогой.

- Мы ещё рекорд не поставили сегодня, - напоминает о себе Тамара, взмахнув ракеткой.

- Сейчас, - шепчет Оля, глядя на неё полуукоризненно-полуизвиняючись, и выразительно показывает глазами на Машу.

- Можем не успеть, - настаивает Тамара. – Осталось минут пятнадцать. Мы и так поздно начали из-за жары.

- Томка, ну, посмотри на это чудо, - сдаётся Оля и отказывается от своих этических манипуляций, которые Тамара упорно игнорирует. – Не можем же мы, как ни в чём не бывало, уйти сейчас.

- Ой, вы играли, я вас отвлекла, - спохватывается Маша. – Пожалуйста, идите! Я уже успокоилась, - она быстро вытирает слёзы и пытается изобразить улыбку.

- Ну что, она тебя заругает за ту четвёрку? – сжалившись, бурчит Тамара. – Ты уверена?

- Просто убьёт, - дрогнувшим голосом отвечает Маша, лицо её вмиг принимает затравленное выражение, и Тамара невольно отшатывается от новой волны её рыданий.

- Ну, перестань, - включает Оля. – Выберешь момент, когда у неё будет хорошее настроение.

- Не будет у неё! – с досадой отвечает Маша, продолжая рыдать. – Я же тебе говорила, что у неё... ну, гормональное... Она просто бешеная. Хоть домой не приходи.

- Ну, хочешь, - вдруг осеняет Олю. – Останешься у меня. Она за ночь перебесится, утро вечера мудренее.

Тамарины ноги отступают по парковому стадиону. Серые кеды под тяжестью сердца топчут свежий ёжик травы. Останавливается. Ноги на ширине плеч. Несколько раз отправляет воланчик в сторону облаков. Ритмичные удары. Много силы в этих руках. В этой голове. Ещё тогда. Воланчик падает в ладонь. Тыняется по полю. Кеды топчут траву. Так всегда и будет. Умная твоя голова, совершенно несгибаемая. Вчера новая заморская игрушка – электронный зверёк в цветной скорлупе. Сегодня – четвёрка по литературе. Завтра – потерявшийся кошелёк, который без Оли никак не найти. А тебе всё твои принципы, крайности: всё или ничего, или со мной, или против меня. Несокрушимый интеллект версус гибкая беспомощность. Облака. А на другой стороне перспектива парка. Шершавые стволы. Зеленоватый сумрак между аллеями. Две маленькие девочки наблюдают, как их отец мастерит

скворечник. Стоят у него за плечами на носочках, забавно вытянув шеи. Он отдаёт им короткие указания, и они, опережая друг друга, бросаются их выполнять. Маша и их переманит. Плавно, ненавязчиво. Сделает своими дочерьми. Что там? Кеды скользят по траве, приближаются, растут. Вот-вот наступят на глаза. Кеды или облака или девочки со скворечником: что выбрать. Дым кольцует.

- Зоя-джан, - взывает командирски. – Давай в бадминтон!

- Не могу, - поток дыма ударяется в нос, рассекается. – У меня же нога больная.

Тамара мычит вразумлённо, вспомнила.

- Ещё болит? Слушай, что ты лежишь на земле? Башку простудишь.

Тут же тянет приподняться на локтях. Маша на скамейке с Олей уже улыбается.

- Дай мне сигарету, - требует Тамара. Вытягивает из пачки, поджигает.

- Интересно, а наших учили делать скворечники на трудах? – так, просто, мысли вслух.

- Кору клювом долбить их учили, - жадно курит. Затяжки глубокие и частые. Отдаётся вся. Как всегда. Волосы в хвосте. Русые вихры во все стороны, как лучи от солнца. Лицо круглое, но приятное. Вечно жалуется на свои широкие скулы. Нормальные скулы. В гармонии со всем остальным.

- У тебя веснушки.

- Да? – хватается за щёки, обрадовалась.

- Утром ещё не было, а теперь – полно.

Хмыкает. Увлекается какой-то фантазией, глаза – вправо и вверх. У неё за спиной маячат Оля с Машей, становится слышна их стрекотня. Тамара оборачивается.

- Ну, что вы тут? – заодно спрашивает Оля, задерживает взгляд, вскидывает брови. – Ты что такая задумчивая, Зоя?

- Как вы думаете, если повесить скворечник – птицы не подерутся из-за него?

Рассмеялась. Дюжина звонких компактных смешков, соединённых перламутровой нитью придыхания, выпорхнула из её рта. Этот смех был подобен жемчужному ожерелью, но равно же он был подобен фундуку, брошенному в пиалку с молоком и всплывшему на поверхности. Не менее он был подобен ягодам черешни, упругим и глянцевым, не слишком крупным, но и не крошечным, которые катятся по мраморной столешнице. В меньшей степени, но всё же напоминал он и развеваемую ветром гардину из гроздьев акации. И, пожалуй, больше всего он походил на горсть подброшенных камушков в момент, когда они влетают в солёную воду.

Это было одно из тех мгновений, когда самое обыденное действие, повторяемое нами множество раз, вдруг выходит у нас по-особенному, невольно привлекая к себе внимание всего сущего; и все его свидетели догадываются, что это мгновение задумывалось Вселенной, возможно, ещё до нашего рождения. Услышав Олин смех, подобрались, выпрямились, точно пузатые боссы под звуки гимна, шершавые стволы. Сконфуженно прижалась к земле вытоптанная Тамарой трава, не оставляя шанса адептам пословицы. Две сестры восторженно и, забыв о скворечнике, озадаченно вгляделись в замерцавший сумрак парка. И даже самовлюблённые облака с любопытством замедлили ход, пренебрегая

образованным за ними затором. И окна Лолитиной спальни, открытые в парк, где двадцать лет назад прозвучал этот смех, ностальгически пошатнулись, вспомнив, как беременная ею мать, стоя в этой комнате перед зеркалом, с любопытством разглядывала свой живот, и как её бабушка показывала Оле в его тёмном отражении лысую малышку. Они вспомнили, как она плакала из-за разбитого колена, пока кровь текла на белую простынь, и как, свесившись с кровати, рвала однажды ночью, объевшись грецких орехов, и о брачной ночи её бабушки и дедушки, об агонии её прабабки и о ругательствах пьяного маляра, свалившегося с табуретки, на которой белил потолок. Потом они сообразили, что всё перепутали – ночная рвота была не у неё, а у её матери, а побелкой потолка занимался сам дед, после чего и сломал ногу. И о многом ещё успели вспомнить окна, пока на лужайке стадиона, вдруг раздувшейся до размеров галактики, звучал насыщенным вокализмом, благословившим прозвучавшую фразу, ставшим её самой ценной и самой желанной наградой, Олин смех.

Она отсмеивается и вновь становится обычной школьницей с царапиной под коленом и неумолимой перспективой исполнения американской мечты.

- Маша сегодня ночует у меня.

Зоя вздрогнула, услышав над ухом голос Лолиты.

- Интерьер у тебя – просто супер, - неторопливо дефилируя к своему «Яйцу», констатировала та. – Спокойно и, вместе с тем, смело: много цвета, а узоры в спальне – я заглянула, можно? – вообще gorgeous. Только сейчас осознала, как меня утомил этот американский минимализм. Стены они красят. В белый. Или в серый. Или в беж. А если обои, то никакой фактуры, никакого рисунка. Максимум – в детской комнате позволят себе немного полоски. Остальные стены – как голые. И этот белый цвет. Не умеют сочетать цвета, потому повсюду пихают белое. Какого цвета стол купить? Дубовый – нет, не гармонирует со всем остальным. Ореховый – не нравится. Вишнёвый – а вдруг не впишется. Белый. Отличное решение! И так со всем. А твои двери! Они как шоколадки! Внушительные и... и просто красивые. В Штатах двери тонкие, как будто из фанеры. И у всех поголовно белые. Это алес!

- Американские интерьеры – ещё куда ни шло. Посмотрела бы ты на скандинавский, там даже пол белый, - возразила Тамара.

Лолита направила к голове указательный и средний пальцы, скользнула ими вверх вдоль виска, имитируя выстрел.

- Просто ты предпочитаешь классику, - заключила Тамара. – Это дело вкуса.

- А ты – нет? – спросила Маша, улыбаясь. – Что ты предпочитаешь?

- Мне, как раз, ближе европейский интерьер. Лёгкий и воздушный. Белый цвет, - Тамара развела руками. – То, что нужно. Максимум пространства. Минимум мебели. А декор и текстиль – под настроение. Надоело – сменила шторы, повесила новое панно, покрасила стол – и как будто в другой квартире оказалась. Я просто люблю перемены, - она позволила себе полуулыбку. – Одно время я была влюблена в японский хай тек, но через пару месяцев у меня во рту уже был привкус металла. Мне всё быстро приедается. Кроме солнечного света и свежего воздуха.

- Значит, примерно понятно, что нас ждёт у тебя на новоселье, - Машины брови скакнули вверх-вниз. – Как твой ремонт, заканчиваешь уже?

Лолита с живым интересом воззрилась на Тамару.

- Почти, - несколько смешалась Тамара.

- А ты ремонт делаешь? Это в родительской квартире? – уточнила Лолита.
- Да нет, - ответила за Тамару Маша. – Она же купила квартиру в прошлом году. Ты разве не знаешь?
- Впервые слышу! - воскликнула Лолита. – Что за квартира? Где?
- На Фонтане. В новострое. Супер квартира, - продолжала Маша, поглядывая на Тамару, не возражает ли та против её инициативы. – Удивительно, что ты не знаешь.
- Да ты что! – изумилась Лолита. – И сколько комнат?
- Там нет комнат, - негромко пояснила Тамара. – Свободная планировка. Восемьдесят метров. Плюс восемь метров ванная с туалетом. Можешь сделать столько комнат, сколько считаешь нужным.
- И сколько ты сделала?
- Я отделила спальню. Всё остальное – большая гостиная.
- А кухня?
- И кухня. И холл, и кухня, и гостиная. Всё в одном помещении. На шестидесяти метрах воспринимается довольно просторно.
- Так, я должна всё это увидеть, - Лолита хлопнула себя по локтям.
- Милости прошу, - улыбнулась Тамара.
- Ты умница, что купила квартиру, - Лолита вернулась к мысли, которая её занимала. В выражении лица прочитывался невысказанный вопрос, и она подпустила его к языку. – Ты сама там будешь? Или с Жориком?

Тамарины губы непроизвольно дёрнулись. Она подавила гримасу отвращения и коротко улыбнулась:

- Сама.

Лолита прикусила язык за его неделикатность.

- Жорик остался в прошлом, - улыбаясь уже длинно, демонстрируя безболезненность и приемлемость этой темы, сказала Тамара.
- Я ничего об этом не знала, - с катастрофическим сокрушением проговорила Лолита.
- И я, - подавленно вторила Маша.
- А я – и подавно, - вставила Зоя, невольно собирая на себе взгляды и с виноватым видом зажимая рот.

Тамара расхохоталась.

- Вы бы себя видели. Космическая скорбь! Я рассталась с этим кабелём полгода назад. А надо было – ещё два года назад. Но если бы я съехала от Жорика тогда, я бы свихнулась от маминых причитаний. Как только купила квартиру, послала Жорику воздушный поцелуй. Что вы такие рожи скорчили? А ты, Маша, реально думала, будто я впала в романтический маразм и не вижу, что он на каждую упругую задницу дробит? Думала, только ты заметила, что это за фрукт?
- Честно говоря, я думала, что у вас всё наладилось, - удручённо пробормотала Маша. – Потому что после того, как он встретил тебя...
- Не нужно, пожалуйста, - перебила Тамара, вонзаясь в Машу яростным взглядом.
- Я только хотела, чтобы ты знала, что та ситуация на тридцатилетии... - словно оправдываясь, продолжала Маша.

- Маша! - гаркнула Тамара. – Я понимаю твои благие намерения, но я тебя прошу по-человечески: не нужно.

Упрёк в Машиных глазах сник через пять секунд после встречи с Тамариными.

- Хорошо, ты только не нервничай, - сдалась Маша.

- А можно я всё-таки кое-что уточню? - уязвлённо вмешалась Лолита. – А то у вас тут какой-то внутряк. Я могу спросить или ты вообще не хочешь говорить о Жорике? – она с претензией уставилась на Тамару.

- Спроси, - улыбнулась Тамара. – Хотите поговорить о Жорике – вперёд. Отвечаю на все вопросы. Только прошу воздержаться от попыток открыть мне глаза на то, какой он на самом деле душка, как он мне объективно подходит и как он меня в действительности любит. Поймите, что эти попытки для меня равнозначны обвинению в скудоумии. Если вы считаете, что я хуже вас разобралась в человеке, с которым прожила три года, что я дала ему менее точную оценку, чем способны дать вы, то скажите мне в глаза, что я идиотка, на том и разойдёмся. А пытаться меня образумить!..

- Всё, всё, я же замолчала, - Маша согнула руки у груди и развела в стороны ладони.

- Значит, Жорик – это тот тип, из-за которого ты ушла от Дениса? – Лолита наклонила голову вперёд.

Тамара деловито кивнула.

- Тот, в которого ты влюбилась, как сумасшедшая, и про которого говорила, что поймала своего журавля? – Лолита требовательно приподняла брови.

Тамара медленно, с иронией, мигнула.

- И который прыгал с парашютом вместе с тобой? Вы же с ним тогда и познакомились, да? – Лолита нахмурилась, припоминая. – Когда прыгали.

Тамара покачала головой.

- Мы познакомились на работе.

- Точно. Вот мне вспоминается история, как какой-то тип сорвал тебе сделку. Заявился на переговоры, начал там дерзить, хохмить и меряться членами с клиентом – что-то такое, да? Это же тоже он?

Тамара не удержалась от ухмылки.

- Удивляюсь, откуда ты можешь знать эту историю, - она, приподняв бровь, покосилась на Машу.

- От неё, от неё, - подтвердила Лолита. – Так ты можешь мне объяснить, он из ревности это делал?

- Типа того.

- А ты с этим клиентом что-то мутить собиралась?

- Да так, - уклончиво ответила Тамара. – Ничего особенного. Но Жорик почувствовал, как он выразился, сексуальное напряжение. И пришёл – метко сказано – померяться членами, - она заметила, как Лолита с Машей с любопытством переглянулись. – Не могу вспоминать без омерзения этот эпизод. Но это мелочи. В другой раз он развёл половину офиса, симитировав обыск в моём кабинете. Четверо здоровых амбалов врываются ко мне, запирают дверь, валят на пол моего референта, тыкают в меня пистолетом. Четверо ушлёпков с киностудии – массовочное мясо, которое в свободное время ходят по значным местам потными Лунтиками и Олафами. Ну вот, он их нарядил в форму

спецназовцев – там же, на киностудии, одолженную, вооружил собственными маркерами для пейнтбола, нарисовал им в фоторедакторе судебное постановление на проведение обыска, и привёл этот цирк в мой офис.

- Господи, а цель какая? – вытаращила глаза Лолита.

- Произвести впечатление.

- На тебя?

- Ну, и на меня, конечно, тоже. Но и в целом – на публику. Он это всё, естественно, заснял, выложил на ютуб и потом месяц дробил от комментариев. А в офисе эту историю до сих пор молодняку травят. Когда всё выяснилось, меня стошнило. Я жалею только об одном: что у меня не получилось сделать это ему на костюме.

- Блин, да он у тебя настоящий псих, - заключила Лолита, упоённо улыбаясь.

- Он мудака, а не псих, - невозмутимо возразила Тамара.

- Блин, ну я же тебя знаю, Томка. Тебя все эти вещи должны заводить.

- Они и заводили, - признала Тамара. – По дурости. А теперь, как вспомню - тошнит. От всего, что с ним связано.

- Ну, тебе виднее... Мне запомнилось только, что любовь у вас была безумная.

- А ещё – именно благодаря Жорику я заработала черепно-мозговую травму и посадила зрение – Маша ведь рассказывала тебе, как синий Жорик устроил романтическое рандеву по ночному городу, силой привязав меня к мотоциклу и сев за руль? Хорошо, что больница оказалась недалеко от места аварии, ага. И именно Жорик тот маньяк, что довёл мою маму до сердечного приступа, заявившись к ней однажды ночью, когда я была в командировке, опять-таки нажратый, и угрожая поджечь квартиру, если она сию секунду не перестанет меня прятать. И, как ни странно, это тот самый кабель, который перетрахал половину офиса в надежде вылечить хроническую депрессию. А также, какое совпадение, тот самый поц, который искал себя, а нашёл инсулинозависимый сахарный диабет, – Тамара усмехнулась и добавила после паузы. – Я могу ещё долго продолжать. Но, думаю, вам и так ясно.

Лолита сглотнула, опять коротко переглянувшись с Машей.

- А сейчас - вы до сих пор вместе работаете? – с робостью в голосе спросила она.

- Ага. Он директор по правовым вопросам в той же компании, что и я, - беспечно ответила Тамара.

- Но ты же не в его подчинении? – осторожно уточнила Лолита.

Тут уж Тамара почувствовала тягу переглянуться с Машей.

- Лолита, а ты вообще в курсе, кем она работает? – встряла Маша.

- Какая-то заправочная контора, - Лолита вопросительно кивнула.

- Нефтегазовая, - сказала Тамара.

- Это... Супернафта, - многозначительно поведала Маша.

- Ааа... - протянула Лолита с плохо скрытым недоумением. – Вот эти заправки, да?

- Заправки, нефтеперерабатывающий завод. Одно из самых крупных и прибыльных предприятий в Украине, - продолжала Маша, испытующе глядя на Лолиту. Лолита, оттопырив губу, с внушением закивала. – Тамара – замдиректора южного филиала, - Маша сделала паузу, добившись-таки должного изумления со стороны Лолиты. – Без пяти минут директор филиала.

Лолита перевела прояснившийся вопросительный взгляд на Тамару. Тамара самоснисходительно поджала губы.

- Сечёшь, с кем сидишь за одним столом? – разошлась Маша, и вдруг её лицо вытянулось от ужаса и восторга. – Подожди... я же не сказала тебе! – Маша замахала руками. – Ты же, конечно, не знаешь... – она замерла с полуоткрытым ртом, глядя на Лолиту.

- Ну, не томи, – раззадорила её та.

- Тому признали лучшим региональным топ-менеджером в Украине по результатам прошлого года, – Маша проникновенно замолчала, наслаждаясь реакцией. – Международное рейтинговое агентство. Лучший региональный топ-менеджер. Первое место в стране!

Лолита посерьезнела, пристально, с нежностью посмотрела на Тамару.

- Откуда только ты это знаешь? – борясь со смущением, покачала головой Тамара.

- А мама прочла в Одесском вестнике, – с готовностью призналась Маша. – Звонит, говорит, тут в газете про твою Тамару. Она сильно впечатлилась. Какая, говорит, умница. Ну, говорит, по ней ещё в школе было видно, что толк будет. Позвони, говорит, поздравь. А я как-то постеснялась – было Рождество, знаю, что на Рождество ты всегда в Альпах. Чего отвлекать, думаю, – решила, что при случае скажу тебе. А потом мы с тобой столько раз по телефону говорили, а у меня из головы вылетело.

- Значит, ты – большой босс? – перебила Лолита.

- Типа того, – выдохнула Тамара и сделала глоток вина.

- Ну, что сказать, – развела руками Лолита. – Кроме того, что я очень за тебя рада. И очень тобой горжусь, – добавила она, понизив голос. – Теперь понятно, откуда взялась квартира, – ещё добавила удовлетворённо и задумчиво. – И всё-таки, – вновь оживилась. – Если вы с ним вместе работаете, вы же вынуждены как-то взаимодействовать?

- И это одно удовольствие, когда нас не связывают личные отношения, – подхватила Тамара. – Жорик – профессионал, у него этого не отнять. Анализируя наши отношения post factum, я прихожу к выводу, что если бы не знала его в работе – значительно меньше интересовалась бы им изначально, и гораздо раньше решила бы всё прекратить.

- А мне кажется, именно то, как человек работает, характеризует его лучше всего, – от неожиданного звука Зоиного голоса, три головы повернулись к ней. – Часто всё наоборот: кажется, очаровательный человек, пока не начинаешь с ним работать.

Тамара пожала плечами.

- Никогда не смотрела с такой позиции.

Маша с Лолитой затаились, ожидая Зоиного ответа, но она промолчала.

- Слушай, а ты довольна вообще таким поворотом? – насторожилась Лолита. – Я помню, ты всё мечтала о науке. А оказалась в бизнесе.

- Одно другому не мешает, – возразила Тамара. – Даже наоборот. Кандидатская диссертация у меня на выходе, если ты об этом.

Лолита отвесила челюсть.

- Какая диссертация?

- Обыкновенная, – улыбнулась Тамара. – По экономической теории.

Маша прыснула, наблюдая за Лолитой.

- Да уж, математичке нашей впору готовить речь для апостола Петра: что заставило меня поставить крест на золотой медали Ферзевой своей четвёркой.

Тамара махнула рукой, поворачивая голову к окну, вспоминая, с тенью улыбки на губах.

- Зато у тебя от жизни золотая медаль, - вздохнув, продолжала Маша. – За что ни бралась – во всём преуспела. Мне моя мама всегда тебя в пример ставит. Ты у неё кумир.

Тамара молча усмехнулась.

- То, что у тебя карьера, научная деятельность – это, само собой, показатель. Но у тебя всё выходило всегда лучше, чем у других. Я так хорошо запомнила, как ты в выпускном классе с первоклашками гимн разучила на последний звонок – на спор, в пику Мурзилке, которая всех уверяла, что дети слишком малы для этого. И по той же математике – помнишь, как ты китайскую задачу про инопланетян решила, единственная в классе? Мы все рты от зависти раскрыли. Никто не додумался. Не понимаю, как можно было после этого четвёрку поставить. Медаль зарубить.

- Да что ты заладила с этой медалью, - развеселилась Тамара. – Я была уверена, что любая риторика на тему золотой медали заканчивается до выпускного. А у умных детей – ещё раньше.

- Да я понимаю, о чём ты думаешь.

- Ни о чём я не думаю, - описывая головой полукруг, ошарашенно возразила Тамара.

- Какой толк от неё, - не унималась Маша. – Кроме того, что даёт маме повод распустить хвост. Когда она начинает при Серёжиной родне хвалиться, что у неё Машенька круглая отличница – мне хочется под землю провалиться. Там сестра – практикующий хирург, брат – аспирант кафедры компьютерных систем, сын сестры – победитель областных олимпиад. Можете себе представить, что им до задницы моя медаль, которую я однажды положила в ящик, и с тех пор не доставала, потому что занята варкой борща и игрой в дженгу.

- Ну и что? – возмущённо встрепенулась Лолита. – Можно подумать, эти занятия хуже, чем другие.

- Каждому своё, - поддакнула Тамара.

- Это понятно, - согласилась Маша. – Только я же не думала, что моим станет именно это.

- Хочешь сказать, ты бы хотела работать? – крикнула Лолита.

- Я хотела работать, - сказала Маша, притуплив взгляд и серьёзная. – Размещала резюме, просматривала вакансии, ходила на собеседования. Меня даже взяли. Первые два дня я занималась откровенной фигнёй: подай-принеси, позвони. Серёжа надо мной смеялся: ну-ну говорит, поглядим, на сколько тебя хватит. Короче, прихожу я к шефу, говорю: дайте мне нормальную работу, чем быть на побегушках, я лучше дома буду сидеть, своим детям подносить. Он отвечает: а ты нормальную работу сумеешь делать? Я говорю: так научите, я не тугодум, всё на лету схватываю...

- И вообще, у меня золотая медаль, - смеясь, подхватила Тамара.

- Да. Короче, он сказал: хорошо, я тебе дам инструктора, он тебе всё объяснит, что к чему, и попробуешь, а сам лыбится, зубоскал такой, знаешь. Короче, приходит

ко мне инструкторша: младше меня лет на пять, самомнение – выше облаков, и такая, знаете, ударный слог растягивает и прицокивает в разговоре. Давай меня, значит, поучать, а потом каждый шаг критически оценивать и по каждому действию замечания делать. Короче, я три дня это послушала, послала их и ушла. Даже зарплату не забрала за ту неделю. Прихожу домой расстроенная. Серёжа допытывается: что случилось. Я молчу, думаю, ещё этот масла в огонь подольёт. Но он всё понял, конечно. Жалко ему меня стало. Сделался такой заботливый, кузя мой золотой, и говорит мне: хочешь, я тебя к себе на работу возьму. Ну, тут я не выдержала, расплакалась. На какую, говорю, должность. А сама рыда-аю. Он говорит: найдём, чем тебя занять. Я говорю: нет уж, спасибо, я уже наработалась, сама придумаю, чем заняться, чтобы какую-то пользу приносить.

- Господи, мне бы твои проблемы, - не выдержала Лолита. – Ну и что, придумала?

- Поначалу охота работать у меня, прямо скажем, пропала. Я подсела на форумы и социальные сети: связалась со всеми подругами, с маминной роднёй, с эмигрантами. Я выучила ассортимент всех интернет-магазинов, знала, откуда поставляют нормальный товар, а откуда бракованный, откуда вовремя доставляют, а где постоянно задерживают. Я оставляла отзывы и писала жалобы, подготовила даже собственный рейтинг интернет-магазинов, разместила на форуме, после чего мне стали звонить пользователи за советом, - Маша энергично кивнула, отвечая на немое удивление Лолиты. – Кроме того, я постоянно висела в группах по кулинарии, по детскому развитию, по плетению макраме и составлению икебан – да, был у меня и такой период, а Соня, кстати, до сих пор увлекается макраме. Потом мы строили дом и одновременно продавали свою двушку. Я не вылезала из тем по продаже и покупке квартир и домов, стала немного ориентироваться на этом рынке, ну и комментировала: хвалила, критиковала – мне хотелось помочь людям разобраться. Я не утверждаю, что я большой ас, но иногда люди не просекают элементарных вещей и из-за этого ведут себя неадекватно. Короче, я докомментировалась до того, что получила форумную награду «Эксперт по недвижимости». И тут мне стали звонить из риелторских агентств, предлагать работу. Я так воодушевилась поначалу. А что, работа супер для домохозяйки: график свободный, загрузку определяешь сама, работать можно дома, если, например, ребёнок заболел или ещё какие-то помехи в офис поехать, бумажной работы – минимум, с людьми общаешься, а если удастся помочь человеку продать или купить! Короче, прикольная работа.

- Ну и что? - спросила Лолита. – Почему ты бросила?

- Ты понимаешь, - Маша изобразила колебание. – К риелторам у нас отношение, мягко говоря, недоброжелательное. Очень мало есть клиентов, которые воспринимают риелторов как помощников. Большинство считают их лицемерными крысами, которые наживаются на чужой порядочности. Но и те, и другие общаются с риелторами как с людьми второго сорта. Где-то я могу их понять, этих клиентов, потому что лицемерия в этой работы действительно хватает, и это может раздражать, но и риелторов можно понять, им ведь тоже хочется заработать.

- Разумеется, - проворчала Тамара. – Проституток тоже можно понять. И киллеров, если сильно постараться, тоже.

Маша снисходительно потупилась, но продолжала:

– Когда мы построили дом, я зависла на дизайнерских сайтах. Я проектировала интерьер каждого помещения в специальной программе: у меня по двадцать-тридцать вариантов для каждой комнаты, с полсотни кухонь. Знали бы вы, сколько километров я намотала по строительным рынкам и гипермаркетам,

сколько перевидала обоев, плитки, паркета, плинтусов, кухонных модулей, - мне уже снились все эти диваны, стулья, шкафы и унитазы. Короче, мы всё закончили.

- Как я и сказала, ремонт удался на славу, - повторила свой комплимент Лолита. – Недаром ты так увлечённо в это погрузилась.

- Ну, слава Богу, я рада, - с удовлетворением улыбнулась Маша. – Словом, закончили ремонт, и опять встал вопрос – чем заняться. Возникли мысли о своём бизнесе, но когда я представила себе эти риски, разборки с проверяющими, ну его нафиг.

- Мне кажется, ты усложняешь... - покачала головой Лолита.

- Ты не сравнивай, - сказала Тамара. – Как у тебя было, и как это здесь...

- Даже если бы это было втрое легче, я не чувствую к этому тяги.

Лолита глубоко вздохнула и с улыбкой терпеливого внимания поджала губы.

- В общем, я всё это вам рассказываю, чтобы вы понимали мою эволюцию, - как я пришла к тому, чем занимаюсь сейчас.

Тамара и Лолита зашевелились, со свежим любопытством внимая Маше.

Они сидят на парапете лестницы у подъезда Олиной хрущёвки. Двор у Оли тенистый, с высокими тополями в восточной части, с небольшим футбольным полем, окружённым ореховыми деревьями, с множеством скамеек, парой песочниц, каруселью и тремя добротными качелями аккуратно напротив Олиного подъезда.

Оля сидит, отведя руки за спину и уперёв в них корпус. Маша на противоположном парапете покачивает скрещёнными ногами. Тамара не высидела и минуты – расхаживает взад-вперёд, исступлённо слушая и косясь на Зоины ноги, гоняющие мяч от бордюра к бордюру.

- Я с тобой согласна, что осуждать кого-то, кроме самой Ларисы, едва ли правильно, - авторитетно вещает Маша. – Она сама до этого довела. Действовала безответственно. Не потрудились предвидеть, как этот человек себя поведёт. Ты это всё правильно сказала. Но, подумай, она действовала на эмоциях. Её можно понять. Как минимум, она заслуживает сострадания...

- Да ни хера она не заслуживает, - злобно отзывается Тамара. - Она только и делала, что ныла: большое одолжение, оцените, делаю, что за вас замуж иду. Такая вся из себя возвышенная за такое, читай по губам, ничтожество. Так хули ты, раз такая невъебенная, за такое уёбище замуж согласилась? Тихой жизни зачалось... А если уж решилась, потрудишься, тупица, хотя бы один глаз разуть, - лицезреть, что за скарб тебе перепал. Наберись же ты, рохля, смелости, вспороть кишки своим иллюзиям. Некому её было на место поставить. Кроме Паратова. Вот он ей именно указал на её место – что нужно было с самого начала сделать, чтобы не плодились мечты эти нелепые. За что её жалеть?

- Ты жестокая, Томка, - дружелюбно замечает Маша. – Нет в тебе сострадания к слабости. Людям свойственны слабости...

- Слабости здесь не при чём, - яростно перебивает Тамара. – Слабость – это недостаток силы. Слабости у тех, у кого есть стержень. А Лариса ваша – просто тряпка. Не было у неё никаких слабостей, потому что воли не было: ни принять свою судьбу, ни бороться с ней. Тошнит от того, как все с нею цацкаются. И главное, как вам понравилось, я, видите ли, не доросла ещё, чтобы понять лирическую героиню! Много надо ума, чтобы понять вашу

героиню, что она – так, шкурка от личности. Видите ли, я должна была поплакать за Лариской, потому что Галине Николаевне её жалко. Она же по вечерам чем занята? Поела, посуду помыла, новости посмотрела, чайку забацала, садится за стол и Огудалову оплакивает. Воспитанники совка, сука, дебилки. Потому что совок таких вот тряпок, как Лариска, воспитывал. Чтобы потом всем совком за ними поплакать, когда жизнь ими пол вытрет и в мусорник выбросит. Экая наглость – раскритиковать Огудалову. Мнение их, видите ли, научили иметь.

- Насчёт того, как она отреагировала, я с тобой согласна. Это она загнула. Но и ты, я тебе объективно говорю, переборщила.

- Да плевать, - фыркает Тамара.

Женищина сидит у коляски на раскладном стуле, склонилась над книгой. Пытается читать, но отвлекается, часто вскидывает голову, смотрит на них с живым интересом, хотя суть спора, должно быть, не слышит. Вот снова посмотрела, поймала Зоин взгляд, тут же упавший на мяч. Лет двадцать пять, миловидная. Бирюзовые штаны с лайкрой невыгодно облегают пухлые после родов бёдра. Чёрная футболка с полосками в тон штанам. Что её так заинтересовало? Переводит взгляд с одной на другую, задерживается дольше других на Оле, - тоже считает, что самая красивая.

- И чего бы я так нервничала? – вмешивается Оля, обрамляясь сигаретным дымом. – Из-за такой фигни настроение себе портить.

- А сама-то ты что думаешь насчёт Огудаловой? – пеняет на неё Маша.

Оля томно поводит плечом.

- А ты вообще читала? – Тамара кривит брови и рот.

- В смысле? – Оля ошалело выкатывает на неё глаза. Сигарета висит на уровне носа. – Что за наезд, Тамара?

- Что за тон? – огрызается Тамара.

- Ты за своим тоном следи, Тамара. Я же тебе не Огудалова. Нашла, на ком злобу сорвать, что ли?

- Жаль, что у тебя так туго с юмором, - цедит Тамара.

- Что ты сказала? – взъелась Оля.

- Я сказала, что мне пора домой, - рывкает Тамара. Она ломится по ступеням сорвать с парапета сумку, но поздно – Маша перехватила.

- Пусти, - Тамара ей.

- Успокойтесь, - Маша в позе миротворца. – Обалдели, что ли? Оля, шуток не понимаешь?

Какая любопытная. Про книгу забыла. Ещё бы, такие страсти. Даже чадо прониклось, заныло. Она коляску закачала с усердием, а сама смотрит. У неё окно посреди режима, час очень тихой свободы, а тут – страсти: рвут на части Ларису Дмитриевну, а той и дела нет; будто можно уязвить её, ненавидящую насилие и содрогающуюся от самого слова «борьба», упрёком в слабоволии; будто злобные судьи способны огорчить её хоть сколько-нибудь сравнимо с неудачей родиться в этой богом забытой глуши; будто дразнящий их Паратов нужен был ей не в качестве только лишь билета первого класса из той убогой клетки, в которой теснилась её жаждущая солнца душа (как им объяснишь, что не всякий заставит себя путешествовать зайцем или третьим классом); будто им что-то известно о дилемме «всё или ничего». А

она всё смотрит. Как зритель пьесу. С аппетитом. Может быть, это зависть в её взгляде. Или что-то более лёгкое. Мечта?

Зоя дважды лупанула по мячу для коды, сунула его под мышку и поплелась к качелям.

- Попустись уже! - орёт Оля. – Домой она собралась. Дай мне сюда эту сумку, - выдёргивает у Маши из рук.

- Мне пора домой, - толдычит Тамара, а сама украдкой топчет дотлевающие угли своей лютти. – Я обещала сегодня пораньше.

- Ты же ещё не расчленила Огудалову – как же ты уйдёшь? – издевается Оля. – Давай я тебе помогу! – тут она наклоняется к Маше и, скорчив гримасу, оглушительным шёпотом спрашивает. – Маха, Огудалова – эта же та поэтесса, у которой мужа расстреляли, а сына сослали? А что она написала? А то я вчера алфавит учила и не успела прочитать то, что к уроку задавали.

Маша-миротворец головой вертит, лыбится, по сторонам глазами стреляет, вдруг её осеняет.

- Слушайте, вы у Зойки спросите про Огудалову. Она сейчас быстро всё разрулит. Да? Зоха! Твоё слово: жалеть Огудалову или презирать?

- Это одно и то же, - ворчит Тамара.

- Хорошо: сострадать или презирать?

- Отстаньте от Зои, - гаркает Оля.

- Ну, Зо! - канючит Маша. – Ну, скажи.

- Отстань от ребёнка, - повторяет Оля.

- Понятия не имею, - отвечает Зоя, присаживаясь на качели, и в упор с ухмылкой глядит на Машу. Ставит на колени мяч и потихоньку раскачивается.

- Может, Зойка тоже не читала, - Маша подмигивает Оле. – То есть, не тоже, а просто не читала (что ты уже набычилась)?

Зоя, ухмыляясь, зыркает на любопытную мамашу, мимоходом заметив, что Тамара добралась до своей сумки, взвалила её на плечо и утомлённо закатила глаза при последних Машиных словах.

- Зося, что ты лыбишься? – не отстаёт Маша. – Колись. Эй, ты что, серьёзно не читала?

- Да не гони, я в жизни не поверю, - встречается Оля. – Я думаю, Зойка про Огудалову ещё в детском саду читала.

- Точно, - подхватывает Тамара.

- Да не читала она, - продолжает Маша. – Всё остальное прочла, а Огудалову упустила. Уклоняется от ответа.

- Я фильм смотрела, - отвечает Зоя, раскачавшись, как следует.

Три взгляда вонзаются в неё. Потом Оля с Машей недоверчиво переглядываются. И тут Тамара говорит.

- Блин, я тоже хочу на качельки! Держи! – и швыряет Маше свою сумку.

- Ну вот, собственно, - закончила Маша. – Пока это отдельные случаи, но я вижу, как меня это затягивает. Я очень много думаю об этих детях, об их родителях, много с ними разговариваю: по телефону, по скайпу, при встречах. Мне хочется делить с ними их боль и тревогу, облегчить их страдания. А когда, девочки, удаётся спасти уже безнадёжного, казалось бы, ребёнка, - это такие сильные эмоции, что без слёз их невозможно пережить. Я и Соню к этому стараюсь приучать: она со мной ездит в интернаты, и уже дважды была в онкодиспансере. И Полину буду приобщать, когда она немного подрастёт. А вообще-то у меня есть мечта... основать благотворительную организацию. Это не так уж сложно, в принципе, но нужно много времени. Когда Польша чуть подрастёт, я надеюсь... - Маша умолкла, у неё в глазах закрутился барабан фантазии. Дзинь. Бинго. – Мне кажется, я успокоилась: уже много месяцев не ловлю себя на мысли, что мне чего-то не хватает, что нужно найти способ реализоваться. Ну, так не буду я работать. Ну, так не сделаю карьеры. Ну, так буду домохозяйкой. В конце концов, иметь возможность жить для своей семьи, всецело принадлежать мужу и детям – это классика. Честно говоря, у меня никогда не было особых амбиций насчёт профессии. У мамы – да. Она, не мне вам рассказывать, всегда имела подавляющее влияние на меня, и со стороны могло казаться, будто я ставлю себе большие цели. Но эти цели ставила мама. Я, конечно, заражалась и, кроме того, у меня не было альтернативы. Она – самый близкий для меня человек, - Маша сложила ладони и прислонила к губам. Закрыла глаза и покачала головой. – Слава Богу, что я встретила Серёжу. Он никогда ничего не требовал от меня. Вы понимаете, почему меня так потянуло к нему? Почему я немедленно, с первой минуты знала, что стану его женой.

- Этого я не знала, - облизнулась Лолита. – Что прямо с первой минуты...

Маша подняла плечи и усмехнулась.

- Я, может, и сама не знала. Да и не могла бы отдать себе отчёт, пока не убедилась, что мои чувства взаимны. Но сейчас никакие предрассудки не мешают мне в этом признаться.

- Как вообще у вас с Серёжей? – спросила Лолита с той сладковато-безмятежной улыбкой, с какой интересуются исходом, о котором заведомо известно, что он благополучный.

- Нормально, - кивнула Маша. – Ну, есть свои нюансы.

- Например? – насторожилась Лолита.

Маша вздохнула.

- Вот я вам тут рассказала, как всё замечательно у меня устроилось. И что все мои комплексы - от нереализованных маминых амбиций. А теперь думаю: наверное, не до конца это честно. Всё же мама есть мама. А вот Серёжа... Серёжа такой человек – на первый взгляд, он редкий молчун. А вообще-то он очень любит порассуждать, но лишь когда находит достойного собеседника. Так интересно говорит – я рот открываю. И вот, я понимаю, что всё больше только слушаю его. Сказать какую-то глупость – лучше уж молчать. Короче, я боюсь, как бы ему не надоели эти монологи. Я стараюсь делать всё, чтобы ему было комфортно, чтобы он был счастлив, но иногда вижу, что он как бы томится, и, - Маша потупила взгляд. – В отдельные моменты он не пускает меня к себе. Нет, Серёжа никогда не грубит, никогда не говорит мне, мол, оставь меня в покое, он очень внимателен всегда. Действительно. Но бывают случаи, когда он закрыт от меня. Не знаю, нормально это или нет.

- Это нормально, - заявила Лолита. – Естественно, у него есть свой мир... Было бы хуже наоборот.

- Вот и я думаю, что дую на холодное - приободрённо продолжила Маша.
- Я бы сказала, на лёд, - авторитетно кивнула Lolita, вытягивая шею и вместе со всеми заглядывая в прихожую, где грянула входная дверь.
- Кто там? – зашептала Зоя, которой арочный откос ограничивал обзор.
- Ни с места – полиция! Руки за голову! – насмешливо рявкнула Тамара.
- Похоже, некто лёгкий на помине, - сказала Lolita.
- Это Серёжа? – спросила Зоя и стала нервно озираться, проверяя, ничего ли не вытаскивала из своей сумки. Убедившись, что готова на выход в любую секунду, она схватила вилку и принялась вычищать тарелку от остатков пищи. Набив полный рот и суматошно жуя, она подняла голову и встретила невозмутимый, который был бы ироническим, не будь он таким серьёзным, и был бы испепеляющим, не будь таким благосклонным, взгляд Тамары.
- Вот наша Lolita, - Маша, сияя, подвела мужа к столу. Lolita, глядя на него снизу вверх с ясной улыбкой, водила глазами по его напряжённо подтянутому красивому лицу с осинёнными пробивающейся щетиной щеками и подбородком.
- Тамара. Зоя.
- Я помню, - Серёжа кивнул Тамаре и перевёл ищущий взгляд на плиту.
- А Зою?
- И Зою, естественно, - Серёжа сдержанно кивнул в сторону Зои.
- Хорошо, котёнок, - засуетилась Маша, оказавшись возле плиты. – Прими душ, переодевайся и давай кушать. Я уже подогреваю.
- Только без подробностей, - ровным голосом попросил Серёжа и ушёл.
- Ничего себе он у тебя, - восхищённо нахмурилась Lolita, пока Маша воспламеняла плиту и жонглировала тарелками. – В жизни намного симпатичнее, чем на фотографиях.
- Да, - подтвердила Зоя. – Красивый парень.
- Такой, знаешь, - Lolita возвысила руку, подбирая слово. – Породистый. И серьёзный. Серьёзный – на сто процентов, - Lolita рассмеялась.
- У него очень строгий взгляд, - вставила Зоя.
- Скорее напряжённый, чем строгий, - сказала Тамара. – Он чем-то озабочен.
- Весь затурканный, - вздохнула Маша, присаживаясь за стол. – На работе устаёт. Домой придёт – в Интернет, новости читать. Он очень переживает.
- Ещё бы, - сказала Тамара.
- Он такой, что называется, мужественный, - словно не слыша их, продолжала Lolita.
- А ты всё не успокоишься, - Маша польщённо засмеялась.
- Такие мужчины сразу все женские взгляды собирают. Что-то в них есть (спокойствие? уверенность?): смотришь и сразу понимаешь – вот какому надо быть женой.

Маша мечтательно улыбнулась.

- А показать бы тебе его, когда ты рыдала из-за Донова, - звонко проговорила Тамара.

Все трое перевели на неё взгляды.

- Ты это помнишь? – продолжала Тамара с меланхоличной ухмылкой. – Безутешно: он меня не любит, жизнь кончена. Я ей: да вытри сопли, в сто раз лучше себе найдёшь. А она: мне никто не нужен, жизнь кончена.

- Ладно, ладно, - смутилась Маша. – Из-за Донова кто только не рыдал тогда. Даже Оля в него была влюблена.

- Была, - призналась Лолита. – Правда, недолго.

- Я не рыдала, - возразила Тамара.

- Естественно, он же в тебя был влюблён, - воскликнула Маша.

- Ничего подобного, - Тамара категорично качнула головой. – Зоя ему нравилась. Безответно.

Лолита бросила короткий взгляд на Зою.

- Знаки внимания он тебе оказывал, - урезонила её Маша.

- Это чтобы Зою позлить, - Тамара насмешливо покосилась на Зою, которая с отсутствующим видом раздавливала крошки на скатерти.

- Не сложновата ли интрига для подростка? – усомнилась Маша.

- Не для этого, - убеждённо возразила Тамара. – Там всё с такими переподвыпертами, - Тамара скрестила растопыренные кисти. – В этой голове.

- Тебе виднее, - согласилась Маша и добавила глумливо. – Ты с ним ближе всех была знакома.

- Не так уж близко, - парировала Тамара. – Но достаточно, чтобы раскусить этот типаж. Такой себе покоритель подростковых сердец. В молодости такие многим нравятся: чтобы был горячий, мутный и непременно псих. Потом мозгов наживаешь, конечно, и уже понимаешь, что для жизни другое требуется. Но тогда – ничего удивительного, что я, как все, на него повелась. Мне, конечно, хотелось верить, что это взаимно – когда он ко мне заезжал. Но меня-то не обманешь. Я быстро просекла, что это напояк, пару раз увидевшись с ним наедине: у меня было ощущение, что я в театре и смотрю пьесу.

- Ты меня сейчас просто ошарашила, - сглотнула Маша. – Такие подробности выясняются. Я-то была уверена, что у вас была любовь.

Тамара хмыкнула и с широкой улыбкой посмотрела на Машу.

- И то, что он на Зою запал, я тоже почти сразу поняла. Никто этого не выкупал, кроме меня.

- Какие страсти, - поразилась Маша, переглядываясь с сосредоточившейся Лолитой. – И что, ты ему это предъявила?

- Конечно, но он съехал с темы. Тем самым подтвердилось. Н-да, интересно, до чего он дожил. Подожди, - Тамарино лицо осинённо вытянулось. Она метнула вопросительный взгляд на Зою. – Подожди, ты же с ним... Это же твой... Вы же с Доновым всё ещё общаетесь?

Зоя заторможенно кивнула.

- Серьёзно? – Маша загорелась. – Вы с ним...?

- Мы приятели, - поспешно созналась Зоя. – Иногда видимся, а так, в основном, в сети.

- Так расскажи же нам, - потребовала Маша. – Что он там?

- ... Он окончил художественное училище. Потом философский факультет...

- Философский? И чем же он занимается?

- Сейчас он нигде не работает, - помедлив, сказала Зоя. – А занимается он сотней разных дел. Одно надоедает – принимается за следующее.

- А на что же он живёт? – ужаснулась Маша.

- На роялти.

- Он что-то запатентовал? - увлечённо спросила Тамара.

- Да. Он изобрёл прибор для ловли насекомых в труднодоступных местах. Заказал патент ради шутки, а штуковина стала пользоваться спросом у туристов и дачников, а потом за границу продали ноу-хау, так что Петя сорвал небольшой куш. В понимании многих это копейки, но ему хватает. От случая к случаю он продаёт картины. Например, пару месяцев назад ему понадобилось пианино, он продал четыре картины местным арт дилерам.

- Он не женат? – спросила Лолита.

Зоя покачала головой.

- Естественно, - вставила Маша. – Ну, а в целом как? Как он выглядит?

- Нормально, - Зоя пожала плечами.

- Ну, у него есть какие-то цели? Семья, там? Работа человеческая?

- Этого я не знаю, - Зоя поджала губы. – Он такой человек... спонтанный. Я не удивлюсь, если завтра он заявится с обручальным кольцом, и равно если будет балагурить до старости. А вообще, он производит впечатление очень довольного человека.

- Значит, как был психом, так и остался, - подытожила Тамара. – По женской части по-прежнему отказа не знает?

Зоя вздрогнула от собственного смешка и выразительно кивнула.

- А у вас с ним какие отношения? – вкрадчиво вмешалась Лолита.

- Хорошие, - возбуждённо хохотнула Зоя.

- Расскажи нам!

- Да нечего рассказывать. Ну, общаемся...

- Как близко?

Зоя поколебалась.

- Достаточно, чтобы сказать, что мы друзья. Приятели, скорее. Ну, друзья – приятели: где здесь грань.

- А Тамара не верит в дружбу между мужчиной и женщиной, - провокационно заявила Лолита. – Правда, Тамара?

- Не так категорично, как раньше, - снисходительно отозвалась Тамара.

- Ты же сама сказала, что Донову Зоя нравилась. Все предпосылки, - настаивала Лолита.

- Ну, согласись, что всё-таки не все.

Лолита умолкла, сверля Зою неудовлетворённым взглядом.

- Ты говорила о нём с гордостью, - констатировала она.

- Так и есть, - охотно признала Зоя и, приподняв брови, улыбнулась.

Солнце на бронзовых коленях. Волоски блестят, тонкие, белёсые. Муха среди них, как воздушный змей в колосьях пшеницы. Крылья переливаются. Сосредоточенно натирает смычки лапок. Взмах. Пацанский запах. Рука проходит рядом с её коленом, сгоняя муху. Чужая рука. Ещё более загорелая, чем колено. Ложится на чужой лоб сцарапать с него какую-то мошкарку. Чужие губы кривятся в неосознанном пренебрежении к собственным прошлым и будущим подвигам. Такие непривычно крупные. Такие ничейные.

- Зачем ты её согнал? – Зоин голос, нравоучительно-дружелюбно-интересующийся. Как у маленькой девочки, которая спрашивает отца, зачем удочке требуется грузило. Умилительный и раздражающий.

Он. Косится сверху вниз, не поворачивая головы и прищурившись. Глаза выглядывают из карманов век: сами видят, но не показываются. Ресницы втрастопырку. Моргает. Смотрит непроницаемо.

- Укусит, - отвечает.

- Ты думаешь? – ужас, но разве мухи кусаются?

Фыркает со смешком, глаза включаются, сканируют, мерцают при сканировании. Глаза шамана – никаких тебе «ждите, процесс считывания мыслей выполнен на 68 процентов» или «зонд погружён, нажмите «разрешить» для отбора грёзоматериала» - месяц аналитическое тестовое, одобряя мантрами. Видит всё и потом воспроизводит, аранжированное на свой лад, выпячивает чужое считанное. Мухи, много мух, наэлектризованные волосы, ток зигзагами промежду них, разбухшие поры. Редко-редко освежающий порыв ветра. Передние лапки, цепляющиеся за волосы. Крылья, переливающиеся всеми цветами радуги.

- А ты думала, она прилетела, чтобы почухать тебя?

Донов. Его фамилия Донов. Из пятого-Вэ. Точно? В смысле, а как он выглядит? С острыми ушами. Но у того, вроде бы, не было... Это наверняка он. Донов. Зоя. Зоя Донова, пятый-Бэ. А Донов из пятого-Вэ – это вы?...

Второй этаж. Коридор. Каменный пол. Батарейка под каждым подоконником. Окна напротив каждой двери. Дверь в класс. Свеже покрашенная стена. Дверь в класс. Потолок. Свежая побелка. Дверь в класс. Медленнее. Стенгазета ко дню учителя. Слюнявые стишки. Групповые фотографии. Мерзкий почерк редактора. Изнасиловавшего высохший маркер, чтобы название смотрелось ярче. Дверь в класс. Длинный коридор второго этажа позади. Его до сих пор нет. Неужели ему интересны проповеди географички? Неужели ему не захотелось под любым предлогом вырваться из этой семинарии? Будь это Охрана жизни или Музыка, было бы понятно, что он занят морским боем или клабаром, но гейография не допускает полного беспредела. Правда, записки, если передавать по низу с внимающим лицом, чаще всего проходят. Кому он может писать? Пятый-Вэ – это... Лиза Гусева. Алёна Мирошниченко. Ещё, допустим, Катя Гуляк. Остальные уродины. Ах, ещё Юлия Вдовенко. И Лена Кудрявцева. И вторая Катя... как её... Он может писать записки весь урок любой из них. Или каждой. А вдруг у них интересная тема? Флора Курильского архипелага? Дверь, дверь, последняя. А вдруг у него вообще другой урок? Ведь сегодня четверг? Лестница. Голубые перила. Каменные ступени. Широкие, невысокие. Удобные ступени. Третий этаж. А вдруг... Коридор третьего этажа. Дверь в класс. Слишком быстро дверь в следующий. Нельзя так торопиться. А вдруг, по закону подлости, именно в этот момент... А вдруг, понадобится журнал. Это на третьем в учительской. А если выйдет сейчас, успеет исчезнуть... Он быстро ходит. Площадка перед лестницей, скорее вниз.

Спускаться намного прикольней, чем подниматься. Вприпрыжку. Хроменькая припрыжка. Тыг-дыг, пауза на взлёт, тыг-дыг – приземление. Жаль, что по лестнице нельзя спускаться в обе стороны, или выбирать, когда подниматься, а когда спускаться. Это можно было бы, если управлять направлением гравитации... Но если бы так, всё было бы... Нет, всех последствий не вообразить. Даже малой доли последствий не вообразить. Например, всем пришлось бы побриться наголо, иначе волосы стояли бы дыбом? Был какой-то глупый фильм про соединённые планеты с разной гравитацией. И что там было – не вспомнить. Лестничная площадка на втором этаже. Расписание. Четверг. Пятый-Вэ. Математика, физкультура, география. География – однозначно. А вдруг... она заболела, и у них замена... Второй этаж. Длинный-длинный коридор впереди. Посреди коридора створка двери плавно движется к стене, касается её негрубо и почтительно отступает на полшага. Сосредоточенный профиль под лохматой гривой вырывается из сонмища пятого-А. Дверь за ним закрывается. Поворачивает безразмерную свою башку, замечает и машет Зое рукой. Потом чешет в туалет. Костя Арбузов. Симпатичный парень.

Зоя Донова слишком долго отсутствует в классе. То есть, Зоя Шелест. Надо возвращаться, не то подумают, что ходила по-большому. Это ужасно. Обязательно какая-нибудь тварь будет коситься, воображая, что она была по-большому.

Над обугленными стенами главного зала санатория поднимается дым – в выпускной бал ударила молния экспромта.

- Hello, hello, hello, how low, - дорёвывает раздраженная толпа выпускников, которую обломали ровно на середине первого припева подоспевшие ветераны нравственности и бойцы с чрезвычайными ситуациями во главе с завхозом-неврозом.

- Хитрый чёрт! Он добавил мелодию в плейлист! - орёт, перекрикивая разочарованно воющих подростков, освобождённый из подсобки ди джей.

Закованный в объятия своей классной руководительницы, главный нарушитель и несостоявшийся громовержец Донов пребывает в той крайней степени недоумения, которую нормативная лексика безбожно искажает, ибо сам не понимает, как вдруг зазвучала песня, ведь он так и не успел её включить, будучи силой оттянут от пульта. Будь за его спиной завхоз-невроз, Донов, не раздумывая ни секунды, дал бы ему по морде и нажал бы злосчастную кнопку, но спасатели предусмотрительно натравили на Донова женщину, хуже того – его классную руководительницу. Противостоять ей Донов не мог ни нравственно, ни – в силу её баснословных габаритов – физически. Беспощадно матерясь на самого себя, он чуть было не сломал злобно стиснутые зубы. Чтобы он, Петя Донов, стерпел песню Пугачёвой в качестве финальной на своём выпускном? Все, кто хоть немного знали Донова, были уверены, что он этого не допустит, остальные – надеялись. Если бы пришлось, он бы того ди джея не то что в подсобке запер, он бы его частями в холодильник сложил. Но только Донов точно знает, что ни в какой плейлист он песню не включал. Он придумал и реализовал такой план! И споткнулся на последнем шагу. Просто не успел. И вдруг на него, уже готового к казни первыми нотами «Ближних людей», повеяло юностью помилования. Пусть эти варвары зарубили Кобейна уже через полминуты, но, по крайней мере, ни о какой Пугачёвой речь уже не идёт. Ударила таки молния! Совершилось! Но как? Как это получилось, - вот самый главный вопрос.

Санаторий приходит в чувство после катастрофы. Пострадавшие эвакуируются к столу, особо впечатлительные отправляются на перекур, большинство остаются на своих местах, постепенно начиная скандировать в поддержку Донова и Кобейна. Учителя делают робкие попытки утихомирить бунтовщиков.

Завхоз-невроз охотно возглавил бы отряд обороны, да занят – озабочен наладками: что-то не то он дёрнул, затыкая рот Кобейну, и теперь суетится вокруг пульта. Вдруг он замирает, вскидывает голову, смотрит прямо на Зою, секунду-две, и наточенной стрелой бросается к ней. В Зоиных жилах стынет кровь, и она превращается в айсберг, на таран которого неумолимо движется этот винтажный Титаник.

Ожидая, что завхоз сейчас собственным когтем перережет ей горло, но в глубине души надеясь, что он пройдёт сквозь неё, Зоя хватается ртом воздух.

- Отойди, пожалуйста, - на бегу требует завхоз с той запыхавшейся вежливостью, которая едва поспевает впереди раздражения.

Зоя делает широкий шаг назад, открывая путь завхозу, и натывается на кого-то спиной.

- Прости, пожалуйста, - хватая за руки свою жертву и неуклюже поворачиваясь к ней, бормочет Зоя.

Оля! Зоя в ужасе отпускает её руки, но теперь уже Оля берёт её за плечи и стискивает.

- Зоя! Зачем ты это включила?....

- Что?!.. – Зоин голос рвётся, как туалетная бумага под водой.

- Зачем ты включила Нирвану? – искренне недоумевает Оля. – Ты же...

Голосовала за «Ближних людей», недоговорила Оля. Она права.

Чёртова дура, проголосовала за «Ближних людей». Если бы она голосовала за Нирвану, девочки могли подумать, что она поддалась на агитацию Донова и заподозрили бы симпатию. Зоя была уверена, что Нирвана и так победит. Она представить не могла, что на их параллели училось столько зануд. Пугачёва победила с перевесом в два голоса. И Зоя почувствовала себя предательницей. Да, многие боялись голосовать за Нирвану, потому что опрос был поимённым. Не исключено, что завучи просто сфабриковали результаты. Но! Если исходить из того, что всё было честно, её голос мог изменить ситуацию. Чёртова дура. С такой-то кармой нужно держаться подальше от людей, чтобы кому-нибудь жизнь ненароком не испортить.

- Я ничего не включала... Ты что, Оля?

- А что ты там делала? – продолжает стискивать её плечи Оля. - Я видела, ты что-то нажала.

А ведь пять минут назад Зоя, обливаясь потом облегчения, возблагодарила Бога за то, что в сумятице ей удалось улизнуть от пульта незамеченной. Ох, и гогочет сейчас, должно быть, дьявол.

- Я ничего не нажимала. Мне было интересно глянуть, что там к чему. Ты же слышала, Донов сам включил в плейлист. Да и зачем бы я включала этот наркоманский треш?

- В жизни не поверю в эти сказочки с плейлистом! – встряхивает головой Оля и ослабляет хватку. – Не хочешь – не признавайся. Но меня не обманешь, Зоя!

Серёжа спустился по лестнице, прошёл по комнате, обогнул остров, достиг стола, безошибочно выбрал сервированное для него место, сел на стул, пододвинул его ногой – не поднимая глаз и не отрывая рук от смартфона. Секунда, и перед ним, словно возникнув из шляпы фокусника, задымилась картофельная запеканка.

Зоя бросала отчаянные взгляды на Тамару, порываясь вскочить и не смея сделать это первой. Тамара и сама суетливо задвигалась, собирая столовые приборы на свою тарелку.

- Ты что творишь? – отреагировала Маша.
- Пора, - сказала Тамара.
- Ага, - тут же вскочила Зоя. – Я могу подвезти.
- Куда? – опешила Маша. – Вы что?

Серёжа со сдержанным любопытством поднял глаза от тарелки. Его челюсть бесшумно двигалась, измельчая свининно-картофельную соломку.

- Пора, пора, - безапелляционно – как часто от неловкости – Тамара.
- Боже упаси, - угрожающе воскликнула Маша и стукнула по столу двумя неизвестно откуда взявшимися чашками с чаем. Через секунду удар ещё двумя. – Расслабьтесь, девочки. Вы как маленькие.

Лолита глумливо захихикала.

- Ты уверена? – Тамара вперила в Машу остропокий взгляд.

Маша цокнула, переглядываясь с Лолитой. Зоя, отвесив челюсть, подкошено рухнула обратно на свой стул.

- У тебя спрошу, Серёжа, - Тома неверующая не удовлетворилась.

Серёжа посмотрел на неё с бессмысленным видом, как будто слова прозвучали на непонятном ему языке.

- Как на работе, котёнок, всё нормально? – негромко речетативя, Маша подала на стол яблочный штрудель. – Тренажёр заказали?
- Я договорился насчёт воды, - пробубнил Серёжа.
- Серьёзно? – встрепелась Маша и, воодушевлённо открыв рот, задержала взгляд на Лолите. – Значит, уже со следующих выходных можно будет ехать?
- Со следующих нельзя, - Серёжа отвлекся на вздрогнувший смартфон, прочитал сообщение, быстро наклацал ответ и вновь взялся за вилку. – Во дворе ещё разрыто. В доме бардак. - Его голова свисала почти до самой тарелки. Он не поднимал её, когда говорил.
- Ну, с домом я управлюсь, а во дворе когда зароят?
- Трубу починят и зароят.
- Недели за две справятся, как думаешь?
- Думаю, - согласился Серёжа ещё глуше.
- Значит, так, девочки, как вам такая идея: через две недели собираемся у нас на даче, - Маша обвела их вопросительным взглядом. – Ремонтники всё закончат, я наведу порядок, и на выходные заедем. Потрепемся, набесимся. Вспомним молодость.

- Sounds good, - Лолита мечтательно закатила глаза.
- Согласны? Или вы не в восторге? Лолита?

- Что - Лолита? Как будто я могут быть против. Мне два раза предлагать не надо. Ты этих леди спроси. Что, Тома? Расскажешь нам, как ты занята? Небось, работаешь по субботам? А если и не работа, то всё равно many fish to fry. Выделить целые выходные, уйти в завязку от Интернета, позволить себе расслабиться – это же анриал, - Лолита манерно взмахнула руками.

- Я думаю, у меня получится, - невозмутимо отозвалась Тамара. – Только давайте заранее...

- Естественно! – перебила Лолита. – Забей нас в органайзер прямо сейчас, пока никто не занял эти даты, - она перевела раззадоренный взгляд на Зою. – Детка, ты-то не будешь провередничать?

Зоя вздохнула.

- Я так скажу: если не случится форс-мажора – конечно, да.

- Здравсьте, пожалуйста, и эта съезжает.

- Я не съезжаю, - с тихой твёрдостью сказала Зоя. – К сожалению, моя бабушка может умереть в любую минуту. Если это случится накануне или если ей будет так плохо, что её нельзя будет оставить, я не приеду.

Лолита сокрушённо отвесила челюсть.

- Господи, прости меня, детка, я совсем... не учла... - пролепетала она.

- Ничего, просто не привязывайтесь ко мне. Планируйте. Я очень хочу присоединиться, и, если судьбе будет угодно, так и поступлю.

Лолита участливо закивала.

- Ей настолько плохо? Ты говорила, что она больна...

- Она умирает, - пожала плечами Зоя. – Я думаю, всё случится раньше, чем... Но молюсь об обратном.

Зоины губы дрогнули робкой улыбкой, когда она встретила Лолитин взгляд: встретила и увязла в его сочувствующей нежности, которая, по мере того как Лолита длинно выдохнула, растеклась по кухне, искупая неловкость момента и как бы проматывая для них всех положенную в данном случае паузу.

- Котёнок, как тебе пирог? - Маша буквально заглядывала ему в рот.

Серёжа кивнул.

- Я добавила апельсиновую цедру. Скажи, так вкуснее?

- Да, очень вкусно. Спасибо.

- Шедевр, он хотел сказать, - воодушевлённо вмешалась Лолита.

Серёжа скользнул по ней рассеянным взглядом и кивнул. Маша с досадливой иронией переглянулась с Лолитой и спросила светским тоном:

- Серёж, вы тренажёр заказали? Ты так и не ответил.

- Не заказали. Вадим отпросился на митинг. Аванс нельзя провести. Завтра.

- На какой митинг? – выкатила глаза Маша.

- Ну, какой – свидомый.

Маша заторможенно уставилась на Серёжин висок.

- Так вот почему ты такой подавленный.

- Просто устал, - одними губами произнёс Серёжа.

- Вы поссорились, да?

Серёжа отрицательно качнул головой.

- Просто не хочешь мне говорить, - прищурилась Маша. – Естественно, вы не могли этого не обсудить. Представляю, что это был за разговор.

- Он несчастный человек, - хмыкнул Серёжа с мрачноватой весёлостью, вдруг высоко поднимая голову. Потом его взгляд снова поник вместе с корпусом и головой. Ухмылка сползла с лица. - Очень стало показательно, как много у нас несчастных людей, – чуть слышно добавил Серёжа, глядя в избранную им точку между Тамарой и Лолитой, которые, притихнув, пили свой чай.

- Кого ты имеешь ввиду? – спросила Маша, бросив азартный взгляд на Тамару. Та невозмутимо, без видимого внимания к разговору, пощипывала свой кусок пирога.

- Что? – Серёжа вздрогнул, с долгим сипом втянул воздух, словно подводя черту под своими размышлениями, посмотрел довольно ясным взглядом на Машу и ответил. – Вся эта ситуация, показала, как много у нас людей, которые настолько глубоко запутались, что... - протянул Серёжа, сходя на бас. – Это не злые люди. И не глупые. Больше скажу, это часто умнейшие люди. Самые что ни на есть порядочные люди. Просто несчастные. Я Вадима знаю десять лет. Он современный и здравомыслящий человек. Никогда не был ни честолюбцем, ни фанатиком. А сейчас сидит за компьютером, читает комментарии к новостям, и у него глаза кровью наливаются, - Серёжа выставил ладонь ребром на столе. – Я ему пытался говорить: зачем ты это читаешь, они же для того публикуют, чтобы тебя взвинтить, - Серёжа выставил и вторую ладонь и развёл обеими. – Бесполезно. Он начитается троллей, взбесится и ищет повод злобу сорвать. Во имя внутреннего убеждения. Он этим проникнут. Он этим живёт сейчас.

- То есть, дело только в этом, ты считаешь? – с сомнением спросила Маша. – Что-то я не уверена, что все разделяют такие мотивы. Вот спроси у Томи.

Серёжа перевёл удручённый взгляд на Тамару.

- Я не собираюсь спорить, - беззлобно заявила та. – Ни по поводу мотивов, ни, тем более, по существу. Особенно если изначально ясно, что Серёжа стоит на противоположных позициях.

- Я не стою на противоположных позициях, - вдруг с увлечением возразил Серёжа. Он распрямился, вырос над столом. – Я о том твержу, что расходиться на позиции – это корень проблемы. Нами манипулируют, внушая нам, что нельзя оставаться в стороне. Война начинается со слова. Точнее, с провокации, которая увеличивает дистанцию между конфликтующими, вместо того чтобы, наоборот, локализовать конфликт, и за его пределами искать компромисс. При обострении конфликта все, кто не стоят на крайних позициях, то есть, поголовно все трезвомыслящие люди, объявляются предателями в обоих лагерях. За эту массу некрайних начинается борьба между лагерями. Из каждого кричат: надо определиться, с кем ты, иначе ты хуже, чем враг – ты предатель. А что я могу сделать, если мне равно противны обе стороны? Как можно удивляться тому, что некто более могущественный, чем ты, не сидит и не рассуждает как мещанин в своей кухне, а действует естественным для агрессора образом? Как можно воспринимать всерьёз этих экспертов, считающих, будто они что-то понимают в ситуации, в которой невозможно никому ничего понять, на том основании, что они побывали в горячей точке или почитали новости в Интернете, где всё объективно и правдиво, а ты посмотрел канал, где тебе пудрят мозги? И поэтому ты – отстой, продукт пропаганды, а они – продвинутые, светлые головы. Я столько раз пытался вникнуть, за что они друг друга на три буквы посылают. Но так и не понял, почему во всём виноваты те, кто во всём виноваты. Я только понял, что их расстрелять

будет мало. И если их расстрелять, то тем, кто на этом настаивает, точно станет лучше. Я открыт к доводам. Пожалуйста, с удовольствием послушаю умного человека.

- Серёжа, я не хочу ввязываться в спор, - отрезала Тамара. – Тем более что похожие мысли я уже сегодня слышала. Правда, приписывала им другое авторство. Теперь мне яснее.

Маша с улыбкой возмущения оттянула подбородок, взглядом требуя солидарности у Лолиты.

- Тамара считает, что лучше быть извращенцем, чем импотентом, - вбросила она. – Что ситуация слишком накалилась, чтобы проходить мимо и ничего не делать. Как-то так. Я правильно передала смысл?

- Прекрасно, - с нескрываемым разочарованием изрёк Серёжа. – Я могу вообразить, что быть импотентом, конечно, малоприятно. Но импотент, по крайней мере, безобиден. А когда все станут извращенцами, к чему мы придём? К великой и благой цели? Будем шагать, не глядя под ноги, а когда уже не останется сил идти, глянём – а вокруг трупы. По трупам идти быстро устаёшь, а цель как была, так и осталась, – абстрактный силуэт. Сколько раз уже было. Преступление обращается подвигом, если совершается во имя благой цели. Классическая уловка. Цель абстрактна, но эпохальна, а преступление, хоть и конкретно, в масштабах цели теряет существенность.

Серёжа остановился, угадав распирающее Тамару желание что-то сказать. Но Тамара помедлила, убедившись, что он намеренно и выжидательно замолчал. Она словно проводила внутреннюю работу, уговаривая себя не заводитьсь. Она успела ещё понаблюдать за Машей, которая сидела, скрестив руки на столе, подле стынувшего чая, с застывшим на Серёже увлечённо-тревожным взглядом.

- Иными словами, отсутствие зла – уже добро? – более мягко, чем могла бы, уточнила Серёжино резюме Тамара.

- Нет. Отсутствие зла – это просто отсутствие зла. Самое меньшее из зол, если хочешь.

- Допустим. Это звучит логично, - в Тамариных глазах зажглась зелёная лампочка. – Но этот принцип - лучше ничего не делать, а то станет ещё хуже, - очень удобен для тех, кому выгодно успокоить буйство.

Серёжа усмехнулся, с досадой качнув головой.

- А принцип, который высказала ты, – это идеальный катализатор агрессии: ничего не делать – это самое худшее. Ваше бездействие открывает врагу все дороги. А что нужно делать? А это подскажут вам те, кому виднее, потому что они ближе к источнику. Бунтуйте, боритесь. И Бог с вами. Бог с вами – это беспроигрышная гарантия. А что, не во имя ли веры, под эгидой самой гуманистической из всех религий, веками истязали и убивали людей? Теперь патриотизм. Ровно такая же благая абстракция, под знаменем которой должны пролиться реки крови, разорваться родственные связи, люди должны воспылать ненавистью друг к другу. Одни и те же грабли. И мы идём на них, как бы не замечая, что всё это до боли знакомо.

- Так, да не так, - упрямо возразила Тамара. – Просто людям нашего времени свойственен пофигизм. Такая себе философия «акуна матата». Что бы ни случилось – take it easy. Скажи whatever. Мы пропускаем всё мимо себя. Вот и всё.

Серёжа поднял на неё изумлённый взгляд.

- Ты серьёзно так думаешь? Мои рассуждения кажутся тебе пофигистическими?

- Я не думаю, что ты делаешь это осознанно, - не моргнув глазом, ответила Тамара. – Но это веяние. Альтернатива заведомо тщетным поискам лучшего. Принятие всего происходящего таким, какое оно есть. В том числе, принятие зла. Отсутствие поступков. Отсутствие даже мыслей о поступках. Акуна матата. В мире куча проблем. Они меня не касаются. Если вмешаюсь, будет только хуже – это проверено. Книги об этом писали, история об этом свидетельствует. Примерно так. Это жизненная позиция многих людей. Этим сложно не проникнуться.

Серёжа скатил с её лица на стол взгляд, полный обиженного сострадания.

- Я никому не судья. Никого ни к чему не призываю и ни от чего не отговариваю. Кто хочет искать – пусть ищет. Но ты верно сказала: и книги, и история, и обычная человеческая интуиция, подпитанная здравым смыслом, позволяют предвидеть, к чему придут те, кто ломают то, что плохо. А знаешь, почему я не предвижу ничего хорошего? Потому что никто из них не знает, что они могут предложить взамен тому, что поломали. Они говорят: сначала ломаем, а потом будем думать, что и как строить. Это «что и как» будет умно, благородно и с использованием передовых технологий. И, важнее всего: даже в самом плохом варианте, это будет лучше, чем сейчас, потому что хуже, чем сейчас, - уже некуда. Вот это «хуже некуда» - раз удочка. Потом «бездействие – рабство» – два удочки. И, наконец, благая цель. Три. Они говорят, что устали быть рабами. За что боретесь? За свободу. А как можно быть свободными после всего, что вы уничтожили? А ведь я не говорю, что ничего не нужно делать. Но важно понимать, что делаешь. А кто из них понимает, что делает? А кто-то вообще задумался, что это нужно понимать? Ты?..

Стрелка движется вниз рывками, вздрагивает, как ресницы, когда наблюдаешь за ними сбоку, чуть наклонившись, чтобы поставить возле него чашку с чаем. Когда Петя говорит об одиночестве, у него всегда вздрагивают ресницы. Серёжино лицо неподвижно. Только взгляд немного меняется. Тамара, ёрзает и замирает, тухнет и снова зажигается десятки раз во время его реплики. Но вслух больше ни слова. Научилась укрощать себя. Маша с Лолитой раз десять переглядываются, прощаясь. Тамара выбирается из дома в тумане мыслей. Разочарована.

В машине молча смотрит в окно. Зоя косится на её матовые серо-синие брюки, под которыми слегка колышется при езде стройная мягкость бёдер, и невольно вспоминает громоздкое бабушкино тело под выцветшей сорочкой, от которого её отделяют теперь считанные минуты. Может быть, сидя в бабушкиной спальне и наблюдая, как воздух, развлекаясь, заворачивается в воронки вокруг её вздымающегося туловища, Зоя, как сейчас вспомнила о бабушке, вспомнит о Тамаре – о её ногах и брюках, о её взгляде, таком же чуждом и неожиданно холодным, как первый порыв осеннего ветра, и таком же, в сущности, безобидным, когда привыкаешь к нему; вспомнит, и сердце её утешенно шмыгнет.

С середины пути Тамара отключается от своих мыслей, изредка поглядывает на Зою. Но все темы под грузом бабушкиного тела разом отступают, стоит воззвать к ним в поисках добровольца.

Живая Тамара. Можно в это поверить? На пассажирском сидении её машины. А только что – живая Лолита. Что-то похожее, наверное, испытывает ребёнок, попавший в Диснейленд и встретивший своих любимых героев. Зоя пытается вспомнить, часто ли она думала о своих подругах. Нет, не часто. Но теперь она будто вспомнила, что есть дом, который она когда-то оставила. Он пуст, но все они встречаются во дворе и испытывают похожее чувство: они радуются возвращению, но ещё не понимают, хозяева они здесь по-прежнему, или нет. И по причине этого чувства неуверенного обретения даже бабушкина глыба на

смертном одре пугает уже не так сильно, но жжёт ещё сильнее. Реальность становится острой, как последние схватки перед рождением утешения.

Зоя насторожилась, увидев кольцо, которое должно быть на пальце той руки, которая должна быть на коробке передач. Рука оказалась вполне добросовестной – оказывается, она освободилась, потому что они уже приехали.

- Что-что? – беспомощно переспросила Зоя, уловив в воздухе какой-то вопрос.

- Ну, ты и психичка, Зоя, - выпалила Тамара, то ли с уважением, то ли с пренебрежением. – Водишь во сне, как очумелые дальнбойщики.

Зоя услышала собственный смех. Тамара стала, как вкопанная, у машины, глядя на неё через пассажирское окошко. Зоя сунула смех в пасть подкравшемуся зевку, протянула его на высокой ноте, отряхнулась от сонливости.

- Она очень боялась смерти. Но, в конце концов, преодолела свой страх и умерла...

- Господи, Зоя...

Зоя снова захихикала, внушая себе заткнуться. Не сметь, не сметь об этом думать. Не сметь больше ничего ляпать. Не сметь смеяться. Кто вообще дал нам право трендеть о своих тревогах, увешивать своим бременем кого бы то ни было? Тем более, людей, к которым мы хорошо относимся.

- Фью-фьюу, - присвистнула Тамара. – Люди, зовите санитаров.

Зоя зашлась истерическим хохотом, вцепившись в руль. С полминуты она смеялась как сумасшедшая.

- Давай уже вали, дурище, - покачала головой Тамара. – Береги себя. И бабушке дай Бог... - Тамара возвела глаза к небу.

- Пока. Спасибо тебе, - Зоя кивнула, потихонечку стартовала и благовоспитанно перестроилась в нужный ряд.

Глава 2. Зоя

(которая ни за что не пустила бы тебя в свой мир без этой уникальной путёвки...)

А если представить себе...

Маленькая девочка застывает у экрана. На экране женщина с золотистыми локонами. Она поёт и играет бровями. Она поворачивает лицо, и оно со всех сторон красиво. Она движется голосом по тонам, словно по лестнице: то бегом, то неторопливо, перескакивая то вверх, то вниз, то по одной ступеньке, то по целому пролёту, и не спотыкается. На женщине платье из морских брызг и розовых облаков. На запястьях и на груди у неё блестящие украшения. Вокруг неё разноцветные огни и восхищённые глаза.

А у маленькой девочки грустная мама, сонный папа и злые братья. И ни одного платья она отродясь не имела. И даже экран – не её, уличный.

И девочка, упрекая саму себя в неосторожности, начинает мечтать. Мечта поражает мозг и растёт, как опухоль.

И вот, если представить себе, что за плечами у этой девочки в тот самый миг, когда она не убереглась от мечты, стоял некто, угадавший её мысли. Он взял девочку за руку и повёл в хрустальную комнату, где на неё надели красивое платье, а из её волос устроили корону, а её лицо преобразилось, как перламутр на солнце. И затем некто вывел её на сцену и подвёл к микрофону, и она услышала собственный голос и увидела тысячи счастливых лиц.

Что чувствует девочка? И для того, чтобы знать, что чувствует девочка, имеет ли значение, какова эта девочка?

Зоя не мигая смотрела на боковой край зеркала, где на коридорную черноту заступал ослепительно-оранжевый кусочек кухни.

Существует ли девочка, которая могла бы так просто войти в свою мечту, воплощённую неизвестным покровителем? Может ли существовать девочка, которая в то же мгновение не одёрнет себя, сказав себе: это не принадлежит тебе, это – обман; ты не смеешь к этому притронуться, даже если оно само просится тебе в руки.

Близость мечты и доступность её исполнения не имеет никакого значения. Имеет значение только, принадлежит ли мне её исполнение. Любая мечта на свете может принадлежать мне. Но нет большего проклятья, чем то, которое назначено за присвоение исполнения мечты, если оно – чужое.

Зоя выдохнула тяжело, как распахнутый эолов мешок, и вдруг почувствовала подступающие слёзы. Впервые после пережитого бабушкиного приступа ей вдруг вздумалось заплакать, но она готова была скорее задушить себя, чем позволить себе это. Из маленькой комнаты доносился дедушкин храп. Он был бравурнее чахлых бабушкиных стонов, и, сталкиваясь с ними возле ванной – посередине отрезка между их кроватями в разных комнатах, – захлёстывал их.

Петя сидел в кухне и что-то там увлечённо гонял по столу. Надеюсь, не тараканов, подумала Зоя. Впрочем, это же Донов, и Зоя не удивилась бы, даже если бы он устроил там крокодилы бега. Эта мысль рассмешила её. Она долго смотрела на его затылок, уже порядочно заросший, вызываясь рыжий в этом оранжевом кухонном свете, отвратительно самоуверенный и неотёсанно умный. Плакать

больше не хотелось. Смеяться тоже. Теперь она чувствовала раздражение и досаду – прежде всего, на кухню, которая в присутствии этого косматого затылка стала похожа на фифу: накалилась до красноты, чтобы казаться ярче, напустила на себя уюта, - вознамерилась скрыть свою пыльную сущность; и обнаглела до такой степени, что влезла в зеркало, потеснив коридор.

Затылок замер. Потом на шее появилась кривая складка – Пете надоело то, чем он занимался последние две минуты. Он посмотрел на часы и завис – небось, прилип к поседевшей за столько лет бороде Александра Сергеевича, который никогда не сводил своего взгляда с этих стрелок.

В ту же точку (на циферблате?) с отталкивающей бестолковой гримасой продолжал пялиться и Петя, а когда Зоя оказалась у него за спиной, стал поворачивать голову неестественно далеко назад, глазами ухватившись за её лицо, наконец, замер и проговорил, не раскрывая рта:

- Я похож на Болванщика?

Зоя поспешно шагнула в кухню, словно была готова и в логове этого сумасшедшего динго-Пети искать спасение от коридорного мрака, в котором провела несколько последних столетий.

Петя резко встал, преграждая ей путь. Она смотрела на него утомлённым, свободным от страха взглядом, смотрела прямо в глаза, как будто о чём-то прося или любопытствуя, но суть её просьбы или вопроса была такой размытой, что могла сводиться как к одной, так и к другой крайности. Например, она могла просить его как прекратить паясничать и дать ей пройти, так и, с ровно таким же взглядом, - немедленно обнять её и не отпускать ни на шаг. Могла спрашивать, скоро ли он утомиться, или уточнить, стоит ли расценивать его помешательство как сигнал того, что он скучал по ней.

Петя шагнул на неё, заставляя её отступить и наткнуться спиной на стену. Она скользнула взглядом по его предплечью в каких-нибудь десяти сантиметрах от её лица, и взмолилась о землетрясении или схожей силе, которая мимо воли столкнула бы их. Его руки колоннами ограждали её от мира, но всё исчезло. Плутуватый блеск из глаз. Шутовоски искривлённое лицо. Наглый рот, дышащий на неё неизбежным. Вместо исчадия ада перед Зоей был Петя, а в Петиних глазах – растерянность.

- Я пытаюсь понять, получается ли ансамбль между моими действиями и твоим настроением, - сказал Петя.

Зоя не слышала его. В нос ударил его запах, в аккордах которого звучали знакомые с детства мальчишеские нотки, – этот запах она чувствовала три или четыре раза в жизни, и хорошо помнила эти моменты. В нём было что-то острое, отталкивающее и одновременно завораживающее. Она смотрела на его подбородок, треугольный, скруглённый, чуть выдающийся вперёд, перерезанный слишком длинным для него ртом, что придавало ему любопытствующий вид, и мысленно вычисляла место на своём лице, к которому он прикоснулся бы в случае поцелуя. И хотя она ещё в первую секунду с вероятностью в девяносто девять процентов определила это место и уже раз десять успела представить себе прикосновение к нему Петиного подбородка, она упрямо вцепилась взглядом в эту часть его лица, лишь бы ненароком не взглянуть на губы.

Воздушная подушка между их лицами вдруг показалась Зое чем-то наподобие равновесия для канатоходца. Это была константа безопасности. Строго, до миллиметров выверенное положение, позволяющее удержаться на канате. Но что будет, если придвинуться на один единственный миллиметр. Вздоргнуть губами или вдохнуть чуть глубже обычного. Он даже не заметит этого движения. Никто

не заметит. Иной канатоходец мог совершить это движение по неловкости, и затем или падал, или удерживался, а могло оказаться и так, что этот миллиметр не навредил равновесию. Остаётся решиться на него осознанно (пусть даже сделав вид, что по неловкости) и посмотреть – что будет. Может быть, Зоя полетит вниз. Может быть, они полетят вдвоём, утянув, наконец, за собой к верной смерти и этот чёртов контроль ситуации. А может быть, и это вернее всего, ничего не изменится. Ни исподтишка нарушенный миллиметр, ни даже прыжок в милую длину, кажется, не выбьют из-под ног канат, не пошатнут эти закатанные в воздух глыбы.

- Бесполезно, - хлестнул Петя, словно отвечая на её вопрос. Со свойственной ему в отдельные моменты неуловимостью движений он проворно крутанулся и в мгновение ока оказался вновь сидящим на табуретке. – Для меня невозможно понимать людей. Если я, пытаюсь научиться этому, сам себе напоминаю мальчика, которому достался последний жёлтый одуванчик (тогда как все остальные получили пушистые) и который теперь в недоумении наблюдает парад семян над полянкой, устроенный его друзьями, то с какой нелепицей сравнить то, чем я выгляжу в глазах окружающих, - он забарабанил пальцами по столу.

- С канатоходцем, на которого не действует притяжение, - Зоя стукнулась затылком о стену, к которой оставалась так бессмысленно припёртой, и с усталой ненавистью к себе посмотрела на лампу.

- Я пытаюсь расшифровать твою метафору, - через минуту сказал Петя. – Что она должна значить? Мне не дано упасть и оттого моё движение по канату не есть трюком, а есть будничным действием, ни у кого ни вызывающим интереса. Так?

Зоя покосилась на него, внутренне улыбнувшись. Она отлипла, наконец, от стены с таким чувством, с каким могла бы выносить из квартиры ёлку в начале февраля, выдвинула себе табуретку, села рядом, и, подперев подбородок, умилённо уставилась на Петю. Ей захотелось немного впустить его курчавые волосы, но было лень сразу провоцировать неоднозначности.

- Ты такой страшный эгоист... Даже тут. Хотел понимать людей, и всё равно переключился на себя: уже не каковы люди, его заботит, а каков он, пытающийся понимать людей.

- Нет, я хочу понять, - с уязвленным недоумением, граничащим с наивностью, перебил Петя.

- Это моя метафора, - отозвалась Зоя, мягко, по-родственному улыбаясь. – Она про меня. Не про тебя. Ясно тебе?

- И что она значит? – мгновенно успокаиваясь и мгновенно же увлекаясь новой мыслью, полюбопытствовал Петя.

Зоя глубоко и добродушно вздохнула, облизнула губы, готовя их к ответу, и задумалась.

Что она значит, Зоя? Страх падения. Чтобы поддерживать его, нужен канат. Ведь если исчезнет канат и больше нельзя будет прятаться за страхом падения, её инертность предстанет обнажённой во всём своём прыцаво-целлюлитном безобразии.

- Хочешь чаю? - шёпотом спросила она, возвращаясь от мыслей к Пете. – Кофе?

- Я думал, ты захочешь выпить.

- Захочу. Но я слишком устала и соскучилась, чтобы сразу начинать пить, - вдруг высказала Зоя свою мысль и даже не пожалела о ней.

И Петя это почувствовал. Перестал барабанить.

- Зоя, я тоже соскучился, - сказал он будто бы с открытием для себя. И его глаза замерцали тем подкашивающим ноги выражением, от которого у неё ещё целый месяц будут бежать мурашки по спине. В этом взгляде обещание целой Вселенной, в нём вращаются, подобно планетам, миллионы вопросов и ответов, льются метеоритные дожди впечатлений, и каждый день восходит приключенческая звезда. Рядом с этим взглядом, всё содержание коего, если выразить его в словах, нивелируется одной скептической усмешкой, но которое, если видеть его в Петиных глазах, словно доказывает неверующему существование чуда, Зоины умозаключения и принятые ценой многомесячной работы над собой решения притворялись спящими. В этом взгляде была вспышка, освещающая главные достопримечательности Пети, но помимо того, в нём было качество, в существование которого Зоя верила только наполовину, ибо не могла ни опровергнуть его, ни подтвердить его естественность собственным опытом, и потому всякий правдоподобный след этого качества разглядывала с любопытством и сомнением (как могла бы женщина, никогда полностью не удовлетворявшаяся, наблюдать за чужим оргазмом). Этим качеством было восхищение.

Второй раз за вечер (какое там – за пять минут) она поймала себя на мысли, что готова наброситься на него. Это могло значить только одно – её нервы на пределе.

Способ взять себя в руки подвернулся сам: Зоя вспомнила, что таким же взглядом он смотрел на Гламурную Выдру (которую за её раннюю розовую красоту так прозвала женская половина школьного человечества), когда она сконфуженно всплеснула руками над своими учебниками, уроненными от неожиданности Петиного налёта на неё. После того рокового столкновения Петя сох по ней два месяца, и, судя по всему, безответно, но когда вся школа уже собралась воспринимать их как пару, он отвлёкся на скачки на ипподроме.

Внутренне поморщившись, Зоя встала к плите.

- Будет ещё одна скорая. Примерно через час, - пояснила она. – Нам нежелательно пьянеть до её приезда.

- Она умрёт? – спросил Петя, заставляя её руку застыть на ручке чайника. – Зоя!

Она оставила чайник на плите, не зажёгши огонь, подвинулась к шкафчику и вытащила бутылку коньяка со словами: - К чёрту врачей. Они сами приедут в стельку пьяные, вколят пару шприцов, чтобы она не стонала.

- Когда? – спросил Петя.

- Примерно через час, я же сказала. Но потом уже на всю ночь, надеюсь. Так было в предыдущие три, - Зоя разлила коньяк по рюмкам.

- Когда она умрёт? – уточнил Петя свой вопрос.

- Месяц, неделя, три дня – когда угодно.

Петя кивнул так, словно что-то понимал в этом. Но он не мог понимать. Зоя вдруг почувствовала отвращение, в эту секунду он казался ей как никогда инфантильным. Спрашивал о смерти её бабушки как о футбольном матче или как о приезде сельских родственников. И сейчас у него в голове наверняка кувыркаются пошлые мысли, что было бы проще, если бы скорее. Идиоты, все они, кто думают так, не переживши. А те, кто думают так, пережив, скоты.

- Зоя, почему мы увиделись только сейчас? – услышала она один из тех Петиных вопросов, которые заставляли поверженно заткнуться все её внутренние голоса. Петя был встревоженный и недоумённый. – Как ты с этим справляешься?

- Как все, - мрачно ответила Зоя, растаяв внутренне и выпивая залпом рюмку коньяка. – Хорошо, что мы не увиделись до сих пор. Это расслабило бы меня. А так я много думаю. Много старых и новых мыслей: как люди отпускают своих близких. И что это – когда они сначала допускают мысль, что их родственник умрёт, а потом перестают бороться, - что это: слабость признать неизбежное уже совершающимся? Или, наоборот, проявление силы духа, позволяющей смелее принять неизбежное и даже подтолкнуть любимое существо ему навстречу? И каково это: понимать, что все вокруг смирились с твоей смертью и строят планы после тебя? Даже если ты сам смирился с наступлением смерти, как принимать их заботу, пока остаёшься живым, пока ещё осознаёшь, а они уже в реальности, где тебя нет. Каково это – видеть, что в стремлении облегчить свою скорбь, избежать разочарования в вере, закалить себя страданиями, они принесли в жертву последние вспышки твоей жизни? Нет... Со мной так не будет. Если она когда-нибудь умрёт, это будет неожиданно. Пусть говорят, что им угодно. Я не собираюсь готовиться, - Зоя наполнила и выпила вторую рюмку.

- Мы не будем готовиться, - помотал головой Петя. – Ты меня знаешь – я всегда за экспромт. А мы лучше пофантазируем.

Зоя не удержалась от смешка.

- Нет, ты не выпьешь больше ни рюмки, пока не скажешь мне, что бы ты сделала. То есть, ты умираешь, но ты в сознании. У тебя минуты, может, часы, не больше. Что бы ты вытворила?

Зоя закатила опьяневшие глаза и покачала головой.

- Ну, например... - Петя загадочно ухмыльнулся. – Пригласила бы исследователей, журналистов, позволила им подключить к себе какие угодно приборы, снимать себя, записывать. Пусть зафиксируют весь процесс. И в самом конце, умирая, сказала бы что-то в духе: люди, будьте добрее друг к другу, прекратите войны и убийства! У меня перед глазами души грешников, и я содрогаюсь от их страданий. Спасайтесь, пока не поздно. Ну и всё в таком духе, - Петя задиристо запрокинул голову в ответ на колкий Зоин взгляд. – Разве было бы плохо?

- А почему просто не послать всех? – вызывающе поинтересовалась Зоя. – Зачем что-то сочинять? А ещё лучше – сказать им, наконец, правду. Люди, вы мудаки и никчёмушки. Просыраете жизни в самообмане, иллюзиях и погоней за общественным мнением. Были вы, не стали вы – Вселенная и не пукнет. Вы жалеете меня, а какая между нами разница? Только та, что вы – более шумный кусок какашки, чем я буду через час. Ну, адьё, дорогие, счастливо оставаться.

Петя беззвучно покатывался со смеху.

- Не лучше ли тогда закинуться и наблюдать вместо какашек в небытие радужные водопады? Уходить в эйфории и без боли.

- Нет, я такой грех на душу перед самой смертью брать не хочу.

- А послать всех и сказать им, что они какашки, – это не грех?

Зоя хохотнула, пожимая плечами.

- Зойка, ну скажи... - взмолился Петя. – Что бы ты серьёзно сделала?

- Я не знаю. Откуда я могу знать?

- Ты бы сделала что-то покруче моих страшилок. Ты бы что-то настоящее сделала, я тебя знаю.

- Самое страшное и смешное, что я ничего бы не сделала, - сказала Зоя. – Сложила бы руки и закрыла бы глаза. Это самое правдоподобное, что приходит мне на ум.

- Я рассчитывал услышать, что ты, как минимум, позвонила бы мне.

- Донов, всё, отматывай. Тревога уже сработала. К чему клонишь? На что пытаешься меня спровоцировать?

- Зоя, - расхохотался Петя. – Возьми выпей ещё, а то невозможно с тобой общаться, - он сам налил ей, а заодно вспомнил и о своей рюмке.

Выпитый коньяк будто переключил его в другой режим. Губы сомкнулись, а взгляд отдалился, и было видно, что он о чём-то увлечённо размышляет, и Зоя спохватилась, мучимая ревностью к его мыслям, которые он предпочёл в эту минуту её обществу, и одновременно досадуя на себя, что вольно или невольно подтолкнула его к этому.

- Эй, - она тронула его ногу под столом. – Чего помрачнел?

- У? – опомнившись, Петя вскинул на неё недоумённый взгляд, настолько чужой, что Зоя сглотнула.

- До-нов... - прошептала она со сдерживаемым отчаяньем, не глядя на него, таким тоном, словно его здесь не было.

Он уставился перед собой с неким смирением в лице.

- Я превращаюсь в изгоя, - сказал он ровным голосом. Зоя хорошо знала один манёвр: прискорбные самооткрытия для демонстрации тонкости душевной организации. Порою, следуя капризу своего комплекса неполноценности, Зоя и сама насакала на этот крючок меланхолически настроенных типов, претендующих на роль ценителей сложных личностей, - для этого ей нужно было сделать признание, подчёркивающее её чужаковатость, и которое должно было оттолкнуть от неё большинство, но взволновать чуткого собеседника. Зоя заподозрила Петю сейчас в использовании этого приёма, но, как ни придирчива она была, признаков фальши в нём не обнаружила. Он говорил без расчёта. Говорил в её присутствии так, словно был наедине с собой, – именно к этому выводу Зоя склонилась и, допуская, что он может быть ошибочным, восполнила это сомнение верой. Она хотела верить, что он верит в такую прямоту между ними, какую она сама считала невозможной. Пусть мысль о том, что он говорил без намерения расположить её к себе, а просто потому, что хотел высказаться, слишком самонадеянна, но эта мысль согревала её душу. Петя, между тем, продолжал, всё так же отстранённо и, как показалось Зое, недоумённо. – Чем старше я становлюсь, тем короче допустимый диапазон общения. Меня это напрягает, Зоя. Напрягают люди, с которыми нужно фильтровать каждое слово – знаешь, есть такие любители подтекстов, - Зоя осеклась – почему-то ждала, что он сейчас будет говорить о другом. – Берут фразу и варьируют смыслы, ищут, к чему бы прикопаться или на что обидеться. Например, я скажу: «когда уже эти пидорасы оставят геев в покое?», а он спросит: «откуда такой живой интерес к этой теме?». Я в восторге от её самоиронии засмеюсь над шуткой и подхвачу, а она тут же уязвлённо: «и что тебя так развеселило? с чем именно из сказанного ты так радостно согласен?» Какого чёрта мне это нужно? Я хочу душевного общения – это когда люди друг друга не задевают и не напрягают, не судят, не воспринимают на свой счёт, не выпендриваются, не захлёбываются в пене, не психоанализируют, но позволяют себе ляпать, что вздумается, и просто наслаждаются обществом друг друга. И ведь мы умели так общаться, Зоя, вспомни нас школьниками и студентами. А сейчас, стоит мне расслабиться, тут же оказывается, что кто-то неправильно воспринял мои слова, кто-то сделал для себя какие-то выводы. Своим тоном они намекают

мне, что я должен забрать слова назад, извиниться, передумать. Я должен идти на поводу у их комплексов и изменить мнение о них, а если изменить не могу, то хотя бы сказать, что изменил. Чувствую себя в детском дворе, ограждённом перилами. Поднимаю ногу переступить, а на меня смотрят как на предателя. Ради чего этот цирк, Зоя? Ради сохранения какой-то общности? Ради избегания одиночества? Но моё одиночество в тысячу раз приятнее этого общества... - оборвав тираду, Петя испытующе посмотрел на неё. – Скажи, дело во мне?

Зоя пьяно захихикала.

- Я думала, ты намекаешь, что дело во мне, если честно, - смеясь, призналась она. – Думала, ты всё это говоришь, чтобы меня упрекнуть, что я такая деревянная сегодня. Думала, ты меня таким способом расшевелить хочешь. Донов, извини, - она схватила его за руку и сжала, не удерживая смеха. – Ну, прости, это очень забавно.

Зоей овладела решимость напомнить, доказать ему его уникальность. Она вскочила, шагнула к нему и, став за его спиной, крепко обняла его голову.

- Всё-таки дело во мне, да? – продолжал Петя, спрашивая то ли у неё, то у какого-то незримого собеседника. Он в ответ обнял её руку, обвинившую его шею. - Что в моих словах заставляет людей подозревать подтексты? А меня, в свою очередь, заставляет потом вкладывать эти подтексты – без всякого смысла и цели, просто потому что я принимаю это как правило игры? И одновременно с этим я теряю способность говорить с людьми так, как хочу, и вести себя по-своему.

- Петя, мы никто не умеем общаться друг с другом, вот и всё, - крепко держа его голову одной рукой и поглаживая его по голове другой, со слезами на глазах сказала Зоя.

- Мы с тобой умели раньше, - с упрёком сказал Петя. – Общение – это не способ достижения какой-то цели, а и есть конечная цель.

Зоя отпустила его и вернулась на свою табуретку. Без внятных причин она почувствовала то облегчение, которое наступает, когда проясняется скрытая проблема и все силы направляются не на наказание виновных, а на её решение.

- Донов, - нежно протянула Зоя. – Ты умный и переменчивый. Твои мысли не обременяют и не поработают тебя. А они не верят, что можно думать так, как ты. Оттого и уверены, что ты лжёшь, а раз лжёшь – значит, с какой-то целью. Вот и приписывают тебе подтексты. Я же говорю, они – уроды. И я такая. Но я не буду такой, - Зоя почувствовала, что по её лицу текут слёзы. – Я не буду такой, обещаю тебе. Потому что ты есть, я не буду такой. Я верю тебе. И, чёрт тебя возьми, пусть ты манипулируешь мной или пусть это мои комплексы – мне плевать, ты добился своего. Ты меня таки расшевелил.

Петя заворуженно воззрился на неё.

- Донов, ты умеешь так со мной делать... Будто кожу с меня снял и повесил на вешалку в шкаф, - не вытирая льющихся по щекам слёз, проговорила Зоя.

- Я кретин, - Петя покачал головой с безнадёжным видом, и в ту же секунду почувствовал, как Зоя больно вцепилась ему в руку. Он положил сверху свою вторую и тоже крепко сжал её руку. – Даже в минуту, когда у тебя беда, я всё перевожу на себя.

Зоя всхлипнула с улыбкой.

- Я всегда ценила твой талант отвлекать меня своими проблемами.

Они смотрели друг на друга одну секунду, крепко сжимая руки и оба чувствуя одно и то же сдерживаемое желание: засмеяться. Потом Петя снял её руку со своей, поцеловал и вернул на стол.

- Пить, пить, пить, - сказал он. – Только пить тут поможет.

- Давай, наконец, выйдем на балкон и покурим, - сказала Зоя, ощущая, как ослабляются сжимающие её тиски. Впервые за вечер на неё не давили стены, а свет кухонной лампы не источал яд. Воздух сделался мягким и, проникая в неё, сглаживал внутренние заусеницы.

Они стояли на балконе, соприкасаясь боками, и старались выдувать дым так, чтобы он не просачивался в квартиру сквозь щели в окнах. Петя курил исключительно ради компании – он не был заядлым курильщиком и мог не курить по несколько недель, но если под рукой оказывалась пачка – дымил без остановки, так что мерзкому удушливому кашлю хватало одного дня, чтобы завладеть Петиными лёгкими и потом в течение месяца дразнить их.

- Я говорила тебе, что видела девочек? Олю, Машу, Тому...

- Даже если говорила, я не запомнил.

- Собирались у Маши – у неё отпадный дом в Царском селе.

- С чего вдруг?

- Оля прилетела из Америки, - Зоя пожала плечами с польщённым недоумением.

- Я удивлён, что ты не пропустила эту встречу.

- Ладно, Донов, ты из меня делаешь социопата. Это же *девочки*. Мне интересно, какие они и как живут.

- Это коварная иллюзия, Зойка. Я сам подвержен ей. Тебе кажется, что это те самые люди, с которыми тебя столько связывало в детстве, и вот здесь-то тебя уж точно услышат. Ты млеешь в предвкушении контакта и кружишься в хороводе воспоминаний. Мчишься навстречу и ударяешься лбом о стеклянную дверь. Ты не хочешь мириться с тем, что твои девочки навсегда остались в детстве. А эти тётки – просто няньки ваших общих стереотипов.

- Они же не претендуют на... - Зоя задумалась, подбирая слова, швырнула окурок с балкона и, глупо ухмыльнувшись, определила. – Мою душу. Потрепались о том, о сём – как все нормальные люди.

- То есть, ты чувствовала себя нормальным человеком, - поддразнил её Петя.

- Я отлично провела время, - дерзко отозвалась Зоя, пропуская его перед собой обратно в кухню. – И собираюсь встретиться ещё. И меня удивляет, что тебя это удивляет.

Оказавшись за столом, Петя кивнул и посерьёзшел.

- Да, я экстраполирую. Или проецирую, как это правильно назвать? Чёрт с ними, с этими словечками. Когда сам встречаюсь с сокурсниками, выхожу оттуда следом за трупом времени с пульсирующим в моей голове вопросом – зачем. У тебя всё не так. У тебя классные подруги, вы понимаете друг друга, - Зоя, сдерживая одновременно и досаду, и смех, уже собиралась потребовать, чтобы он умолк, но тут он посмотрел на неё особым, трепетно-ироническим, взглядом: сдвинутые и приподнятые у переносицы брови игриво завибрировали, внешние края глаз сощурились, как бы приглушая лучистость взгляда. – Что вы успели обсудить?

- Успели даже тебя вспомнить, - мстительно брякнула Зоя.

- Да ладно! – Петя оживился на секунду, но мгновенно потерял интерес к Зоиной реплике. – А, ну естественно. Перемыть кости всей параллели – святое дело на

встрече одноклассников. Обычно происходит на втором часу беседы, а у вас как было?

- Ты был единственным со всей параллели, упомянутым во время второй бутылки. Надеюсь, тебе это польстило? Девочкам вспомнилось, как ты ухлёстывал за Томой.

- Да ладно! – с плохо скрываемым любопытством вновь воскликнул Петя.

- Они так хорошо запомнили, потому что сами по тебе сохли...

- Да брось, - Петя всматривался в Зою, пытаясь сообразить, то ли она дразнит его, то ли говорит правду.

- Ага. О том, что Маша на тебя запала в девятом классе, я точно не знала, но догадывалась. А вот про Олю – это был сюрприз. А за Тамарой ты и правда ухлёстывал, и она не особенно возражала.

- Я... даже не знаю, что тебе сказать. Я просто не помню, - смутился Петя.

- Вот такой донжуан... - констатировала Зоя, вдруг отчуждаясь. – Впрочем, что в этом нового.

Петя пристально посмотрела на неё, но она уже, как ни в чём не бывало, улыбалась ему, подперев ладонью подбородок.

- Ты как-то не так себе меня представляешь, - без лукавства, неуютно поёжившись, сказал Петя и замолчал.

- Всё нормально у девочек, - не дождавшись продолжения, сдалась Зоя. – Оля развелась с мужем и начинает новую жизнь. У Маши образцовая семья: муж работает, развивает своё дело, она воспитывает девочек и занимается благотворительностью. А Тамара большая умница. Хозяйка самой себе – ещё больше, чем пятнадцать лет назад. Себе и своим мыслям в национально-патриотическом духе.

Петя кивнул со скучающим видом.

- Тамара, значит, патриотично настроена?

- Ага, они из-за этого даже с Машей завелись.

- А Маша с мужем сепаратисты?

- Да я бы не сказала... - Зоя вдруг разозлилась на себя за то, что завела тему, которая ни одному из них не была близка. На неё с новой силой накатило осознание приближающейся смерти дорогого человека, контрастирующее с ощущением праздности всяких дебатов. – Хрен их знает... - раздражённо сказала она, налила коньяк почему-то только себе и выпила. – Какая разница, - после выпитой рюмки Зоя почувствовала голодную тошноту и вдруг в ужасе осознала происходящее. - Твою мать, я тебе куска хлеба не предложила, а ты молчишь. Донов, какая же ты сволочь, за что ты меня так ненавидишь? Ты часа прожить не можешь без еды. Почему ты не напомнил мне про бутерброды? – они встретились взглядами: она – плачущим, он – обнадёженным, как наркоман перед дозой, и Зоя полезла в холодильник.

- Ты, главное, сама в эти дискуссии не лезь, - предостерёг Петя новым, более глубоким голосом. Он приободрился как музыкальная игрушка, которой поменяли батарейки, и с наслаждением следил за тем, как она намазывает на хлеб сливочное масло, сверху кладёт, предварительно понюхав, подсохший сыр, как выкладывает из банки на другие ломти хлеба ароматные куски селёдки, как пододвигает к нему грубо эмалированную глиняную тарелку. - Скажешь одно

слово – и тебя втянут, и изнасилуют твой мозг. Не ведись никогда. Даже если мать родная спросит – молчи, как будто язык проглотила, поняла?

- Я молчала, - Зоя для убедительности подняла руки, и, покосившись, на бутерброды, добавила. – Как рыба.

Видя, что Петя игнорирует её намёки, Зоя вложила бутерброд с селёдкой ему в руки, а он немедленно вгрызся в намащенный хлеб с солёной рыбой и стал блаженно причмокивать. Обнимая ладонью подбородок и четверть лица, Зоя слушала его речь, ведомую совсем не о том, о чём ей хотелось бы, и, как это обычно бывало, постепенно проникалась мелодикой его голоса, потоком его мыслей. И хотя это всегда были неожиданные для неё мысли, ей так приятно было понимать то, о чём он говорит, и так мало она находила в себе несогласия с его выводами, и восхищалась филигранностью цепочек, на которые Петя их подвешивал. Она видела, как легко ему рассуждать в её присутствии, как льстит ему её монотонное внимание, и это награждало её искренний интерес. Петины размышления вслух становились лекарством от предвидений и предчувствий, которые порою мучили её так долго, что она забывала их смысл и ощущала только боль. Из десятков кандидатов в причины тех отвратительных эмоций, которые владели ею в последние месяцы, ни один не осмеливался взять на себя полную ответственность. И вот так же, как много раз прежде: он начинал говорить, не вполне понимая её состояние, не касаясь волновавших её дилемм, и умудрялся таки развлечь тараканов, засевших в её голове, и те давали ей отдышаться.

- Вот что, мы сейчас покурим, - сказала Зоя. - А следующая партия бутербродов будет с маслом и солью. Ты когда-нибудь пробовал?

- Зойка, - Петино лицо сияло каким-то неожиданным для него самого одухотворением. Он, как и всегда, когда бывал доволен своими высказываниями, был близок к эйфории. – Бутерброды с маслом и солью - это идеально. Пойдём курить.

Он смотрел в окна дома напротив, прищурившись и поджав губы – с характерной миной раздражения. Раз в двадцать секунд он порывисто подносил к губам сигарету, затягивался и тут же выдувал дым, как бы спеша сомкнуть губы. Не выдержав её долгого взгляда, он вопросительно повернулся. Зоя смотрела осознанно на него и думала о чём-то приятном, судя по нежной улыбке, которая искусной кистью обозначила мягкие и утешительные черты её, и её лицо говорило, что эти думы не только связаны с ним, но, вероятнее всего, имеют его своим источником. Она любовалась им в то мгновение, когда он был взвинчен, и это было странно и обескураживающее. Петя уронил сигарету, инстинктивно придвинулся к ней и опустил взгляд на губы, заигнотизированный ими и словно ожидающий чего-то, что должно было произойти из-за этого взгляда, но через секунду смутился, посмотрел ей в глаза, понимая, что его смущение написано у него на лице, ещё сильнее смутился, смешался и, упуская её ответное движение навстречу, не заметив её околдованное мигание, отвернулся к уродливой машине дома напротив.

- Пойдём? – позвала Зоя. – Нас ждут бутерброды.

Переступая через порог, Петя ощутил толчок тошноты и тогда понял, что уже сильно пьян. На эту мысль отозвался мочевого пузырь. Петя в четыре шага пересёк кухню, чуть шатнулся, чтобы отклониться от курса и попасть в дверной проём, и вышел в коридор. Дверь туалета была на треть приоткрыта, внутри горел свет. Петя увидел бесформенную фигуру старика, стоявшего лицом к унитазу. Спину деда поверх рубахи покрывала жилетка из овчины, некогда бывшая ему впору, а теперь на много размеров превышающая надобность. На ногах висели тёмно-

синие дырявые кальсоны. Дед кряхтел, медленно, мучительно и кропотливо совершая процедуру, аналогичных которой собственных штук пять за сегодня Петя не заметил. Он услышал подкошенную, как во время ветреного ливня, струю, потом звук слива, увидел, что дед, заправившись, поворачивается, дёргает дверь, выходит из туалета, тушит свет и, натужно кашляя, шаркает в свою комнату.

Петя сделал несколько шагов и услышал скрип пружин под укладывающимся телом старика, потом негромкий прерывистый стон, который, дав Пете минуту послушать стук собственного сердца, перешёл в чуть слышный умиротворённый храп.

Выйдя из туалета, Петя остановился на распутье, прислушался к храпу старика, поколебался и шагнул в противоположную комнату – туда, где находилась старуха.

Она лежала на боку лицом к шкафу по правую руку от Пети. У её изголовья горел красный ночник, освещая неподвижное лицо с закрытыми глазами. Она ровно и бесполезно дышала, синкопируя стрекот часов. На стене висел молдавский ковёр, сохранившийся в очень приличном виде. Слева от кровати, за тумбой, покрытая светлой простынёй, покоилась швейная машинка. Вдоль другой стены, прямо против двери в спальню, помещалось трюмо с большим тройным зеркалом, в котором тёмная худощавая фигура стояла в изножье старушечьей постели. Эта фигура смотрела на старуху с угрюмым любопытством из зазеркалья, а старуха лежала здесь, в другом мире, и не хотела передавать ему никаких сообщений.

В очередной раз взглянув на наблюдателя в зеркале, Петя вздрогнул, потому что за ним появилась ещё одна фигура.

- Не пугайся, - прошептала Зоя, опуская руки ему на плечи.

Петя повернулся и посмотрел на неё новым взглядом, состоящим из множества вопросов, среди которых невозможно было выбрать главный.

Зоя критически оглядела бабушку и, в свою очередь, вопросительно посмотрела на Петю.

- Не нужно вызывать скорую? Ведь пришло уже время? – шепнул Петя, с несмелой серьёзностью ожидая её решения.

- Не нужно. Видишь – боль не мешает ей спать, - Зоя прошла в зазор между шкафом и кроватью, где ещё помещался небольшой табурет, чтобы удобнее было кормить бабушку и измерять ей давление. Зоя села на этот табурет, близко-близко к старухе, и похлопала рукой по краю кровати, куда не доставали бабушкины ноги, приглашая Петю тоже присесть.

С минуту они сидели молча, застывшие под тяжестью мгновения. Потом Зоя мигнула и посмотрела на Петю с оттенком насмешливости. Её умиляли его неловкость и житейская некомпетентность в сочетании с неумолимым, граничащим с дерзостью любопытством исследователя, которое толкнуло его в эту комнату. Петя бесталанно строил сосредоточенную мину, пытаясь спрятаться за ней от неудобства ситуации, которое было для него обременительной условностью, но которое он, тем не менее, не мог игнорировать в силу привычки и воспитания. Вот эта попытка дезориентировать Зою в ту минуту, когда она яснее, чем собственные, видела все его мысли, и развеселила её. Она решила про себя молчать, усугубляя неловкость, пока та не отяготит его до такой степени, что вынудит избавиться от неё.

- Главное, что ей не больно, - глупо сказал Петя, едва не заставив Зою прыснуть.

И тут, словно отреагировав на эти слова, которые она не могла слышать, старуха открыла глаза. Улыбка тут же исчезла с Зоиного лица – она напряжённо дёрнулась к бабушке. Старуха мигнула раз, другой, посмотрела на Зою усталым, испуганным и в то же время просящим взглядом, издала длинный стон и перекатилась на спину.

- Ой, ой, ой, - закричала она.

Зоя вскочила и помогла ей вернуться в предыдущее положение.

- Лежи, лежи, не нужно поворачиваться, - приговаривала Зоя, бережно передвигая её конечности и подтягивая корпус.

Петя тоже беспомощно вскочил. Зоя убедилась, что бабушкино положение устойчиво и безболезненно, села на табуретку и махнула Пете, приказывая и ему вернуться на своё место.

Старуха переводила взгляд с Зои на Петю, вытянув, насколько это возможно, шею. Она смотрела всё осознаннее с каждым мгновением, и чем дольше длилось её бодрствование, тем более напуганным становился её взгляд.

- Спасите меня, - прохрипела старуха, всё так же переводя взгляд с одной на другого.

Петя заметил, что Зоины губы непроизвольно дёрнулись концами вниз. Зоя протянула бабушке руку и позволила её пальцам с прозрачной кожей ухватиться за неё.

- Всё будет хорошо, - не своим голосом тихо сказала Зоя.

Старуха посмотрела на неё с благодарностью, нижним слоем которой был упрёк, а под ним – снова благодарность, и дальше – опять упрёк, и её веки стали потихоньку смыкаться, закрывая её всю, как опускающиеся ролеты закрывают витрину.

- У тебя не болит? – спросила Зоя. – Не нужно врача?

Старуха на секунду прищурилась в знак отрицания, отпустила Зоину руку, погладила её своей рукой и через несколько секунд уже снова тихонько и ровно дышала.

- Зажмурь глаза, бабуля, чтобы свет не ослепил тебя. Они такие торопыги – зажигают свои люстры, не дождавшись, пока стемнеет. А на люстрах десятки лампочек. Ну вот, твои глаза уже привыкли. Теперь ты видишь, где находишься? Выйди на балкон. Чувствуешь, какой воздух? Свежий, тёплый, пахнущий весной. Ты очень высоко. Над тобою небо нежнее, чем газовый шёлк. А внизу город с бежевыми фасадами и глазастыми крышами. Он устроен так ладно, словно весь целиком низошёл на землю. Этот город ты никогда не видела, но он тебе словно бы знаком. И если присмотреться, то слева от собора с золотым куполом, между домами, можно различить вывеску твоего гастронома. А выше по улице рынок, где продаётся самая свежая рыба и овощи по сносным ценам. Прямо возле вашего подъезда открыли булочную – и теперь оттуда на пол-улицы аромат свежей выпечки. А если ты немного пройдёшься вдоль балкона, то увидишь роскошный лес, - как парк Ленина, только намного больше. Туда можно добраться на десятом троллейбусе. А теперь посмотри в другую сторону и вдаль – почти у самого горизонта на холме пепельный шпиль рядом с травертиновым собором. Ты часто гуляешь там с внуками – детьми дяди Валеры, ведь он живёт неподалёку. Теперь ты узнаёшь, где оказалась? Сложно тебе будет оторвать взгляд от этого города, но у тебя будет достаточно времени, чтобы насмотреться на него, потому что этот город становится твоим домом, а пока пора возвращаться. Молодой швейцар, открывая перед тобой дверь и здороваясь, улыбается так, словно всю жизнь

только того и ждал, чтобы ты зашла в ресторан. Он берёт тебя под руку и подводит к столу. Ты только взгляни на этот стол! Здесь и бифштексы, и рябчики, и жареная баранина, и красная икра в глубоких чашах, и филе лосося под сливочным соусом, и салат из лягушачьих лапок, свежие помидоры и маринованные огурцы, белые грибы в соевой подливке, а вон там на подносе в глубине – свежайшие устрицы; и целая пирамида из фруктов, на вершине которой огромная спелая хурма. Присаживайся на стул, который для тебя отодвинули. Смотри, официант предлагает тебе выбрать из нескольких видов вин, но ты выбираешь шампанское. На соседнем стуле сидит Люся Маланюк. Ты не веришь своим глазам, но это точно она. Вы берётесь за руки, и смотрите друг на друга с робкой радостью, боясь задавать вопросы, да и не зная, с чего начать. Вы выпиваете по бокалу шампанского и начинаете говорить впервые за десять лет, и у тебя на сердце тепло благодаря этой неожиданной встрече с лучшей подругой. Но какие встречи ждут вас обеих впереди! Вы пьёте шампанское и лимонад и часто поглядываете на двери лифта, что в центре зала: они выпускают всё новых и новых гостей, которые рассаживаются за своими столиками. Люся Маланюк ждёт, когда появится её погибший много лет назад муж, а ты ждёшь дедушку с дядей Валерой. Тебе сообщили, что они уже встретились, и оба направляются к тебе. Вы поужинаете и отправитесь на прогулку на речном кораблике. Ты пытаешься представить, каким стал дядя Валера, и не можешь поверить, что вот-вот увидишь его. Официант подливает вам шампанское, и вы с Люсей опять выпиваете по бокалу, чтобы не волноваться так сильно. У вас обеих слёзы на глазах, вы держитесь за руки и ждёте. До вашей встречи осталось совсем немного. Слушай, как джазовый оркестр исполняет Серенату лунного света. Смотри, как в небе за окном зажигаются звёзды, как вспыхивает огнями город, ставший начинкой в круассане мира. Выпей ещё шампанского и поешь немного, чтобы, когда они придут, тебе хватило сил целовать их руки и слушать их милые голоса хоть всю ночь, хоть целую вечность.

Зоя замерла секунд на десять, прежде чем выдохнуть. А старуха, пять минут назад дышавшая в этой комнате, хотя ритм её дыхания и поза остались неизменными, оказалась невероятно далеко. Зоя ещё с минуту понаблюдала за ней и сделала Пете знак выходить.

- Можно я потушу свет? Зажгу настольную лампу, - сказала Зоя. – Мне с детства сложно переносить полный свет в этой комнате, когда по всей квартире темно.

Петя подошёл к столу, щёлкнул выключателем, но лампа не зажглась.

- В розетку надо, - сказала Зоя, и, ловко вытянув шнур, воткнула его в ближайшую розетку. – Ты садись, Донов, не парься.

Он всё же потушил комнатный свет, прежде чем столкнулся с новой проблемой: куда ему садиться. Выйдя от старухи, они переместились в гостиную, которую Зоя по семейной традиции называла большой комнатой. С того момента, как характер бабушкиной хвори стал очевидным, и Зоя почувствовала необходимость поселиться здесь, это стала Зоина комната. Она постелила себе на диване, не разложив его, и утром накрывала постель пледом. Потому Петя и замер перед диваном, заметив, что на нём постелено.

Зоя рухнула на диван и потянула за руку Петю. Она подобрала ноги и устроилась боком к нему.

- Донов, садись удобнее. Можешь прилечь, если хочешь.

Они взяли с собой из кухни только бутылку и рюмки, сойдясь на том, что аппетита на новую порцию бутербродов пока нет, и сейчас важнее дать отдохнуть спинам.

- Давай, а то я уже трезвая, - Зоя самостоятельно наполнила рюмки до краёв и протянула одну Пете.

- Эту историю ты сейчас придумала? – спросил Петя, выпив и поставив бутылку и рюмки на комод, бывший с его стороны.

- Раньше, - созналась Зоя. – Несколько дней назад. Мне она нравится, - она посмотрела на Петю, словно спрашивая его оценку и чтобы убедиться, что он воспринимает её слова без иронии. – Мне кажется, это то, что нужно, чтобы... Если вдруг...

- Если вдруг что? – живо спросил Петя.

- Если вдруг... она больше не очнётся, чтобы услышать или увидеть что-то отличное от того, что у неё голове.

- Думаешь, у неё в голове сейчас что-нибудь есть? Какие-то мысли, воспоминания? Фантазии? Подсознание...

Зоя нервно пожала плечами.

- Может быть, ничего и нет... Но вдруг остаётся последняя осознанная картина? Кошмар умирания, который никогда не кончится. Вечное пламя агонии. Чем тебе не ад? Что может происходить за этими плотно сомкнутыми веками – от чего они не имеют возможности избавиться? Ты когда-нибудь слышал рассказы людей, переживших наркоз или кому, об их тревожных видениях? – Зоя с удовлетворением отметила мерцание мистического экстаза в Петиних глазах. – Например, тот же классический тоннель, в конце которого – свет. Те, кто добиваются до света, возвращаются к жизни. Но что происходит с теми, кто остаётся? Ты помнишь мою учительницу по английскому - Марину Арнольдовну – которая долго болела, и несколько недель была без сознания? Она рассказывала, что бежала по тёмному лабиринту, и её преследовал мотоциклист. В конце концов, она выбралась на свет и очнулась. А что, если бы она не смогла? Вдруг, она была бы обречена вечно бегать от этого мотоциклиста? Вдруг, последний пиксель сознания – именно то, с чем входят в смерть? Я не хочу допустить, чтобы последнее её видение было спровоцировано обезболивающим и предчувствием смерти...

- И поэтому ты...

- И поэтому я придумала эту бредовую историю, - с неожиданной резкостью ответила Зоя, и продолжала строго, почти сердито. – Чтобы успокоить себя...

- Ты пытаешься запрограммировать её последний сон, - развивал подтекст Петя. – Повторяя эту историю каждый раз, когда она засыпает...

- Я понимаю, как тупо ...

- Это.... – Петя покачал головой, совершенно очарованный. – Феноменально.

Зоя сглотнула свою досаду.

- Я знаю, на 99 процентов и больше это – бессмыслица. Но больше мне не во что верить, - она удовлетворённо хмыкнула, когда он в сердцах поцеловал её руку, и помолчала, сомневаясь, озвучить ли ещё одну мысль, и, решив, что нужно довести всё до конца, сказала почти шёпотом. - Самое главное, о чём я мечтаю, - это быть рядом в последний момент, чтобы рассказать ей...

- Зоя, а что бы она сделала? Если бы могла...

Зоя озадаченно отвернулась от Пети и посмотрела на своё отражение в глубине горки. Это было едва ли не единственное зеркало, в котором Зоя нравилась сама себе.

- Она посвятила жизнь семье... Она обычная женщина, и её судьба мало чем отличалась от судеб её сверстниц. И было бы странно, если бы она хотела чего-то другого, кроме как ещё раз увидеть всех нас. Может быть, она сказала бы что-то, но это были бы самые простые слова – отнюдь не то, что могло бы заинтересовать тебя.

- Она посвятила жизнь семье, - повторил Петя. – Тогда она могла бы посвятить свою смерть луне.

- Почему?

- Если бы она захотела сказать прощальные слова, это было бы завершение. А если бы она вдруг поняла, что не завершает, а начинает что-то новое, и выдала бы что-то нехарактерное для себя... Например, посвятить свою смерть луне, как бы намекая, что она уже видит то невидимое, что недоступно нам, но доказательства чего мы, при желании, можем получить, по примеру того, как луна – доказательство солнца для ночи.

- Скорее, софит для волка.

- Вот как ты думаешь, верит ли солнце в ночь? – отмахнулся Петя.

Зоя пожала плечами и, приглушённо хихикая и нескладно орудуя едва уже слушающимися её руками, наполнила снова их рюмки и жестом пригласила Петю выпить. Он охотно чокнулся с ней и проглотил коньяк.

- А ведь это почти религиозный вопрос... Солнцу, пока оно горит, не суждено увидеть ночь, скрытую от него в его собственном свете. А вот ночь благодаря луне, на которую светит солнце, понимает, что оно есть.

Вот он растерянно считает капли крови, сигающие с подбородка и плюхающиеся на асфальт. В ушах ещё звенит от Ванечкиного кулака.

Донов, Донов, каким ты порою бываешь наивным. Всё твердил: мы с Ваней всегда найдём общий знаменатель. Предупреждали – махал рукой: Ванечка меня любит. Вот как он любовно изукрасил тебе рожицу – скажи спасибо, что хоть нос не сломал.

Вытирает кровь с лица, тянет вязкую рыжую мысль, пробивая ей путь через изумление, осознаёт потихоньку, какой пробы Ванечника любовь, наполняется обидой до самой макушки. Слова сказать не может – слёзы душат. Забывает вытереть кровь, она вновь соскальзывает на асфальт. Вот та секунда, когда от великой любви до лютой ненависти ко всему миру – расстояние длиной в чью-то верную руку.

Подумал ли он, как ему повезло, что в ту секунду эта спасительная рука оказалась рядом. Сама протянулась к нему. Обернулся, узнал – облегчение во взгляде: слава Богу, это ты! – схватился в ответ и уткнулся в плечо на целый час.

- Я, кажется, догадываюсь, что бы я сделала... - проговорила Зоя, глядя на себя в зеркало горки расфокусированным взглядом.

- Да ладно! – Петя подскочил на месте.

- Я бы поверила, - поверженно склоняя голову, сказала она.

- Во что?! В солнце? В ночь? В Бога?

Один единственный раз в жизни не устроить себе развилку, не оставить путей для отступления, возможности перепрыгнуть с бордюра на бордюр.

- В меня? Зоя! Во что бы ты поверила?

Выбросить балласт сомнений из своего сердца, набить его до треска швов неразбавленной верой.

- В меня? Зоя! Или в себя?..

Горячо, Донов, горячо. Только пусть бы тебя отделяла от него даже и бороздка финиковой косточки, ты не произнесёшь этого слова. Оно не придёт тебе в голову. Меня, себя – это ты понимаешь. А мы, нас – понятия из другой системы координат для тебя. И это – доказательство обратного. Моя антилуна.

- Почему ты не просишь меня обнять тебя? – спросил он, и ей показалось, что он стоит в тамбуре последнего вагона поезда, стремительно покидающего её перрон. Сначала было лето, и ничего не стоило броситься за поездом, догнать его, запрыгнуть в тамбур, где он... Но, чуть только Зоя решилась это сделать, оказалось, что перрон засыпан снегом, и повсюду сугробы, а на ней тяжёлая дубленка и сапоги на каблуках и огромные чемоданы в обеих руках, и поезд уже слишком далеко.

- Наверное, потому что я верю, что ещё нескоро умру.

Зоя стала считать, сколько возможных смыслов он мог вынести из этой фразы, и только за первую минуту насчитала их пять. И с каждым из этих смыслов она была согласна. Ей хотелось, чтобы он спросил, что она имеет в виду. Но он долго молчал, а потом предложил выпить по кофе и перекурить.

Она вынесла кофе на балкон, когда он уже заканчивал первую сигарету. Свежий воздух немного взбодрил её, пять минут назад готовую уснуть у него на груди.

- Ты не сердишься на меня, Донов? – спросила она.

- С чего? – довольно резко ответил он.

- Я знаю, что я неадекватна, - в этой фразе был зашифрован целый самоистязательный монолог, целью которого (произносила ли Зоя его вслух или прикрывала гиперссылкой) было склонить к сочувствию даже самого искушённого собеседника. – Донов, я знаю, что ты думаешь...

- Откуда ты можешь знать, - раздражённо возразил он, швыряя окурок с балкона.

- Ты сам это понимаешь, Донов! Я знаю твои мысли. Я люблю... твои фантазии. Это то, что тебя подкупает и удерживает. Я люблю тебя слушать, и ухватываю, что ты имеешь в виду. Даже если не сразу. Ты это ценишь, тебе это важно. Иначе ты давно перестал бы.

- Зоя, всё несколько иначе. Ты и права, и нет.

- Скажи ту часть, в которой я не права.

- Ты не права, думая, что наши отношения основаны исключительно на... Нет, не так. Ты ошибаешься, если думаешь, что мне нравится общение... Как ни скажи, выходит очень глупо, - Донов с досадливой задумчивостью ущипнул себя за шею. – Что я пытаюсь объяснить: тебе нравится думать (хоть и, признаемся, с надеждой на заблуждение), что меня в тебе привлекает преимущественно возможность удовлетворить свою потребность во взаимопонимании. Ты не признаёшь свою ценность для меня в отрыве от себя самого - считаешь, что не можешь быть мне интересна сама по себе... Не знаю, какими словами ты это определяешь для себя, но я вижу, что угадал.

Зоя не возражала, но и требовать продолжения не смела. Она знала, что и он не скажет ни слова, ибо уверен, будто и так уже разоткровенничался на приличный подвиг, и ждёт встречных откровений, которые – и только они – способны вознаградить его, утешить его сомнения: а стоило ли в принципе это говорить. Догадывалась она и том, что её молчание он воспринимает как недостаточное желание продолжать этот разговор или какое-то глупое упрямство, но не допускает мысли, что тот уровень откровений, который он считал для себя подвигом (совершённым ради неё, да, и потому дававшим ему основания на встречный шаг) был для неё чем-то вроде харакири. Ей не жаль было выпотрошить душу, чтобы вознаградить его за совершённый ради неё подвиг, но, сделай она это – обречена была бы на оставшийся ей срок придерживаться брюхо, чтобы не растерять кишки, а он, уйдя, даже не узнал бы, что она умирает. Потому Зоя беспомощно приоткрыла рот, словно занесла нож над животом, и с отвращением к себе подумала, что она должна быть похожа на рыбу.

- Послушай, ты знаешь моё к тебе отношение, - сказала она.
- Нет, я его не знаю, - ответил Донов с разочарованием, достойным обращения к предателю.
- Донов, - она с упрёком понизила голос и замолчала.
- Ты когда-нибудь мечтала?.. – начал он с решительностью, которой, однако, не хватило, чтобы довести эту фразу до конца.
- О тебе? – после длинной паузы помогла ему Зоя металлическим голосом.
- Проехали, - мрачно сказал Петя и быстро добавил. – Я хотел спросить, не фантазировала ли ты на тему своей старости? Чем бы хотела заниматься, где жить? Что должно сбыться раньше, чем тебе исполнится 60 или 70?
- Конечно, - кивнула Зоя. – У меня есть вполне конкретная пенсионная мечта.
- А знаешь, Зоя... - вернулся он. – Если ты не мечтала, чему я, кстати, не верю, то почему бы не сделать этого прямо сейчас, - сказал он с вызовом. – Ты боишься этого? А я – нет. Я готов прямо сейчас представить себе, какой была бы моя жизнь, если бы ты была моей женой, - он посмотрел на неё с вызовом, и она, подавляя чувство стыда и мысленно радуясь отсутствию яркого света, выдержала этот взгляд.
- Пожалуйста, - ответила Зоя, как бы принимая игру.
- Присоединяйся ко мне, не стесняйся. Итак, прошёл год после того, как мы прекратили этот уродливый спектакль: мы привыкли не врать ни себе, ни друг другу, мы живём в квартире или, нет, лучше, мы живём в ветхом просторном доме в пригороде, который снимаем за смешные деньги и который за это балует нас сюрпризами в виде утечек, протечек, трещин и штукатурных осадков. Где-то рядом вода, и неба гораздо больше, чем в городе. У нас во дворе растёт ёлка и кактус, и мы оба созрели к тому, чтобы забрать с улицы приبلудившуюся к нам и очень ласковую дворняжку.
- У тебя нет других приоритетов, кроме меня; ты перестал чатиться с друзьями и играть в танчики – или на чём ты там висишь; я сама напоминаю тебе позвонить маме, и ты звонишь, чтобы не спорить со мной; ты отказываешься от встреч с друзьями, съезжая на несуществующую занятость, а когда они становятся слишком навязчивыми, заявляешь им, что тебе с ними скучно. Ты не только предвидишь мои капризы, но и предупреждаешь исполнение их возникновение; из всего, связанного со мной, ты критикуешь только мою самокритику. Ты выслушиваешь мои бредовые опасения и находишь аргументы, чтобы уничтожить их. Ты ставишь меня в тупик своей непредсказуемостью, не позволяя мне впасть в

депрессию из-за того, что я предвидела, что будет именно так. Ты выслушиваешь мои чернушные сны и фантазии и смотришь со мной фильмы, где много крови, смерти и страдания. Ты презираешь позитив, оптимистов и вообще всё мимимишное. Ты ненавидишь парфюмы и косметику на женщинах, и, что бы я ни говорила вслух, всегда догадываешься, чего я на самом деле хочу. Ты сваливаешься с неба на голову моему обидчику и, пока я обретаю дар речи, отправляешь его в интеллектуальный нокаут. Ты влюбляешь в себя до беспамятства, а потом жестоко отшиваешь постебавшуюся надо мной стерву. Каждый раз, когда ты хочешь секса, ты чувствуешь себя Пигмалионом, готовым, если придётся, оживить своими ласками даже статую, - Зоя остановила себя, почувствовав, что вошла в раж. Она уловила внимательный, любопытно-насмешливый взгляд Пети.

- Звучит заманчиво, - сказал он.

Зоя опустила голову и горько усмехнулась.

- Для тебя одно слово – игра. Стоить начаться игре, и для тебя нет барьеров, нет неудобств. Ничего нет, на что бы ты не мог решиться. А что по правде? Как узнать, что по правде? - она подняла голову и снова с горечью усмехнулась, а потом отвернулась, чтобы не видеть продолжения того, что уже начало происходить – его помрачнения и отстранения. – Мне нужно покурить.

Сказав это, Зоя шагнула к бутылке, открыла её и, приложившись к горлышку, сделала несколько глотков, после чего покосилась на Петю. Он не мешал ей – он был слишком уязвлён, и, как всегда бывало в такие минуты, она почувствовала в себе импульс инициативы, словно только ценой его обиды обретала силу для самостоятельных действий. Зоя приблизилась к нему, взяла за руку и потянула. Он не отреагировал и продолжал бессмысленно сидеть на диване.

- Пойдём, - приказала она.

- Я не хочу курить, - резко ответил он.

- Пойдём, со мной постоишь, - очень тихо, с едва уловимым оттенком сладострастия, сама не ожидая от себя такого тона, потребовала Зоя.

Петя с неохотой поплёлся за ней на балкон. Он не понял, до какой степени она пьяна, ни когда она споткнулась о порожек кухни и налетела на угол подоконника, ни когда, перепутав края сигареты, собралась подкурить её со стороны фильтра. Он понял это, только когда услышал, что она стала говорить.

- Сколько барахла насочиняли... - жадно дымя, проворчала Зоя. – Формулы идеальных отношений. Когда лучше всего и с кем. Родственные души, чёртов трёп. Кто из них хоть на минуту верит в этот бред, ведь того надо закрыть в психушке. Нет, лучше бы им вообще не рождаться. Люди не должны были становиться такими глупыми, Донов... Ведь, бывает, глянешь и видишь, что они на одной волне... Без всяких теорий. Родственные души или хрен знает, как их назвать. Они не сочиняют правил и не дают советов, но ты видишь между ними что-то неизъяснимое ... А у других нету, пусть бы и было у них много денег и детей и совместных лет, - Зоя говорила то слишком быстро, то замедляя темп речи, но не заикаясь и не прерываясь. – Почему кто-то тебя раздражает, а кто-то снится тебе или вспоминается без причины? Почему не работает всё, что надумано и придумано? И даже если ты сам, даже сам ты, Донов, сочинишь теорию и обоснуешь её, оно не сработает.

- Ты пьяная, Зоя, - сказал Донов с отстранённым сочувствием.

- Ну и что? Скажи, что я не права, потому что пьяная... Вот ты, Донов, как ты можешь полюбить кого-то, если ты не нашёл самого себя...

- Это ты сейчас демонстрируешь, как хорошо меня понимаешь? – безжалостно проговорил он.

- Иди в задницу, - болезненно сморщившись, выругалась она, и вдруг икнула, и тут же вскрикнула. – Нет! Нет! – она выбросила сигарету уже на ходу, шагнула к нему и в этом движении словно раздвоилась: одна, бестелесная, часть её прильнула к его груди, другая, зримая, вытянула руки на манер гипнотизёра, словно создавая некое колдовское поле, удерживающее его. Зоя с усилием подняла голову и посмотрела на него мутными, словно расплавленными глазами. – Петя... - шепнула испуганно. – Что это за царапина у тебя на носу? Это кошка? – она бережно провела пальцем по его переносице, и вдруг ярость исказила её лицо. – Я бы ей шею свернула...

- Пойдём в комнату, - твёрдо сказал Петя. – Идём.

Вернувшись, он некоторое время спорил с Зоей о том, позволительно ли ей ещё немного выпить. Через пять минут у неё не осталось сил продолжать этот спор, и она растянулась на диване, пользуясь тем, что Петя не занял его. Он отошёл в тёмный угол комнаты и стал вполоборота к окну, глядя то на неё, то за окно.

Через пару минут, когда он уже думал, что она уснула, она вдруг вскрикнула:

- Донов! Твою мать, куда ты делся, Донов?

Он подошёл к ней, не столько потому, что хотел угодить, сколько ради того, чтобы заставить её замолчать, – опасался, что её крик разбудит старика или старуху.

- Я здесь, - сказал он ледяным голосом, присаживаясь на корточки возле дивана.

Она перевернулась на спину, уставилась в потолок и, схватив его ладонь, положила её, сжимая, рядом с собой.

- Я же знаю тебя, - говорила она. Он смотрел на неё и не узнавал. Глаза и щёки её блестели от слёз. Она стала бледной как утопленница. Её грудь вздымалась при вдохе так высоко и так мучительно, словно ею владели бесы. При выдохе она издавала звук, похожий на сдавленное рычание. Секундами ему казалось, что она трезва, но потом он сообразил, что она словно находится на сто семьдесят девятом градусе опьянения: шаг вперёд – и она уже трезва, шаг назад – и она в забытьи. – Знаю, как ты увлекаешься. С головой. Ты отдаёшься и оттого всё, чем ты увлечён, отдаётся тебе. Ты хоть понимаешь, что когда это произойдёт, то по мне пойдёт трещина, способная расколоть земной шар? Если бы только я могла допустить, что я ошибаюсь. Но ты сам не знаешь себя так, как я...

Она повернула голову к нему, и слёзы полились ей в рот. Он смотрел на неё с сострадательной досадой и беспощадностью человека, страдающего амнезией и не узнающего собственную жену, и молчал. Она трижды всхлипнула, третий раз настолько мучительно, что готова была уже, кажется, зарыдать, и закрыла глаза.

Убедившись, что она уснула, Петя безрадостно усмехнулся, закивал, затем встал и, размяв затекшие ноги, посмотрел на неё снисходительно-страдающим взглядом.

- Что ж, береги себя, Зоя. Продолжай складировать свои консервы.

Выступив из комнаты, прислушавшись к тишине, он решил, что покурит уже внизу, и, тихонько скрипнув входной дверью, вышел из квартиры.

Глава 3. Тамара

(которая даже из собственных проигрышей выходит победителем...)

Они вчетвером в этот ранний тёплый октябрьский вечер воплощали для Зои пастораль сестринства. Глядя на них: на Машу, ловко стригущую картошку в салатницу и, не успеешь заметить, уже натирающую в разные мисочки сыр для лаваша и для оригинальной закуски; на Лолиту, блаженно раскинувшуюся в шезлонге с сигаретой и кофе с молоком, который она упрямо называла латте; на Тамару у веранды, пластичнодвигающуюся под музыку и умудряющуюся при этом не пролить аперитив, тоже танцующий в бокале, - Зоя испытывала смешанное чувство бестягостной чуждости своей всякой идиллии и наслоившегося на эту чуждость смущенного трепета от лицемерия этой самой идиллии.

В такие моменты, переосмысливая иные Доновы умозаключения, она находила его совершенно неправым, и это заставляло пошатнуться под Петей трон ведуна, занимаемый им в Зоиной голове.

Петя не верил в женскую дружбу. Он говорил, что все его знакомые женщины завидуют друг другу в те моменты, когда не ненавидят друг друга. С высокомерной весёлостью и без зазрения совести он пересказывал Зое, какими эпитетами одни его подруги награждали в приватной беседе с ним других своих подруг.

«Зависть – это просто свойство людей, не принимающих себя. Какое отношение она имеет к женской дружбе?».

«Зоя, тут опять мотивы твоей мантры о самопоиске и самопринятии. А я тебе – о конкретных жизненных ситуациях и людях. Примеров женской дружбы, из-за спины которой мне не помахала бы ручкой зависть, я не знаю».

Какая может быть зависть между нами, глядя на девочек, внутренне муркнула Зоя.

«Они превозносят и тихо ненавидят тех, кому завидуют, снисходят до тех, кто завидует им, и жестоки по отношению к тем, кто обязан завидовать им, но почему-то не завидует. Будь осторожна, Зоя...»

Она разозлилась на себя за то, что её так трогают выводы этого чёртового мизантропа, который бесцеремонно и беззастенчиво настраивал её против подруг. Он настраивал её, если вдуматься, против всего человечества, внушая ей исходящую от него опасность. Он мялся на её больной мозоли, зная – он не мог не знать – что опасность, исходящая от всего на свете, была Зоиным спутником жизни, и не гнушался подкармливать этого зверя. Он был другом её мужа – не её, вдруг решила Зоя.

- Донов – это лучший друг моего мужа, вот его роль в моей жизни.

Зоя почувствовала, как что-то обвивает её, опустила глаза и увидела смыкающиеся на её животе прутья Лолитиных рук.

- О чём ты думаешь? - прошептала та с хрипотцой и прокашлялась.

Зоя стояла у калитки боком, чтобы охватить взглядом и тихую улицу коттеджного посёлка, и девочек, праздничнохлопочущих во дворе.

- Мало людей, - задумчиво сказала Зоя.

- Чего-чего? – не поняла Лолита.
- Говорю, мало туристов – смотри...

Машин дом, словно молодой офицер на смотре войск, приосанился в ряду сотоварищей, пестря черепицей, красуясь штакетником, гостеприимно поблёскивая калиткой, всем своим видом демонстрируя готовность доказать, что всё в нём образцово и безупречно.

- Наверное, разъехались после лета, - Лолита прижалась головой к Зоиной спине, слегка покручивая Зоиным корпусом.

- Оль... - сказала Зоя едва слышно, не рассчитывая даже, что Лолита отзовется.

- У? – нежно протянула Лолита.

- Ты веришь в женскую дружбу?

Лолита ласково хмыкнула.

- Неужели в твоей головке ещё может возникать такой вопрос? – Лолита поцеловала её в макушку.

- Бабы завистливые, - с мрачной нежностью возразила Зоя. – Начинают друг другу завидовать рано или поздно. Это не моя мысль. Но я хочу знать, что ты на это скажешь.

- Я вижу иначе, - возразила Лолита, заинтересовываясь и отстраняясь.

- Как ты видишь?

Лолита обошла её сбоку и сделала жест, словно намерилась вытащить из кармана короткой джинсовой куртки сигарету, но передумала.

- Бабы не завидуют друг другу, Зо. Они конкурируют. Здоровая конкуренция – вот ключ к нормальным женским взаимоотношениям. Здоровая конкуренция – это значит, что сегодня нужно выиграть у неё в теннис, а завтра – проиграть ей в покер, послезавтра поспорить о том, что в этой жизни важнее: теннис или покер (не называя их своими именами), а на следующий день, так ни до чего и не доспорив, распить бутылку шампанского под одну из тех мелодрам, про которую мужу стыдно признаться, что она тебе нравится, - Лолита посмотрела на Зою с самодовольной ухмылкой. - Не зависть, а отсутствие конкуренции – вот угроза женской дружбе. Чтобы сохранить хорошие отношения, надо бросить ей вызов или немедленно принять брошенный ею. Если не ответить на провокацию из соображений, что ты выше этого - рискуешь нажать врага. У меня так вышло с кухней моего бывшего мужа. Она пекла изумительные маффины и всё добивалась, чтобы я попробовала её рецепт, и чтобы потом гости оценили, чьи лучше. Я то думала: раз уж мы родственники, то соревноваться просто неприлично, и это была фатальная ошибка, - Лолита звонко рассмеялась над собой. – С тех пор наша кухня называла меня снобкой, за глаза естественно. Так что, Зоель, хочешь дружить с женщиной – не отказывай ей в соперничестве. Даже если тебе страсть как не хочется в этом участвовать, твоя игра должна быть правдоподобной. Оно того стоит, честно.

Зоя уязвлено качнула головой.

- В чём мы конкурируем?

Лолита примирительно вздохнула.

- С тобой всё иначе, - ответила она с излишней многозначительностью. – Я не чувствую конкуренции с тобой, Зоя, и никогда не чувствовала. Но наши отношения нельзя брать за образец типичной женской дружбы, ведь они, скорее, ближе к...

- Хорошо, а девочки, - перебила Зоя. – Какая конкуренция между вами?

Лолита задумалась.

- Я склоняюсь к мысли, что мы слишком давно не виделись и пока присматриваемся друг к другу. Время той первой провокации ещё не наступило.

- Но когда оно наступит, ты ответишь.

- Да! – твёрдо и поспешно согласилась Лолита. – И это не умалит моей любви и нежности к девочкам и к тебе, не умалит вашей ценности для меня, той близости и того уникального знания друг о друге, которое бывает только между друзьями детства, - Лолита посмотрела на Зою с некоторой претензией, право на которую ей давала безбрежная вера в слова, которые она сейчас произнесла. И Зоя сникла под этим взглядом, не в силах даже внутренне связно возразить им. – Отношения между близкими людьми слишком многогранны, чтобы вписать их в одну формулу. Соперничество – это только одна из граней. А ты, по-моему, слишком заморачиваешься.

- Нет, я просто... задумалась об этом.

- Нет, я же вижу, что ты серьёзно. Будто пытаешься решить задачу. Закон открыть. Словно не понимая, что сама попытка – смешна.

Что-то новое зазвучало в Лолите, и Зое показалось, что это говорят годы, отделяющие их от той общей жизни, которую они проживали в детстве и которая позволяла им почти одинаково видеть то, на что они смотрели. Годы, в течение коих Лолита успела пережить тысячи мгновений, о которых Зоя только фантазировала, и испытать сотни впечатлений, по поводу которых Зоя только строила догадки. Это был опыт, который они обе получили, но уже отдельно друг от друга: Лолита – однозначно и бездумно, поставленная перед фактом объективной действительностью, а Зоя – многократно и разнообразно в своей голове, задавая и варьируя условия субъективной своей действительности. В итоге этих прожитых лет у Зои была стратегия и множество тактик бездействия, дополненных (чтобы не заскучать в этом многолетнем бездействии) коллекцией изысканий по самым разным этическим и философским вопросам, а у Лолиты – красивое, ничуть не испортившееся лицо и тело, сигарета в руке и стойкий бытовой агностицизм.

- Но это мне и нравится, в этом я и узнаю тебя, - услышала Зоя влюбленно-насмешливый голос Лолиты и одновременно почувствовала дым её сигареты. – Мой мрачный молчаливый зверёк. Тебе всегда нужен особый момент, чтобы сбросить с себя громоздкие шкуры, нарядившись в которые ты, уверяя, что тебе ничуть не жарко и не тяжело, ходишь по улицам и даже приходишь на пляж. Но я тебе обещаю, что мы доберёмся до такого момента. Потому что я хочу, наконец, лицезреть во все красе то сокровище, которое я предвидела ещё в школе, – тебя, какой ты стала, - Лолита подмигнула. – Я знаю, - она сделала сильный акцент на этом слове. – Что нам предстоят самые приятные дни – такие, о которых вспоминают десятилетия спустя. Вот посмотри на них, посмотри на Томку... - Зоя перевела взгляд и невольно залюбовалась ладностью Тамариных движений, лёгкостью её отнюдь не худощавого тела, которое под музыку словно утратило свою массу. – Ты разве не чувствуешь?.. У меня, например, чувство родства зашкаливает... Какая, к чёрту, зависть, какое соперничество!

Покровительственный тон Лолиты вызвал у Зои двойственное чувство: с одной стороны, легкое раздражение, потому что Зоя вовсе не считала, что Лолитин реальный, но бездумный опыт имел преимущество перед её выверенными умозаключениями (тем меньше оснований было у Лолиты для наставнического обращения, поскольку та никогда не отличалась стройностью мысли), с другой

стороны, именно это сочетание снисходительного тона с отсутствием у Лолиты амбиций философа (Лолита охотно признавала интеллектуальное превосходство тех, кто действительно им обладал, и это качество очень располагало к ней умных людей) возвращало Зою в детство – в ту пору, когда её размышления ещё не были такими мучительными, а большинство ныне упущенных возможностей ещё были открыты.

Зоя наблюдала за девочками с настороженной пристальностью, словно желала убедиться, что это действительно Оля, Маша и Тамара, а не какие-то чужие, по недоразумению спутанные с ними личности. Иногда она отвлекалась на игру голубей на соседской крыше: три голубя бочком двигались по карнизу, и средний голубь, как бы подпираемый следующим, вспархивал и перемещался вперёд, но вскоре тот, что оказывался посередине, делал то же самое. Когда они достигли края карниза, третий голубь (тот, что подпирал поочерёдно двух других) перелетел к другой паре голубей и затеял с ними такую же игру.

Чем дольше Зоя смотрела на девочек, тем явственнее вспоминала, и, узнавая их, поддакивала этому узнаванию, подобно тому, как бывает, когда перечитываешь книгу, в которой не помнишь уже ни сюжета, ни деталей, но вскоре ловишь себя на мысли: «да, я это уже читала, да, именно это они и должны были сделать». Да, именно так должна похлопывать себя по лбу Маша (будто пытаясь вытрусить из головы ключ), соображая, как ей распорядиться лишним яблоком – она всегда так делала, выбирая вариант ответа в тестах. Именно так должна шмыгнуть носом, пользуясь Машиной растерянностью и решаясь на дерзость отобрать это яблоко, Тамара.

И Лолита, с которой прямо на глазах слазит американский загар, исказивший её от природы смуглую кожу. Лолита, раздающая притворно-командным тоном отнюдь не притворные указания, и даже Тамаре умеющая сказать так, что та незаметно для себя исполняет. Лолита, без стеснения фальшиво затягивающая любимые фразы в песне, беспечно кривящая лицо, ничуть не заботясь о том, что оно может смотреться невыгодно, словно видя, что дурашливые гримасы не портят его, начинающая пританцовывать, не смущаясь тем, что её движения уступают в грациозности Тамариным, и навязчиво пристраивающаяся к ней спиной, и так же внезапно отвлекающаяся, чтобы подхватить падающую со стола ложку. Лолита с её грубоватыми и даже немного неуклюжими, но невероятно притягательными жестами, с её нагловатым, претенциозным и вместе с тем нежным и всепрощающим взглядом, с её резким, но не становящимся от этой резкости неласковым голосом, с широко распахнутыми от возмущения или изумления и насторожено прищуренными глазами.

Зоя почувствовала ветер не щеках. Не слишком тёплый, но ещё пахнущий летом. Голуби куда-то делись с соседской крыши. Потом она услышала продолжительный скрип тормозов – в нескольких кварталах остановилась маршрутка, и потом – отдалённый и такой неправдоподобный, словно призрак, хоровой ребячий гвалт. И так обнадёживающе зашелестели пожелтевшие листья, готовые по первому знаку ностальгии отпроситься у веток на танец, но Зоя не могла найти, чем бы заманить сюда ностальгию, ведь среди здешних домов едва ли нашёлся бы достаточно старый, чтобы закачаться всеми стенами. И вдруг зазвучал тот самый, напоминающий россыпь жемчужин, смех Лолиты, и Зоя почувствовала прилив сладковатой слюны, провоцирующий лёгкую тошноту, как бывает, когда съешь баклажан или в секунду не слишком досадного разоблачения.

Через час они уже сидели за столом. Лолита самостоятельно наполнила Зоину тарелку понемногу почти всем, что было на столе, и решительно подвинула к Зое бокал с розовым вином. Зое стало смешно из-за того, что Маша, Тома и Лолита

давеча так долго спорили, жарить ли шашлык, не дожидаясь Серёжи, который должен был приехать позже вечером, когда уже будет не до шашлыка, или перенести жарку на завтра, обойдясь тем, что есть: потому что здесь были и Машины куриные отбивные, и домашние колбаски Лолитиной мамы, и свинина по-французски, и несколько видов салями, и печёночный рулет. И это не говоря о соленьях, копчёной сёмге, сулугуни в лаваше, двух майонезных салатах, оригинальной закуске и гвозде программы, ради которого, как пошутила Маша, все и собрались, – тыквенно-яблочном салате с грецкими орехами.

- Зачем ты открыла розовое вино? На такой стол нужна вальполичелла, - оценив обстановку, опомнилась Тамара. Она была уже пьяна, но Зоя помнила, что Тамара становилась пьяной от бокала вина, зато потом могла выпить пару бутылок, оставаясь в таком же состоянии.

- Вальполичелла – это какое?

- Бордовое такое! На нём написано! Давай я найду и открою.

- Да я сама, - отмахнулась Маша.

- Ах ты блин, и налить уже успела, – накинулась Тамара на Лолиту, кивая на Зоин бокал. – Розовое вино на десерт, а ты ей к мясу набулькала.

- Ну, так она выльет! – закатила глаза Лолита, защищаясь более громогласно, чем нападала Тамара. – Дай сюда!

Между Тамарой, Лолитой и Зоей, которая не хотела уступать свой бокал, завязалась борьба. Зоя стала лупить Лолиту по тянущимся к ней рукам и отталкивать Тамару, перегнувшуюся через Лолиту, чтобы добраться до бокала, который Зоя предусмотрительно отодвинула на край стола.

- Что вы творите, дурочки, - захихикала Маша, возвращаясь с бутылкой вальполичеллы. – Посмотри, это? Это, Тома? – она повысила голос.

- Ну, наверное! Посмотри, что на нём написано! – закричала Тамара, не желая утрачивать свои позиции в схватке.

В ту же секунду Зоя, пользуясь тем, что Маша отвлекла девочек, перемахнула через скамейку, схватила бокал своего розового, отпрыгнула и торопливо выпила, не удержав лишь одну озорную струйку, что выплеснулась у неё изо рта.

- Она его выпила! – с таким лицом, словно там было прокисшее молоко, а не вино, пробормотала Тамара.

- Бестолочь, - хохоча, констатировала Лолита так, что было неясно, к кому она это относит, а вернее всего, что ко всем сразу. Но вслед за этим она прибавила, паясничая. – Ты не поняла, что надо было пить валь-по-ли-чел-лу?

- Варварё, - лыбясь, проворчала Тамара.

И Зоя, словно чтобы усилить впечатление, прыгнула за стол и, помогая себе руками, жадно принялась за еду. Через минуту, с набитым ртом и цветущим видом она замахала рукой, настойчиво требуя наполнить свой бокал.

- Лёд тронулся, - подмигивая Маше, Лолита собственноручно налила Зое вальполичеллу.

- А я уже пьяная, - дунув себе на лицо, сказала Тамара.

- Какая новость, - ухмыльнулась Лолита.

- Я тоже, - крикнула Зоя, отрываясь от второго залпом выпитого бокала и вызывая всеобщий смех.

- Надо сделать перерыв, - сказала себе Тамара и остановила Машу, которая, сокрушаясь о своей непредусмотрительности, собралась за следующей бутылкой – в привычных хозяйских хлопотах она ещё не успела притронуться к еде.

Зоя с Тамарой одновременно, не сговариваясь, вытащили сигареты и закурили.

- Ой, а я думала, ты не куришь, - Маша поместила в свой аккуратный рот глянцевого кусок препарированной отбивной, и удовлетворённо вздохнула. – Выходит, я в меньшинстве.

После нескольких затяжек Тамара, дабы отвлечься от выпивки, вылезла из-за стола и вступила в переговоры с приёмником. Выбрала подходящую песню, прибавила звук и вернулась к своему занятию. Теперь она двигалась менее энергично, но плавно и отрешённо, и, выпуская дым, запрокидывала голову и следила, как высь засасывает его.

Зоя прикончила последний кусок мяса и, теряя нить невразумительного разговора, который без особого усердия пытались вести Лолита и Маша, стала смотреть на Тамару: как она ритмично поводила головой, словно ласкаясь с невидимым партнёром, как извивала руки, выписывая корпусом фигуры, на её налитую веснушчатую грудь, на широкоскулое лицо, с уже чуть более мягкой, чем хотелось бы, кожей книзу, на полные разомкнутые губы. И, вглядываясь в это лицо, Зоя вдруг уловила, как явно оно отличается от того, вечно обвиняемого в недостатках, но в действительности не имевшего их лица, которое Зоя видела много раз, к примеру, на том же выпускном. Взять эти щёки, прежде ненавидимые Тамарой за их упругую пухлость, а нынче совершенно её лишённые и оттого проигравшие, словно бисквит, осевший после выпечки. И лоб, когда-то слишком плоский, а теперь почти выпуклый, пересечённый двумя чуть заметными морщинами. И глаза, которые Тамара всегда считала неудачно посаженными, оказавшиеся теперь ещё глубже, с ещё сильнее опущенными уголками. Это было красивое лицо, но совсем другое, и нужно было удержаться, чтобы не сравнивать его с тем, четырнадцатилетней давности, которое казалось менее красивым тогда, но которое без лишних слов было бы избрано Тамарой на замену нынешнему – предложи ей кто такую возможность. Зоя всё же не смогла удержаться от сравнения, особенно потому, что дело было не столько в Тамарином лице, сколько в её партнёре. Тогда он был, а теперь – Зоя поняла – его не доставало. Этим партнёром был Донов. На выпускном они вместе танцевали румбу, и за время этого танца Зоя тысячу раз или больше повторила себе, что не представляет ни для одного из них лучшего, чем прожить вместе долгую и счастливую жизнь. Она даже произнесла это вслух – сказала это Тамаре, и когда та в ответ расхохоталась, Зоя почувствовала себя так, словно в неё выстрелили из пистолета, и она, уже испытывая предсмертную одышку, вдруг обнаружила, что вместо пули в неё угодили шариком с краской. Ей казалось, что сквозь этот Тамарин смех все тычут в неё пальцем и покатываются от хохота. «Ревнивая дурочка, - слышала она никогда, в действительности, не звучавшие слова». «Донов и я? – вскричала Тамара, отсмеявшись. – Вини-Пух и Доктор Ватсон». А где Донов? Он исчез. Собрал свои овалы и умчался на новые подвиги, даже не удостоив почтительным объёмом свою лихую и соблазнительную партнёршу, с которой три минуты назад в Зоинем воображении он растил четырёх детей.

И вот сейчас, четырнадцать лет спустя, голова вращающейся Тамары пружинила на сильной шее, словно то ловя поцелуй своего незримого партнёра, то уклоняясь от них, – точно так они с Доновым могли бы танцевать любовный танец в своей супружеской или просто спонтанной постели.

Тамара никогда не рассказывала, как далеко заходили в своё время их отношения, чем заканчивались их немногочисленные свидания. Она отнекивалась от любых

намёков на что-то серьёзное между ними, но избегала расставлять точки над «е». Как можно быть уверенной, что у них не было секса? Что они не целовались? Что, по крайней мере, он не мечтал об этом, когда они оставались наедине? Один тот факт, что они оставались наедине...

Мой, мой, мой, с неожиданной злобой подумала Зоя. Если бы я только захотела, он был бы моим, и больше ничьим. Все пользуются моей неприхотливостью – и я не стану мешать. Но правда одна. Если бы только мне вздумалось! Одно моё желание, и...

«Звучит заманчиво».

Звучит, чёрт возьми, заманчиво. Хорошо, что она успела увидеть его лицо, когда он это сказал. Нет, это был не ленивый стёб в поддержку разговора. Он был увлечён. Он следовал за её мыслью, он представлял себе это. Звучит заманчиво, сказал он. Да, она съехала на игру, увела разговор. В тысячный раз надеясь, что он будет настаивать и вернёт её к нему, и в тысячный же раз убеждаясь, что он никогда не затронет тему, с которой она съехала, даже догадываясь, что она мечтает, чтобы он настоял. И это справедливо не для всякой темы – а лишь для той, которая имеет для него значение. Для Донова не существует табу там, где он не боится быть уязвлённым. Попытка увести разговор в сторону только провоцирует его азарт. Уж кому, как не Зое, это знать: достаточно вспомнить, как он на спор ухаживал за профессоршей по лингвистике, не стесняясь петь серенады на глазах у всего университета. Представим, что он вдруг проявил бы инициативу. Первой реакцией Зои была бы тревога: Донов играет с ней! Пытается развести на признание или на секс. В тот день, когда он поведёт себя так, Зое останется только... Никакого Донова не будет больше в её жизни, если такой момент наступит.

Его и так нет в твоей жизни, не ври себе.

- Это правда, - подавив невольный спазм лица, произнесла Зоя, не осознавая, что вслух.

Дразнящий смех Маши и Лолиты вывел её из оцепенения. Их взгляды были обращены на улыбчиво-хмурую Тамару, которая конфузливо качала головой. Зоя и не заметила, как та перестала танцевать, как откупорили и даже разлили новую бутылку вина, не уловила, о чём девочки уже успели поспорить.

- Да ну вас к чёрту, - отмахнулась Тамара.

- Нет, ты поняла, главное, нам она не верит, - возмущённо выкатив глаза, крикнула Лолита. – Пока Зойка не подтвердила...

- Что именно? – осторожно спросила Зоя.

- Что у неё дырочка на попе! - крикнула Лолита, радостно взволнованная этим событием.

- У-у, - протянула Зоя, покосившись на Тамарины леггинсы.

- Ты тормозишь, - Лолита пихнула её в бок. – Маша, мне кажется, что она какая-то заторможенная? Или это я уже чересчур разгорячилась?

- А ты передай ей вино, - подсказала Маша.

- Пей, - приказала Лолита.

Зоя поднесла бокал ко рту и несколько секунд опасалась начать, будто не зная, что в нём, а потом зажмурилась и стала пить очень медленно, с каждым глотком уходя всё глубже в транс.

Она всегда съезжает с этой темы, и он никогда не возвращается к ней. Каждый раз, отступая, она надеется, что он шагнёт навстречу, схватит её за руку и уведёт, наконец, за собой. Но если бы он сделал этот шаг, то наткнулся бы на её каменное лицо и треснул, потому что этот шаг стал бы для неё сигналом, что тема потеряла для него значение, полностью превратилась в игру. И они оба продолжают делать вид, будто не видят этих тысяч зависших над их головами знаков вопросов, иные из которых лишь запылились от времени, а иные набухли от сезонных дождей.

Если бы, в свою очередь, она хоть раз сказала то, что было у неё на уме, - что тогда? Эту мысль Зоя таила под подушкой, придавив своим телом, как героиня одного фильма – ненароком раздавленную собачонку, пока хозяйка в тревоге звала своё животное.

В конце концов, у всякого Зоиного предположения одинаково много и одинаково мало шансов попасть в яблочко. Допустим, в каком-то отчаянном порыве, на грани безумия или самоубийства (ибо другого повода для подобно момента Зоя не могла себе представить) она позволила бы ему уцепиться за тему, которая могла завести их обоих дальше разговоров. Буде она это допустила, ей оставалось бы слепо следовать за ним, не помня себя от стыда и блаженства, не смея поднять глаза на свой разум, каясь в предательстве интуиции и торжествуя победу воли. Ну а что, если бы... он не воспользовался этой возможностью? Сделал бы то, что всегда делала она - съехал? Давая ей убедиться в том, о чём она всегда подозревала: что нынешний формат общения оптимален для него.

Ведь если взглянуть с его точки зрения: ему льстит её внимание, ему кстати её поддержка, ему не в тягость её не такие уж многочисленные и не такие уж нахальные закидоны. Мало кто знает и понимает его так, как она, но мало знать: понимать и никому не растрепать – много ли найдётся конфидентов, а Донов ценит такие вещи. А разве кто-нибудь способен чувствовать его так, как Зоя, «тоньше матери родной», по собственному признанию Донова. И ведь он также не может не понимать, что та эмпатия, которую Зоя проявляет к нему, не есть ординарная женская отзывчивость, но зиждется на более прочном фундаменте. Господи, ведь всё очевидно, если вдуматься. Если бы кто-нибудь увидел со стороны, ему стало бы ясно в ту же секунду. Оля выкупила мгновенно, по одному неловкому движению на выпускном. Стоило Зое выпить чуть больше положенного, на одну секунду ослабить хватку, которую она сжимала собственное горло, и всё-всё-всё стало очевидным.

Тот факт, что она не прыгнула тогда с моста, - пожалуй, самый загадочный в жизни Зои для неё самой. Впрочем, и этому исходу она отлично знала объяснение – безволие. Бич, который обнуляет даже смертестремительные импульсы. В минуты осознания собственного безволия – самые тяжеловесные, бездыханные мгновения своей жизни – в процессе мучительного самоедства Зоя малодушно скашивала взгляд на обратную их сторону, где безволие позволяло ей чувствовать себя почти богиней – столь же ничтожной, сколь и великой, неподвластной даже деструдо.

Да, Lolita молчит с тех пор, но кто знает, почему? Забыла? Или избегает щепетильной темы? Разве Lolita с её страстью к пикантностям могла запомнить о таком любопытном эпизоде? Lolita, которая, стоит её захотеть, считывает мысли с неподвижного лица. Lolita, которая пятнадцать лет назад сама была не прочь попробовать с Доновым. Нелепо думать, будто никто ничего не знает. Хоть и молчат. Впрочем, это осознание Зоя уже, хоть и с трудом, но пережила. Поразить её, как тогда, ему больше не удастся.

Итак, возвращаясь к Донову: у него есть её плечо, её эмпатия, её молчание, необременительные хлопоты, в которых ей изредка нужна его помощь, и её

привязанность. И нет зависимости от неё. Недостатка в сексе Донов никогда не испытывал (он не обсуждал это с Зоей, но по некоторым признакам и слухам она знала, что в интимной жизни у него не случалось эксцессов). Итак, подбивая Доновский кредит по пассивным счетам, получаем ни к чему не обязывающий секс на стороне и всё остальное в Зоинном лице. При этом он свободен, полноценен, востребован, понят, желанен и обожаем. Зачем что-то менять? Если бы в этом раскладе что-то не устраивало его, он давным-давно перетасовал бы колоду. Это ведь не Зоя, годами несущая бремя безволия, а Донов. Донов-выдумщик, Донов-авантюрист, Донов-плут, Донов-паладин. Знающий её реакции, как свои пять пальцев, - уж он бы нашёл, как выбить её из ею же продиктованного шаблона, если бы поставил себе такую цель.

Эта мысль подействовала на Зою как озарение. Она объясняла и его неостывающий интерес, и его безотказное внимание к ней. Мысль, которой она защищалась от подозрений ранее – что он не уделял бы ей столько времени и не жертвовал бы ради неё столько душевных сил, если бы был равнодушен к ней как к женщине – оказывалась несостоятельной рядом с этой новой мыслью. Да, он ценит её, дорожит ею. Да, в конце концов, он неравнодушен к ней, это правда. Но его неравнодушие полностью удовлетворяется той моделью общения, которой они придерживаются. Это Зоя терпит эту модель, тяготится ею и держится за неё (на пределе своих возможностей!), чтобы не утонуть в своих чувствах, дай она им волю. Для Донов же такой формат – аккурат то, что нужно. Вот в чём между ними разница! Вот объяснение всему.

Зоя внезапно почувствовала жуткий стыд: за свою ревность, на которую она, оказывается, не имела права, за наивное допущение, будто такой мужчина как Донов бездействовал бы, имея он чувства к ней, за слабохарактерность, заставлявшую её в самый грустный и самый радостный моменты жизни думать о нём, за эгоцентрическую уверенность в том, что именно она – главный ценитель его достоинств и искомый элемент его гармонии, и, самое гадкое – за навеянную химерами враждебность к Тамаре. А ведь именно Тамара с её интеллектуальными способностями с тем же, а может, и с большим успехом, чем сама Зоя, могла вникнуть в Доновские паралоги и оценить его умственные пируэты.

Зоя вновь посмотрела на Тамару, на этот раз с теплотой. Её гладкое широкоскулое лицо с крупными веснушками, острым носом и чётко очерченным ртом зависло над Машиным плечом. Зоя придирчиво изучила её шею, радостно констатируя отсутствие второго подбородка, но обнаружила три бесцеремонные складки, завладевшие шеей настолько прочно, что оставляли на ней колеи, даже когда Тамара выпрямлялась. Тамарины глаза насмешливо и нежно щурились, разглядывая фотографии в альбоме, который с загадочным видом листала Маша. То были снимки со школьных времён.

- О Боже, что это со мной? – вскричала Лолита, испуганно хватаясь за уши. – Что здесь с моими ушами? Чего они так вылопушились?

- А посмотри, какая я толстуха! Живот, щёки, - подхватила Маша.

- Нет, я просто в шоке. Я что, лопоухая? – не унималась Лолита, переводя взгляд с Тамары на Машу.

- Просто неудачный снимок, - возразила Тамара. – Мы все здесь плохо. Смотри, Зоя – китаёса, почти без глаз. А я с квадратным подбородком.

- Я не могла так получиться. Я всегда хорошо получаюсь, - капризно заявила Лолита. – Когда это было?

Зоя подобралась к девочкам и, полюбившая Тамару, полуопираясь на её поясницу, заглянула в альбом.

- После линейки в девятом классе, – сказала Маша. – Вы нас тогда потащили в ту бадежку возле сквера. Почти полкласса пошли. Таня Кудюкина выхватила у меня фотоаппарат, мол, давай я вас сфотографирую. И вот.

- Мы, наверное, были пьяные, - вставила Зоя.

- Дай сюда, - Лолита выдернула альбом и притянула к себе, мрачно вглядываясь в изображение. – По-моему, эта Кудюкина нас просто ненавидела.

Маша хихикнула. Тамара закатила глаза. Зоя с испуганным любопытством вскинула глаза на Машу.

- Очень может быть, - согласилась Маша. – Что и завидовала немного.

- Чего нам завидовать? – не поняла Зоя.

- Потому что мы крутые! - рявкнула Лолита. – Мы и каждая сама по себе ничего, а когда вместе – так вообще моща. И это вся школа чувствовала. Мало ли было таких Кудюкиных, которые на нас косились.

- Ой, ну разошлась, - снисходительно фыркнула Тамара.

Лолита махнула рукой.

- А если разобраться, - встряла Зоя, подсаживаясь к столу. – То кто из нас самый крутой? Тамара?

- Хм, пожалуй, - отозвалась Лолита под умилённую улыбку Маши.

- Ещё одна, - проворчала Тамара и рухнула на своё место за столом.

- Нет, понятно, Тамара у нас существо с другой планеты, ей все эти оценки безразличны, они её даже коробят, - насмешливо вещая, Лолита заглянула в свой бокал и сделала Маше знак, что пора налить. Маша отодвинула фотоальбом и вернулась к обязанностям хозяйки. – Она презирает общественное мнение и играет в теннис стереотипами. В то же время, она энергично взбирается по карьерной лестнице и наращивает свой авторитет с непреклонностью штангиста, оставаясь при этом неотразимой женщиной, перед которой приободряются, я спорю на тысячу долларов (а был бы у меня миллион – спорила бы на миллион) её коллеги-мужчины, независимо от их гражданского состояния. Пренебрегая социальными стандартами, Тамара опережает нас всех на добрый десяток баллов, если не больше.

- Если тебе это доставляет удовольствие – продолжай, я не возражаю, - уязвлённо вставила Тамара.

- А у тебя не бывает ощущения, что ты что-то упустила? – перебивая её настроение, спросила Зоя.

- Конечно. Особенно, когда смотрю на Машу, - улыбнулась Тамара.

- Правда? – обрадовалась Зоя. – Нет, правда? Мне всегда было жутко интересно, в случае дилеммы: успех, независимость, карьера, что там ещё – признание? – с одной стороны, и с другой стороны – настоящая любовь, - Зоя мечтательно вздохнула и посмотрела на девочек с улыбкой, как бы сообщающей им, что она вполне осознаёт, как глупо выглядит при этих речах. – Как бы вы её разрешили?

- Эх, Зося, - вздохнула Тамара. – Боюсь, мы с тобою в понятие настоящая любовь вкладываем разный смысл. Хуже того, в том смысле, который, как я подозреваю, вкладываешь ты, я в неё вообще не верю.

- Нет, подожди, ты ведь влюблялась, - деловито возразила Зоя.

Тамара только усмехнулась.

- Ну, хотя бы даже в молодости. Влюблялась?

- Наверное, влюблялась, - нехотя отозвалась Тамара, чувствуя, как стремительно падает градус алкоголя в её крови.

- Ты в прошлую встречу признавалась, что влюблялась, хотя бы даже в школе, - настойчиво продолжала Зоя, избегая называть фамилии, но уверенная, что уж теперь Тамара неизбежно угодит мыслью в то имя, к которому она её подводила. – Мы обсуждали одного всем известного парня, который вздыхал по тебе, – подтолкнула Тамарину мысль Зоя с очень правдоподобной невозмутимостью, которую немного портила только чрезмерная поспешность выговора. – Представляя вас вместе, мне кажется, что вы были бы...

- Когда проживаешь с человеком какое-то время, перестаёшь мыслить такими категориями, - перебила её Тамара. – Просто люди либо уживаются вместе, либо нет.

- Но я говорю, вдруг ты упустила кого-то, кто действительно подходит тебе, - всё ещё не теряя надежды довести свою тактическую линию до конца, взмолилась Зоя. – По нелепой случайности не соединилась с человеком, который... которого ты по-настоящему... с которым вы могли бы быть счастливы... Блин, у меня язык заплетается, но я хочу сказать...

- Да я поняла, - весело хмыкнула Тамара.

- Ведь бывает же так, что люди, которые были влюблены, а потом расстались, встречаются спустя время и понимают, что хотят быть вместе.

- Вряд ли это мой случай, - передёрнулась Тамара. – Если меня что-то ждёт в этом роде, оно будет совершенно новым.

- И всё же ты испытываешь к нему чувства, - пристально глядя на неё, заметила Лолита.

Тамара повела бровью с видом, говорящим, что она не собирается возражать, но не видит смысла придавать этому большое значение: это естественно, как бы говорило выражение её лица, не так много времени прошло, чтобы всё совершенно исчерпалось; но иметь остаточные чувства – одно, а мечтать о любви, согласитесь, - совсем другое.

- Испытываешь ведь? – вспыхнула Зоя, и почувствовала, что внутри неё что-то оборвалось. Больше она не смогла произнести ни слова.

- Расскажи про него, - укладывая подбородок в ладонь, попросила Лолита.

Тамара тяжело вздохнула и длинно выдохнула.

- Вы меня знаете: я никогда ни о чём не жалею. Свои жизненные ошибки я расцениваю как опыт, как испытание, а в самом крайнем случае, когда больше ничего не могу извлечь, – просто как впечатление, - начала Тамара, утопив взгляд в бокале вина и лишь изредка позволяя ему всплыть, чтобы посмотреть на девочек. – Что такое Жорик, и чем он был для меня – я до сих пор не знаю. Я не фанат рефлексии, но всё же это три года моей сознательной жизни. И я ни с кем так не сближалась. Конечно, теперь я кажусь себе восторженной душой, что пошла на поводу у этого наваждения. Я внушила себе, что судьба благоволит мне и, избавив меня от лишних хлопот, вознамерилась вести туда, куда мне надо, ниспослав своего пророка. Что и говорить, девочки, мне тогда снесло крышу. Это продолжалось около года. Я не только оправдывала все его идиотства, но именно они заводили меня. Через год моё отношение к Жорику стало чуть спокойнее и, как ты бы, Олька, сказала – глубже. Мы притёрлись друг к другу и стали понимать многие вещи без слов. Вот этот год – второй – был самым гармоничным. Мы жили как бы на одной волне, но нам удавалось не посягать на личное пространство друг друга. В тот же период мы стали относиться друг к другу более

критично: он не то чтобы подчёркивал, но и не скрывал, что ему неприятен мой имидж в компании – эдакой женщины-пули, и та замешанная на флирте манера общения с коллегами мужчинами, что принята в нашем кругу, моя явная неготовность к карьерным жертвам ради семьи, моё опасливое отношение к материнству. На полущуточные вопросы, неужто он желал бы превратить меня в одну из тех клуш, на которых у него не встаёт, он вполне серьёзно отвечал, что его устроило бы это как динамический результат. Такие разговоры повторялись всё чаще, хотя первое время нам удавалось сводить всё к «поживём, увидим» и «давай не будем друг на друга давить». Мне, со своей стороны, не хватало в нём какой-то душевности. Жорик довольно чёрствый, чуждый сантиментам человек, а я... Встретив мужчину, с которым собралась связать свою жизнь, я распустилась, понимаете? Стала немножко иррациональной. Немножко безалаберной. Мне хотелось простой мужской нежности, мягкости, хотелось расслабиться, тогда как отношения с Жориком требовали постоянного тонуса. На третий год всё стало усугубляться: безобидные замечания превратились во взаимные претензии, дружелюбные подколки – в обвинения, маленькие просьбы – в крупные ультиматумы. Ссоры и взаимные обиды мы не разбирали и не исчерпывали, а в спешке затапывали, ровняя места захоронений бурными оргазмами – нужно отдать должное, в этом смысле мы подходили друг другу идеально. У меня появился новый проект, у Жорика – новые перспективы. Мы ушли с головой в работу, и на осознанную личную жизнь у обоих не оставалось ни времени, ни энергии. Мы продолжали жить, спать и копить деньги вместе, избегая острых углов. Темы наших разговоров мельчали, даже за праздничным ужином в ресторане мы всё больше обсуждали работу. Но и здесь всё было не так гладко. Хотя у нас и разные профессии, но мы оба уже перешли в разряд руководителей, и в наших отношениях появился элемент конкуренции. Со временем каждый пытался сделать своим козырем то, что мы в определенной степени зависели друг от друга, и переключить внимание другого с профессиональных задач на бытовые. Это только способствовало взаимному раздражению. Вскоре я стала замечать, что на меня всё чаще косятся сотрудницы с тем особенным выражением, какое бывает только в одном случае – когда она знает, что твой мужчина спит с её знакомой. Сколько у него было баб – я не знаю до сих пор, но знаю, что он не упускал шанса кому-то сунуть. Он этого особо и не скрывал – хотел, чтобы я знала. И вот здесь я горжусь своей выдержкой: я всё это игнорировала. Делала вид, что ничего не замечаю, намёки не понимаю. Он провоцировал скандал, хотел довести меня до истерики, вызвать во мне чувства, но я только глубже уходила в себя, только сильнее закрывалась. Я переживала свою драму сама. Теперь я понимаю: мне нужно было время, чтобы подготовиться к концу. Вы могли бы подумать, что мне легче лёгкого прекратить отношения, которые – а это было очевиднее вот этого пятна на скатерти – обречены. Так оно и было до Жорика, но, увы, не в этот раз. Мне было сложно, – Тамара подняла глаза и посмотрела прямо перед собой, словно впервые признавалась в этом своему незримому альтер эго. Сказав это, она на минуту умолкла и при полной тишине сделала два больших глотка вина, после чего её пальцы потянулись к пачке сигарет, а та поспешила им навстречу, метко направленная Лолитой. Притихшие подруги услышали щелчок зажигалки. Тамара выдула дым с философской улыбкой, облизнула губы и обвела их воспалённо-задумчивым взглядом, остановив его на Зое, которая смотрела на неё огромными глазами, словно околдованная. Смутившись от этого недоумённого Тамариного взгляда и уже в который раз за десять минут ощущая успокоительную сладость осознания того, что Тамара говорит о другом, безразличном ей человеке, Зоя схватила свой бокал и шумно сёрбнула из него. – Я очень, очень долго по моим меркам шла к этому решению. Потому что разрушить отношения с Жориком стало для меня равносильно признанию, что судьба меня предала. Само

слово – разрушить – внушало мне ужас. Вот именно тот период жизни - когда мы ещё были вместе, но осознавали, что всё кончено, - был самым сложным. Когда я реально ушла, я уже настолько изолировалась и отвыкла от него, что почти не заметила потери, - Тамара задумалась и в течение нескольких затяжек молчала, затем яростно махнула головой. – В последний год я всё ещё верила – при всём своём скепсисе – что его чувства ко мне смогут его изменить. Я такой человек – я не люблю сдаваться. Но если я вижу, что мне что-то не дано, я не стану биться головой о глухую стену. Пришлось признать, что Жорик – не мой трофей, - Тамара победоносно улыбнулась. – И я счастлива, что остаюсь верна себе.

- Я только сейчас в полной мере понимаю, какая ты максималистка, - покачала головой Лолита.

- Потом подвернулся один парень, - отмахиваясь от неё и, явно довольная собой, продолжала Тамара.

- Что? Парень? А мы и не знаем! С этого места поподробнее, – оживилась Лолита.

- Ну, ты дашь мне сказать? – туша сигарету и всё так же самодовольно улыбаясь, отгрызнулась Тамара. – Чуткий, робкий, нежный и закомплексованный. Он смотрел на меня, как на поверженную богиню. Залечил мои раны и убаюкал. В нём на сто процентов было всё то, чего мне не хватало в Жорике. Я растаяла, влюбилась, вцепилась в него мёртвой хваткой и не отпускала до тех пор, пока он не умчал меня от Жорика за точку невозврата. Мы пробыли вместе несколько месяцев, и по мере того, как он готовил своё логово и свою родню к новому члену семьи – уж не представляю, из каких фантазий он взял основания для этого, я всё больше упивалась свободой. Я немного жалею этого паренька, но за те несколько месяцев, что мы встречались (ужасно смешное слово, особенно, в том моём положении – просто смехотворное) даже и вспомнить нечего, так что не удивляйтесь, что вы ничего не знаете. Парень был хороший, но явно не мой. Душевность и сентиментальность – всё это чудесно, конечно, но этого хотелось мне именно в Жорике. Хотелось на контрасте с агрессивностью и импульсивностью, понимаете? Мне нужен сильный мужчина, ориентированный на поступки, а не на выходки, но который умеет понять и почувствовать свою женщину не потому, что он слюняк и помнит, каково было сосать мамину сиську, а потому что кроме мозгов и члена у него ещё есть чувства. Не знаю, может, я слишком многого требую. Может, мне нужно присмотреться к более мягким мужчинам, - всё же есть своя прелесть в нерешительности и самокритичности, они подкупают.

- Выкинь нафиг эти мысли, - возбужденно заявила Лолита. – Поверь мне, уже через пару месяцев тебя бы тошнило от нескончаемой рефлексии, фобии стать жертвой энергетических вампиров и признаний в духе того, как несвоевременная стыковка рельсов на Восточном вокзале под оком Девы в созвездии Стрельца сыграла злую шутку с его судьбой, в результате чего он стал не тем, кем должен был, а тем, кем ты его видишь.

- Ооо! – с хохотом воскликнула Тамара. – Похоже, ты знаешь, о чём говоришь.

- Пффф, - фыркнула Лолита. – Что я могу порассказать – мало кто тебе расскажет. Так что спрашивай, не стесняйся.

- У меня только один вопрос: откуда? – провокационно прищурилась Тамара.

Лолита воззрилась на неё с небрежно-глумливой гримасой.

- Оляка – известный психолог, - дипломатично вставила Маша.

- Да какое! – отмахнулась Тамара, впиваясь глазами в подругу. – Человек из личного опыта говорит, видно ведь. Ну?

- Да из личного, чего тут интригу плести, - небрежно дёрнув плечом, отозвалась Лолита. – Скольких перевидала – не сосчитать. Не для тебя это, Тома. Я так скажу: мне Жорик – как бы он ни был несимпатичен сам по себе – нравился рядом с тобой. Я тебя послушала, я лучше теперь понимаю. Во всяких отношениях своя подноготная и куча своей срани, извини меня за выражение. А с другой стороны, вот так глянешь свежим взглядом, и большая часть этого дерьма, оказывается, вымысел. Если на каждом резком слове заикливаться, так и с ума сойти недолго. Люди специфические твари, но с ними приятнее, чем без них. Если вы, такие два психа, как-то уживались три года, это о чём-то говорит. Зная твои принципы, Тома... Ты – не я. Ты если с кем-то рядом, ты строишь общий мир, один на двоих. Ты не умеешь абстрагироваться и воспринимать мужчину в своей жизни как приложение в телефоне: обращаться к нему в случае необходимости и взаимодействовать по настроению. Три года с человеком, который ну совсем тебя не понимал, не давал тебе львиной доли того, что тебе нужно, ты – вот хоть режь меня – не прожила бы.

Тамара с растроганной улыбкой покачала головой.

- Что в тебе всегда обожала – твою созидательную ориентацию, - сказала она с нежностью. – В минуту, когда любая из моих приятельниц сокрушённо и со скрытым удовлетворением кивает, выслушивая мои жалобы на Жорика, ты одна склонна относиться ко мне критически. И пусть я буду трижды не согласна с тобой, я всё равно тебе признательна за такой подход.

Лолита пожала плечами с невозмутимостью, призванной скрыть, что она польщена.

- Отчего всё стало так сложно, - она вынула сигарету из пачки, но не закурила, а зажала её между пальцами и, теми же пальцами подпёрев лоб, пьяно-философски изрекла. – Раньше, как: влюбился – и больше никаких причин не нужно, чтобы хотеть человека на всю жизнь. Выходили замуж, рожали детей, и многие так и дотягивали до гроба. А сейчас (я думала, это только у нас там, но оно и сюда докатилось): что-то не понравилось – всё, развернулась, хвостиком махнула и восвояси. Не желают друг к другу ни прислушаться, ни притерпеться. А сколько теорий развелось: самопознание, самоидентификация, одних совместимостей сколько! Сейчас, чтобы выйти замуж, впору кастинг проводить. Да что там замуж, особо восприимчивым людям без предварительного комплекса психотренингов в отношении в принципе не рекомендуется вступать – чтобы неудача не спровоцировала неизлечимую психологическую травму.

- Брр.... Эдакий сценарий продирает похлеще Зловещих мертвецов, - засмеялась Тамара и в надежде взглянула на Машу. – Кофе?

- Легко! – бодро отозвалась та.

Естественным ходом, каким всегда следуют подобные вещи у женщин, со стола исчезли продукты, требующие холодильника, грязная посуда и мусор, на их месте появились чистые блюда, чашки, выпечка к чаю, дымящийся заварник, сахарница и полный кипятка электрочайник.

Уже довольно давно стемнело и резко похолодало. Зоя и Тамара напялили Машины старые куртки, Лолита предпочла закутаться в плед. Сама Маша натянула поверх нескольких вязанок мужнину жилетку из овчинки, размялась и заметно повеселела, поговорив с дочерьми и убедившись, что у них всё благополучно.

- Отпустили тебя твои принцессы? – ухмыльнулась Лолита.

- Они только рады. В кои-то веки на все выходные к бабушке. Бабушка – это ведь не мама, у неё можно и на шее посидеть, и аттракционы выманить, какие хочешь, и конфет по дороге, сколько хочешь.

- А Серёжа что?

- Обещает быть к десяти.

Пили чай и кофе с наслаждением, отогревались и постепенно возвращались к штилю после слегка всколыхнувшей их уборки стола.

- Вот смотрю на тебя и думаю: и отчего я такая дура, и что мне всё не ймётся, - выпалила Lolita.

- Сижу, о том же думаю, - крикнула Тамара.

- И ведь если бы я не знала, что мне нужно сделать иначе! Но я точно знаю, что именно было не так, чтобы получилось, как у тебя.

- А что у меня? – с лукавым вызовом уточнила Маша.

Тамара махнула рукой.

- Сейчас будет прибедняться.

- Нет, всё-таки давайте начистоту: что вы думаете.

- Я знаю, что ты подразумеваешь, - закивала Lolita. – Всё не так, как кажется. Но, Маша, идеала нет, запомни, а у тебя, пусть и есть какие-то гадости, о которых мы не узнаем, всё хорошо – поверь моему глазу. У тебя полноценная семья и жизнь, и когда так устраивается, остаётся только ценить и беречь. Вот об этом я тебя прошу и умоляю: цени и береги. А мы за тебя по-дружески порадуеться.

Тамара, широко улыбаясь, похлопала Машу по плечу.

- Вот, кажется, многое зависит от мужа, да? - продолжала Lolita, переключаясь на Тамару. – Маше, допустим, с этим повезло. Но мало иметь хорошего мужа – его надо любить. А чтобы любить – надо это уметь. Если не умеешь любить, то и идеальный муж не спасёт положение. А если умеешь любить – так идеальный и не потребуется. Какова хитрость? – Lolita толкнула коленом сидящую сбоку от неё Тамару. Та усмехнулась, вызывая ответный смешок Lolity.

- Девочки, среди моих подруг не замужем только четверо, включая вас троих, - сказала Маша. – Две мои ближайшие подруги уже во втором браке. Я вам ответственно заявляю: чтобы быть замужем, рожать детей, оставаться замужем и производить впечатление счастливой семьи – любить мужа совсем не обязательно. Это такие романтики как ты, Томка, и такие фрики как Зойка не торопятся сниматься с насеста, высиживая свои мечты.

- Лучше скажи – иллюзии, - крикнула довольная Тамара.

- Чтобы иметь мужа, важно одно – не быть слишком взыскательной, - продолжала Маша со значительным видом. Было видно, что ей доставляет удовольствие отвоёванное право монолога. – Умерить свои амбиции и научиться довольствоваться тем, что есть. Брак – он не для максималистов. У меня есть подруга, - Маша осеклась и продолжила с неуверенностью, опасаясь, что девочки сочтут неуместным рассказ о посторонней. – Страшная максималистка. Ей тридцать пять, и она уже побывала в трёх браках, у неё двое детей от разных мужей. А мужья вроде и разные, но все пылинки с неё сдували. Так вот, иногда я смотрю на эту женщину и завидую её решительности: лично для меня уйти от мужа, имея общих детей, не потому что он изменяет или пьёт или избивает или унижает меня перед детьми, а потому что «поняла, что он – не моя половинка», - это подвиг на границе с безумием. Я столько раз пыталась представить себя на её

месте, почувствовать, каково это: когда отказываешься от человека, который был главной частью твоей жизни, и просто назначаешь самым близким и родным человеком другого. В другие моменты я смотрю на неё (сейчас она рассталась с очередным парнем и снова в поисках своей половинки) и благодарю Бога, что у меня всё так, как есть: благодарю за Серёжу и за нашу жизнь. Бывает, я несколько минут не могу дозвониться до Серёжи, или когда он болеет – я вся извожусь. Такие моменты ясно дают мне знать, что я не желаю никаких потрясений и никаких изменений, что искушение иной раз представить себя свободной женщиной за рамками того мещанского образа жизни, который я веду, с необычными интересами, с загадочным блеском в глазах, – безобидно и мимолётно, что мои фантазии хороши именно как фантазии, но стоило бы возникнуть риску их воплощения, я тут же взмолилась бы, чтобы всё вернулось на свои места и больше никогда не сдвигалось, – Маша подвинула к Тамаре бутылку, заметив, что та не может дотянуться до неё. – Я ещё не утомила вас своей мыльной оперой? – она кротко улыбнулась Лолите. – Может, перейдём в дом?

- Рассказывай, рассказывай, - затрусила руками Тамара. – Жутко интересно.

- Точно? – просияла Маша и облизнула губы. – Так вот, стоит возникнуть угрозе перемены, как я проклиная свои сомнения, что иной раз заставляли меня жалеть, что я – это я, а не, скажем, моя подруга Кристина, - тут Маша возвела на Лолиту многозначительный взгляд и выпалила. – Если вы думаете, что Серёжа – это прямо мой идеал, человек, в котором растворяется моя душа, мужчина моей мечты, которого я рисовала в своих детских фантазиях...

- Мы так не думаем, - перебила её Лолита. – Я думаю совсем другое: что ты очень трезвая и мудрая женщина с правильной жизненной позицией. Кроме того, повторяю, ты очень деятельная и конструктивная женщина: ты берёшь кирпичи и строишь свой дом, а не ждёшь, что он вырастет перед тобой по взмаху волшебной палочки. Вот что, понимаешь? Ты невзыскательная – ты верно это подметила. Только невзыскательная в хорошем, в самом лучшем смысле слова. Не привередливая, без идиотских капризов, которые свойственны некоторым женщинам и портят жизнь как им самим, так и окружающим их людям.

- Ты явно кого-то конкретного подразумеваешься, - расплылась в улыбке Маша.

- Никого конкретного, и многих конкретно, - Лолита показала ей язык. – Но я тебя перебила, прости, когда ты пыталась поведать нам, какой у тебя неидеальный Серёжа.

- Стоп, не путать! Не Серёжа неидеальный, а наше взаимодействие с ним. Как тебе объяснить... Спроси у меня, моя ли он половинка, и я не отвечу...

- Да всё понятно! – воскликнула Лолита. – Это естественно, если трезво смотреть на вещи.

- Вот именно, что я иногда утомляюсь от собственной трезвости и чувствую недостаток обыкновенной романтики, - Маша с конфузливой улыбкой пожала плечами. – И я порой задумываюсь, что мы оба с Серёжей чересчур рациональны и спокойны. Мы слишком адекватные, понимаете? Пытаясь взглянуть на нас со стороны, я вижу, что мы лишены всякого очарования. Мы не те люди, с кем интересно отправиться в путешествие, не те, к кому приходят в особенные моменты, не те, кого зовут на сомнительные мероприятия, не те, кому доверяют страшные тайны, не те, с кем совершают преступления или хотя бы просто нарушают традиции. В нашем доме всегда найдётся, чем встретить гостя, и мы дружелюбные – вы сами это видите, и мы с радостью поможем, если кому-то нужна наша помощь, но это такие мелкие мещанские радости, а хочется другого... Вот я порой мечтаю, вы знаете, – в волнении призналась Маша. – Как было бы,

будь рядом со мной романтик. Иррациональный, беспокойный, вечно ищущий человек. Вдруг такая жизнь понравилась бы мне больше? И тогда я снова возвращаюсь к своей Кристине. Впрочем, любая из вас подошла бы на роль такой подруги – из другого мира.

- Ой, ладно, - не согласилась Лолита. – Не утрируй. Мы тоже обычные мещанки, за исключением, разве что, Зои.

- Степень имеет значение, - возразила Маша. – По сравнению с моим окружением вы с Томкой практически... богема.

- Бо-ге-ма, - хохоча, повторила Тамара.

- Это как? – нахмурилась Лолита.

- Ну, творческие или околотворческие люди, - пояснила Маша, улыбаясь.

- Гении, неудачники, гении-неудачники, маргиналы, наркоманы и алкоголики, - насмешливо пояснила Тамара. – У кого вместо красивого дома с современным дизайном, образцово-показательного мужа и чудных дочерей – музы, фантазии, видения, фобии, иллюзии, депрессии, суицидальные наклонности, беспорядочные сексуальные связи, вечная война с печёнкой, психологические травмы, безнадёжные долги и прочие невероятные приключения на одно место.

- Вот пьянь, - Маша, смеясь, толкнула её. – Ты не можешь не опохлеть.

- Конкретно в моём случае: психически неуравновешенный партнёр, хроническое перевозбуждение, трудоголизм и зачатки педофобии. В твоём – рецидив диссоциативной фуги, или как там называется это расстройство, когда человек переезжает на новое место и начинает всё с нуля, меняя даже имя: сначала Оля уехала в штаты и превратилась в Лолиту, теперь Лолита вернулась из штатов и пока ещё сама не знает, кем будет. Ну а Зозо вообще маргинальный типчик: махровый интроверт с неустойчивым эмоциональным фоном и склонностью к депрессии. Радует одно – в Машиных глазах мы просто героини. И укрепить свой авторитет мы сможем, если перемахнём через забор, ворвёмся к соседям и спляшем гопак у них на столе.

- Я тебе дам! – испугалась Маша. – Я знаю, ты можешь, но у нас соседи такую шутку не оценят. И вызовут полицию.

- И очень кстати! Оприходуют труп романтика, в которого только что всадила нож мещанка в твоей голове! – деловито сказала Тамара, отшатываясь от волны хохота.

- Какое же это удовольствие! – отсмеявшись, в сердцах воскликнула Маша. – Вот так с вами сидеть. Говорить о том, о чём мы говорим! Если бы у меня была возможность так говорить хотя бы раз в месяц. Я знаю, что нам нужно, - с этими словами Маша схватила со стола смартфон. – Идите сюда, я сниму селфи на память.

- Ты с ума сошла! – вскрикнула Лолита. – Посмотри на наши прикиды, на наши волосы, на наши перекошенные лица. Нет, никаких селфи в таком виде.

- Не будь занудой, - налетела на неё Тамара, обнимая сзади за плечи и подвигая её ближе к Зое. – Селфи так селфи.

- Сейчас щелкнемся и выложу в сеть назло Кудюкиной.

Лолита, поддавшись на уговоры, сменила недовольную гримасу на соблазнительную, и после нескольких снимков, сделанных Машей, забрала результат.

- Ты в своём уме? Посмотри на мои заплывшие веки! Я здесь похожа на пчельника. Удали это!

- Дай сюда! – взывала Зоя, вырвала из Машиных рук смартфон и скомандовала. – Смотрите все на кружочек, в камеру!

Она сделала три снимка, одинаково удачных, и после уговоров Лолита, наконец, дала добро на их публикацию.

Тамара щёлкнула зажигалкой. Маша увязла в социальной сети. Лолита отошла в сторону ответить на телефонный звонок. Зоя запрокинула голову и стала смотреть на тополиные кроны, зловеще шатающиеся на фоне беззвёздного неба.

- Прохладно, - поежившись, заметила Тамара.

- Угу, сейчас будем переходить в дом, - запинаясь, отозвалась Маша, набирая текст на клавиатуре смартфона. - Наша фотка порвала общественность, - воодушевлённо сообщила она. – За десять минут двадцать лайков, и тыща комментариев. Оля, пишут, что ты богиня! Кудюкина тоже лайкнула, кстати.

- Покажи, что ты там выложила, - подсела к ней Тамара. – «А мы всё так же жизни главные героини». Поэтично. И... претенциозно.

- Ты почитай комментарии! Тебя вообще половина наших одноклассников не узнали. Сплошные комплименты и восторги. Лолита, запиши в свой список ещё десяток поклонников. Зойка, помнишь Борю Геворкяна? Пишет, что ты восхитительно выглядишь.

- Почему меня не узнали, я сильно изменилась? – потребовала ответа Тамара.

- Была пацанка, а стала бизнес леди, - подтвердила Маша, достаивая её коротким взглядом. – Хотя твоя харизма при тебе, как всегда.

- Что вы там! – проворчала Лолита, протягивая руку к смартфону.

- Да погоди! Смотри, смотри, Кудюкина! Пишет: «Ну красавицы же! Запредельная фотка!».

- Выключай, - приказала Лолита.

- Минуту, секунду!

- Выключай, - настаивала Лолита, улучила момент, вырвала смартфон у Маши из рук, погасила экран и с суровым видом протянула обратно.

- Я замёрзла, - напомнила Тамара.

- Идём! идём! – отряхнувшись, словно от чар, в следующее мгновение Маша с двумя стопками тарелок, придерживая дверную сетку бедром, уже протискивалась в кухню.

Безнадёжно, безнадёжно... Как всё просто у них. Подходит, не подходит. Решила – забыла, сошлась – разошлась. Сложно нарушить покой. Если бы всё могло быть так легко.

По Зоиной спине промчались вспугнутые ветром мурашки. Начал накрапывать дождь. По улице в одну сторону простиралась мутная тьма, а в другой дежурил отряд фонарей. Зоя, поколебавшись, прикрыла за собой калитку и зашагала в тёмную сторону – на окраину посёлка. Удалившись на сотню метров, она для храбрости закурила.

«Звучит заманчиво».

Зачем было это говорить. Зачем эти отнюдь не тонкие намёки, полуимпульсы и следующие за ними отступления, если не ради того, чтобы держать её на крючке.

Ведь он мог бы помочь ей. Отстраниться один единственный раз, не давая им поводов продолжать. Но нет, он продолжает изводить её, продолжает играть, заставляя её чувствовать, будто хочет большего.

- Это невыносимо, - прошептала Зоя и затряслась. Слезы досады жгли её глаза. – Я больше не могу. Больше не могу, - повторяла она, плача.

Нужно покончить с этим, решила она, и почувствовала желание немедленно написать ему. «Некоторые верят, что сделать несчастный брак счастливым можно с помощью их советов», напишет она ему. Он ответит: «А я смотрю турнир по крокету и плачу от восторга. В следующий раз посмотрим вместе!». Или «Чувствуешь себя жирафой Софи в гостях у Барби? А я предупреждал!». Или «Вот выплусь и спасу тебя оттуда. Или, ладно, выезжаю». Он ответит что-то, что она не в состоянии предвидеть, но его ответ заставит её улыбнуться. Он напишет что-то такое, что даст новое направление её мыслям. Одним коротким сообщением он разбудит её и убедит, что всё, о чём она думала до этой минуты, - всего лишь ночной кошмар.

Нет никакого Донова. Нужно представить себе, что он умер. И она свободна. Быть рабой обстоятельств убого и ненадёжно. Нужно покончить с ним по своей воле. Просто перестать держать связь. Игнорировать его звонки, не отвечать на сообщения. Полгода. А потом – можно. Устроить сбой в его программе и посмотреть, что из этого получится. Пусть звонит, пусть беспокоится, пусть приходит и дежурит под балконом, пусть угрожает самоубийством, пусть обидится и исчезнет, пусть забудет – что угодно пусть творит, надо выдержать. Занять себя чем-то в это время. Каким-нибудь изнуряющим спортом. Или взяться за благотворительную миссию – так чтобы нельзя было соскочить.

«Ему Зоя нравилась. Безответно», - вдруг всплыли в Зоиной памяти парализующие слова, произнесённые Тамарой на их предыдущей встрече. Она затаила дыхание. Неужели Тамара и правда это сказала или то была лишь фантазия, в которую трансформировался реальный диалог? Может быть, Тамарины рассказы о её любовнике Жорике – тоже всего лишь фантазия, скрывающая от Зои жестокую суть реального разговора о человеке, который поработил её подсознание? Поработил умышленно и технично, изучив её всю, чтобы иметь при себе, как вечно свою. Пока нужна...

Если бы можно было прямо спросить у Тамары, говорила она эти слова про Донова или нет!

«Знаки внимания оказывал, чтобы Зою позлить», - это тоже она произнесла. Прямо сказала, что он оказывал ей, Тамаре, знаки внимания только лишь ради того, чтобы позлить Зою, интриган эдакий.

Что они могут знать о нём? Как смеют считать его интриганом? Донова, который презирает притворство в чувствах! Который действует интуитивно на каждом шагу. Приписывать ему хитроумный план завоевания. Донов, чьи манипуляции крушатся о его же собственную логику, как корабль о скалу. Буде он вздумал интриговать, его максимализм придушил бы его собственными же его руками. Что они могут знать о его душе? Что они видят в нём? Гения-ловеласа? Разве пришли бы им в их банальные головы истинные мотивы его поступков?

Ведь только везение спасает его. Страшно представить, если бы он угодил в руки эдакой прожжённой кошки, что она вкладывала бы в его сердце, которое он отдал бы ей без оглядки, лишь бы не отвлекаться от своих фантазий.

Зоя снова заплакала, на этот раз горько-горько, слезами жалости.

- Ведь то, что он делает со мной, - не так уж странно, - сказала она вслух в надежде, что звук собственного голоса успокоит её. - Да, он привязывает меня, но он не манипулирует мной. Он цепляется за меня, потому что нуждается во мне. Если бы он угодил в руки к Тамаре! К Тамаре, чей интеллект и чья харизма ослепили бы его на очень долгий срок, что стало бы с ним в конце!.. Нет, Донову просто нельзя так попадать.

«Если бы ты была моей женой...» По небу скользнуло лезвие огромных ножниц, разрезающих пространство, - до такой степени эпично это прозвучало.

... Его женой...

Неуверенность в своих чувствах – это крыша над головой. Что ещё ей остаётся? Он не может требовать от неё шага, который ей не свойственен. Он обязан оставить ей эту неуверенность, возможность спрятаться за неё. Только это одно! Если бы они оба изредка притворялись, что верят в её неуверенность, - она бы ни одного единственного раза не дала ему повода усомниться в своих чувствах и даже простила бы ему собственные сомнения в его чувствах. Простила бы за это миражное право сохранить неуверенность в своих чувствах.

Ну как заставить его принять это?

Что сделать, чтобы что-то изменилось?

Неужели нет другого способа, чем эти полгода?

А если за это время что-то случится с ним, ей останется только...

«Я похож на Болванщинка?», вспомнила она его дурацкий вопрос и прыснула. У него было такое лицо, словно его разбудили после столетней спячки.

Она набрала в окошке сообщения: «Какого чёрта ты всегда прав?». Потом глянула в темноту и снова улыбнулась, вообразив, что отправляет сообщение. Вот подобрался бы бес или, в крайнем случае, петух какой-нибудь соседский укусить за палец – одно испуганное нажатие и всё, поздно, ушло. Покой состоявшегося – без пяти минут блаженство.

Зоя погладила экран большим пальцем. Потом ещё раз, более тщательно, словно очищая. Скрыла начало фразы, прилипла взглядом к концовке. Кусай! Застучала пальцем по экрану – стёрла. Всегда прав... Родной, ну разве я могу к тебе совсем ни с чём?... Снова набрала – буква в букву, то же самое.

Неисповедимый мой... Метко. Стёрла старое. Набрала «Неисповедимый» - невзрачное, сутуловатое слово, с не слишком коротко стриженным затылком, оно вдруг чихнуло нежностью, и у Зои запершило в горле. Добавила – «мой». И как будто почти нажала! Или всё же нажала? Палец скользнул...

Он должен увидеть это слово, должен оценить её находку. Правильно было отправить ему! Если же по его ответу она почувствует, что ошиблась с моментом, то сможет спросить, как ни в чём ни бывало, согласен ли он, что это слово подходит ему больше других. Можно отправить прямо сейчас, как бы вдогонку – не дожидаясь ответа. Но если она отправит, она обяжет его к ответу. Впрочем, сам факт отправки уже обязал его к ответу, и, если уж слать что-то вдогонку, то нечто такое, что освободит его от обязанности отвечать на случай, если ему это неудобно или неохотно в данный момент. Получив от своего мозга предупреждение о забастовке, Зоя нервно вцепилась в смартфон, словно пытаясь выжать из него идею текста, отвечающего давеча сформулированной цели. Экран засветился в беспокойных руках. «Неисповедимый мой...», значилось на нём. Значит, всё же не отправила? Или отправила?! Твою мать, эта надпись сохраняется на экране после отправки или нет?!

«Что у тебя здесь, покажи!»

«Господи!»

«Чёрта с два ты угадала!»

«Откуда ты взялся? Твою мать! Посмотри на меня, Донов, я же вся седая уже? Да не лезь ты сюда! Господи, как я испугалась. Чтоб ты провалился, пугало ты мохнатое».

«Ещё минута-две, и я бы опоздал. Ты знаешь, что в этом месте открывается портал в преисподнюю? Они утащили бы тебя».

«И что бы они там со мною сделали?», Зоя икнула.

«Арлекина к первому апреля!».

Зоя захихикала с мрачным наслаждением.

«Куда ты меня волочишь?».

«С вашего позволения, сударыня, на один преславный эшафотик – там проводятся уютные гильотинные вечера, в узком кругу».

Зоя взорвалась хохотом. Это было грубое пьяное ржание.

«Донов, а в том портале ты мог бы читать мои мысли?».

«Избави, Господи».

Перекрестился, пыхтит, торопится. Лупит в нос своим запахом с той мальчишеской горчинкой, которая у большинства мужчин теряется вместе с финансовой девственностью.

«Я такая пьяная, Донов», и про себя: не прощу тебя, если не воспользуешься этим.

Остановился и уложил её на землю или на листья, не понять, в каком-то невнятном месте, куда свет от фонаря хоть и доползает, но, скорее, для галочки.

«Займёмся сексом?»

«Ещё чего».

«Почему нет?»

«Не хочу».

«Или влюбиться в меня боишься?»

«Боюсь разлюбить».

«Бред», и, помолчав, «Я могу и обидеться».

От внезапной головной боли Зоя прикрыла глаза.

«Я хочу, чтобы у меня осталось хоть подобие любви. Этакая планка для тестирования своих способностей. Смотреть, к примеру, на твои губы, и воображать, на что я была бы готова, чтобы их поцеловать. Или твоя грудь: однажды я заметила на ней длинные чёрные волоски и потом столько раз представляла себе, на что бы я пошла, чтобы прижаться к ней головой, ерошить эти волосы».

«От тебя достаточно будет только раздеться. Впрочем, если тебе так предпочтительнее, то я и сам справлюсь».

«Отстань».

Зоя вдруг потеряла чувство его присутствия. Пришлось открыть глаза.

«Есть люди, которых не спасти».

Молчит. Даже не смотрит.

«Не надо было уносить меня оттуда».

Молчит, молчит, молчит.

Зоя закрыла глаза.

«Я не стою потраченного на меня времени, особенно, твоего, мой неисповедимый Донов».

Что-то зашевелилось там. Зоя с усилием открыла глаза. Над головой оказался забор, а за ним – Оля, Тамара и Маша, все трое в изумлении: Оля – в уязвлённом, Тамара – в высокомерном, Маша – в любопытном.

- Да выеби её уже, в конце-то концов, олух! Пусть успокоится! – брезгливо фыркнула Тамара и отвернулась.

- Господи, - опомнилась Зоя, всплеснула руками, отгоняя от себя мару, и нашла себя сидящей на земле на краю посёлка, в сонном экстазе.

Она собрала в жменю разбросанные вокруг бычки, встала на ноги и с неожиданной бодростью затрусила к дому.

Когда Зоя вернулась, во дворе никого не было, зато светилось кухонное окно. Девочки пили чай, а в их беседе уже ощущалась сонливая вязь. Лолита, шатко подперев рукой щеку, и Тамара, временами роняя сосредоточенный прищур на сборище снов под столом, слушали милозвучно вещающую Машу.

- Вот и твоя Зойка, - оживилась Маша, тронув за руку Лолиту. Та обернулась.

- Слава Богу! Куда ты делать?

Зоя пожала плечами с глупой ухмылкой и хрипло, невинно глядя на Машу, спросила:

- Можно и мне чайку?

Маша, успевшая переодеться в серый свитшот с розовыми рукавами и трогательные леггинсы с пандами, направилась к чайнику и несколькими движениями сотворила для Зои чашку ароматного чая.

- Я уловила твою склонность романтизировать одиночество, Маша, - Лолита воспользовалась случаем взять слово. – Но это блажь. Меня когда-то тоже тянуло к одиноким и замкнутым людям, лечить их тянуло от одиночества этого самого. Дурой была. Я в каждую одинокую душу влюбиться готова была, а как пригляделась – вся жалось мигом прошла. Не пожалею и не пощажу теперь одиноких, поняла? Не тех одиноких, что лишаются близких по несчастью, а тех, которые близких не обретают никогда, а только ищут вечно, возводя своё одиночество в культ. Я тебе скажу, что у всех одинаковые причины: непонятость, неценность и невезение. Любимая фраза: «это не моё». Они составляют список требований к своим воображаемым избранникам - это к тому, который «моё», а самим в голову не приходит спросить себя: а что я могу дать ему, чтобы и он мог сказать обо мне «это моё»? Они говорят и думают о себе, им хорошо и занятно с собой, а «моё» нужно им, чтобы наводить блеск на пьедестал. Люди, которые умеют слышать других и принимать всерьёз то, что слышат, не одиноки. Вот такое наблюдение я сделала и такое вывела заключение. Так что ничего не хочу слышать от тебя, Маша, об одиночестве. И не хочу, чтобы в твоей голове на этом семени цвели романтические бредни, - Лолита вонзилась в неё испытующим взглядом. – Я надеюсь, ты не обиделась на меня за такие слова?

- Нет! – машинально воскликнула Маша, хотя её сконфуженный вид говорил, что она задета.

- Тогда давай выпьем, - скомандовала Лолита, чтобы переключить её. – На брудершафт, - она схватила бутылку, наполнила оба бокала, и, настойчиво сунула один Маше. Выпив, она решительно наклонилась и поцеловала подругу в губы.
- Я уже такая пьяная, - перебарывая смущение, Маша улыбнулась.
- Мы все, - возразила Лолита и покосилась на Зою. - То, что я сказала про одиноких людей, ты не должна принимать на свой счёт, - вдруг посерьезнев, заявила она.
- Не беспокойся, - отозвалась та со слишком предсказуемой отстранённой невозмутимостью.
- У тебя оно носит другую природу, которая мне пока непонятна. Ты мучишься ним, но что-то мешает тебе выбраться, и я пока не знаю, как тебе помочь.
- Кто тебе сказал, что я мучаюсь. Неужели не очевидно, что я просто... счастлива, - Зоя пожала плечами и впервые за этот вечер посмотрела на Лолиту долгим прямым взглядом, который заставил ту озадаченно опустить глаза.
- Ты уверена, что не клеишь надпись «Made in Italy» на солнечные очки из китайской клеёнки? – проворчала она.
- Ну, тебе виднее, - хохотнула Зоя. – Отличия между Италией и Китаем.
- Алкогольная эйфория – тоже необъективный показатель, - добавила Лолита, притупляя тон почти до нежного. – Я рада, что тебе сейчас хорошо, но глобально ли это состояние – большой вопрос. Но! – Лолита возвысила голос. – Как я уже сказала, сегодня мы не готовы к этой теме, - она переключилась с хихикнувшей и пожавшей плечами Зои снова на Машу. – Ты должна дождаться Серёжу?
- Необязательно. Ты уже хочешь спать?
- Меня сморило, и если сейчас не лягу, то засну прямо тут.
- У меня всё готово, - сказала Маша. – Постелено. Можешь ложиться.
- Кто где спит? – спросила Лолита.
- Мы с Серёжей у себя – в самой дальней комнате. Ты ложись в маминую комнату – там коморка, но кровать полуторная – очень удобная. Тома с Зоей могут лечь в детской – там вертолёт для них, и просторно. А вообще – как хотите.
- Тогда я чищу зубы и в постель, - сообщила Лолита. – Вы ещё остаётесь?
- Я тоже иду, - Маша встала. – Девчонки, потушите свет, когда будете ложиться, если Серёжи ещё не будет.
- Я тоже спать, можно? – зевая, сказала Зоя. – Покажи мне ещё раз, где детская и куда ложиться.
- Пойдём, - вздохнула Маша, улыбаясь. – Отведу тебя, уложу и одеялком укрою.
- А я посижу ещё, - подвигая к себе бутылку, сказала Тамара. – Тушите свет, я помедитирую...

Через пять минут Зоя выскользнула из ванной со стянутой кожей на лице и мятной свежестью во рту. В кухне уже было темно, мягкий поток света из Машиной спальни румянил коридор. В три шага Зоя оказалась на пороге детской и заметила Лолиту, появившуюся из своей комнаты и направлявшуюся, по всей видимости, тоже в ванную. В ту секунду, когда Зоя собралась прикрыть за собой дверь, она, не успев опомниться, оказалась в руках Лолиты. Та стояла на пороге и сжимала оба Зоины предплечья.

- Ты хоть представляешь, - членораздельно произнесла Лолита. – как я тебя люблю? - протянула руку к Зоину лицу и медленно сжала её подбородок.

Зоя сглотнула.

- Иди сюда, - прошептала она.

- Это ты иди сюда, - сказала Лолита, притягивая её к себе и сжимая в объятьях. Отстранившись через секунду, она поцеловала Зою в лоб и сказала. – Спокойной ночи, - взялась за ручку двери, чтобы закрыть снаружи, и обвела Зою оценивающим взглядом. – Отдохни и выпись, пьянь.

- На себя посмотри, - огрызнулась Зоя, прежде чем они оказались по разные стороны двери.

Тамара подкрутила звук до максимума. Верная убеждению, что Вагнера лучше всего слушать поздней осенью, в этот вечер она остановилась на Лоэнгрине. Подошла к окну посмотреть на дрожащие капли, и ей показалось, что с каждым тактом за окном разворачивается таинственный мир ночи, хоть и безобидный, но отпугивающий, хоть и манящий, но избегаемый, ожидающий её с тех пор, как взрослые хлопоты вытолкнули её из детства; мир, о котором она помнит, но для которого по сей день не нашла времени и душевных сил.

Тамара не боялась сомнений – она расценивала их как здоровый симптом внутреннего обновления. Тамара искренне считала себя человеком гармоничным и верила, что способна давать себе трезвую оценку. Характер сомнений и её собственная реакция на них были для Тамары главными показателями того, вносить ли изменения в стратегию или тактику своей жизни либо же наслаждаться тем возбуждающим действием, какое сомнения имели на её воображение, заставляя моделировать забавные ситуации в прошлом, настоящем и будущем или, как сказала бы Лолита, рефлексировать, или, как сказала бы Зоя, плодить иллюзии, или, как сказала бы Маша, мечтать. Потому Тамара использовала сомнения как повод повторить свои аксиомы, доказать свои теоремы и немного пофантазировать.

Размышляя о том, правильные ли выборы она совершает в жизни, ничего ли принципиально важного не упускает, Тамара поглаживала щёки тыльной стороной пальцев и покачивала головой в такт музыке. Чаще всего эти вопросы, разогнавшись, налетали на одну и ту же несокрушимую стену: аргумент, что для человека, обретшего себя и живущего в мире с собой, просто немислимы роковые упущения и принципиально неверные повороты. Коль скоро она знает и принимает себя (а то, что она знает и принимает себя, было Тамариной аксиомой) – она движется по своему пути, чей маршрут определяется таким количеством факторов, какое ни один ум не в состоянии охватить, так что перепроверять его просто глупо, а значит, единственный маяк – это собственные ощущения, помноженные (или поделённые) на интуицию и здравый смысл осознанного и принимающего себя человека. Таким был гессевский Демиан (это была одна из любимых Тамариных книг в подростковом возрасте). Таким стал гессевский Синклер. Такой удалось стать и самой Тамаре. Это святое убеждение позволило Тамаре воспитать в себе завидное свойство легко отказываться от того, что не шло ей в руки или выскальзывало из них. Оно же, в конце концов, помогло ей пережить главную потерю в жизни и привело к победе веру в то, что, каким бы дорогим для неё ни был Жорик, ради сохранения себя ей нужно отпустить его. А сомнения и фобии – ради тренировки равновесия или, в конце концов, ради контраста. К чему ей суждено прийти – она придёт. Усердия и смелости у неё не отнять, а направление, в котором надо прилагать силу, слишком очевидно, чтобы расходовать её на тыканье в небо.

Тамара взмахнула руками и энергично бросила их, наблюдая, как в темноте кухни зажигаются десятки глаз, сверкает медь духовых, выступают благородные грифы

виолончелей. Мах - взметнулись смычки, ещё мах – валторны перехватили тему, взгляд в сторону тромбонов – губы у мундштуков, готовы вступать. Безошибочно выбранное мгновение, мах – вступают, сосредоточенно повторяют тему. И тогда Тамарины руки приказывают всем утомониться, выровнять звук, повести его за её движениями к радости и покою, а потом – чшшшш, уступить место короткому, но красноречивому соло гобоя.

Расставив ноги неподвижными опорами на ширине плеч и совершая внушительные махи руками, Тамара лишь изредка открывала глаза и самозабвенно раскачивалась, - она была подобна Сирин, летящей в яблочный сад, и своей волшебной силой могла заставить оркестр вытворить даже невероятное, например, вдруг замедлить темп или дать одним инструментам вступить вместо других или прозвучать пьяно там, где партитура требует форте.

Время ночи перетекало в музыку, и Тамара продолжала дирижировать, вынашивая догадку, что, если понадобится, она добьётся послушания не только от оркестра, но и от всего того, что она любит, ведь право управлять тем, что нравится, и есть главная награда за любовь, главный смысл обладания.

Тамара дёрнулась и судорожно вырвала из ушей наушники. Ослеплённая неожиданно зажёгшимся светом и оглушённая тремоло, исполняемым на кухонной плитке миской, которую она неловким движением столкнула со столешницы, Тамара в ужасе смотрела на интервента, который, в свою очередь, круглыми глазами смотрел на неё.

- Мама была слишком требовательна к тебе, когда узнала, что ты сделал тогда в туалете, но мы оба знаем, что её жестокость объяснима, ведь в ту минуту она не была готова к увиденному, на её месте почти любая женщина отреагировала бы так, - чуть было не сорвалась с Тамариных губ фраза, заученная ею по настоянию Жорика. Это фраза, которую нужно было произносить громко и напористо, была его заготовкой для критической ситуации – психологический манёвр, призванный хоть на секунду сбить с толку незнакомца, и, во-первых, выиграть время на спасение, во-вторых, по его реакции оценить его намерения. Жорик сильно интересовался психологией маньяков, он пересмотрел все фильмы Романа Полански и изучил тонну уголовных дел, связанных с серийными убийствами, и даже вёл дневник, куда записывал свои соображения и теории об оптимальном поведении в случае встречи с маньяком. Жорик был одержим страхом, что Тамара станет жертвой настоящего маньяка, и потому заставил её выучить наизусть все его наработки.

Тамара уже произносила в уме заученную речь, но, не дойдя до середины, сообразила, наконец, что ошарашенно взирающий на неё мужчина – не маньяк, а Машин муж, Серёжа.

- Всё нормально? – осторожно, будто опасаясь, чтобы на него не бросился сторожевой пёс, Серёжа подвинулся вдоль стены к дверному проёму, видимо, готовясь сбежать в коридор. Оказавшись на пороге этой двери, он, уже утвердительно, повторил. – Всё нормально.

Осознание комичности ситуации подобралось к Тамариной голове и судорогой прошло по её лицу, сменяя испуг на сдавленную ухмылку. Тамара робко всхлипнула от смеха, потом ещё раз, и ещё, затем непроизвольно хрюкнула, а через секунду уже безудержно гоготала, зажимая рот рукой.

Серёжа смотрел на неё с прежним изумлением, но, заражённый её приступом, теперь ещё и диковато лыбился.

- Мне надо выйти, иначе я сейчас всех перебужу, - сквозь хохот пробубнила Тамара.

- Хорошо, - опасливо кивнул Серёжа.

Тамара выскочила во двор и, отсмеявшись, выкурила сигарету. Когда она вернулась, Серёжа всё ещё был в кухне, причём, переместился к столу и, по всей видимости, передумал уходить.

- Я тут... чаю должен выпить. Я же не буду мешать? – спросил он, сунулся в холодильник и довольно быстро сориентировался среди его незаурядного содержимого.

- Да на здоровье! Главное, чтобы я не мешала, - крикнула Тамара.

Серёжа в два счёта смастерил себе сэндвич из нескольких ломтей докторской колбасы и твёрдого сыра, с обеих сторон упакованных в тостовый хлеб.

- Будешь что-то пить? – спросила Тамара. - У меня есть вино...

Серёжа покачал головой, поставил тарелку на стол и полез в один из кухонных ящичков.

- У меня есть виски, - сказал он и спросил. – Будешь?

Она покачала головой, и оба замолчали. Присосавшись к своему бокалу, Тамара поглядывала, как Серёжа жуёт бутерброд: сосредоточенно и незамысловато, с невозмутимым и удовлетворённым видом, немного уставший, но не вялый, не изображая гостеприимство, не следя за её реакций, не контролируя ни выражение лица, ни движение челюстей. Проглотив последний кусок, он залпом выпил бокал виски и тут же налил следующий. Чуть медленнее, но тоже без пауз, выпил второй. Налил третий, выдохнул и сказал, больше сам себе, чем Тамаре:

- Ну вот, теперь можно и расслабиться, - закрыл глаза, высоко поднял брови и глубоко вздохнул, выдохнул, открыл глаза и некоторое время фокусировал взгляд.

- Мне здесь не хватает дивана. Я так привык дома, а тут диван никуда не впихнёшь, - Серёжа глянул на неё исподлобья. – Слушай, а твоя квартира что собой представляет?

- Обычная квартира в многоэтажном новострое. Со свободной планировкой. Я устроила в ней кухню-гостиную и спальню-кабинет. Комнат мало, но они просторные.

Серёжа кивнул.

- На двенадцатом этаже, если это важно.

- А в каком районе?

- На Зоопарковой. Возле парка.

- Тамара, слушай, а чем ты занимаешься? Ты извини, если я лезу не в своё дело, - сказал Серёжа, но по его, без йоты смущения, тону нельзя было предположить, что он считает, будто лезет не в своё дело.

- Да ничего! – крутанула головой Тамара, сама почему-то смутившись. - Я так беззаветно отдана своей работе, что мне кажется, будто у меня на лбу написано, кто я такая, - она взглянула на Серёжу, словно ожидая, что он сейчас хлопнет себя по лбу и воскликнет: «Ну, конечно! Как я мог забыть!», но он продолжал выжидательно смотреть на неё, и она сказала. – Директор по развитию Южноукраинского филиала «Супернафта», если такая должность тебе о чём-то говорит.

- Не очень, - не смутился Серёжа. – В чём твоя задача? Нарастивать доходы?

- Инфраструктуру, - качнула головой Тамара. – Мы находим участки, совместно с логистами и юристами анализируем условия и перспективы строительства там

АЗС, потом выкупаем землю и строим. Как вариант, возможен выкуп уже действующих АЗС и переформатирование их под наши стандарты и ребрендинг.

- Да, я теперь припоминаю, - закивал Серёжа. – Маша говорила, что ты какую-то награду получила.

- Не совсем награда. Просто попала в рейтинг региональных топ-менеджеров.

- Угу. На какое место?

- На первое, - несколько смутившись, кивнула Тамара.

- Здорово, - серьёзно сказала Серёжа. – Вообще, по-моему, ты большая умница. К тридцати годам самостоятельно заработать на хорошую квартиру, на классную машину (я же правильно помню твой кроссовер, кажется, Лексус, да?), оставаться востребованным специалистом, получать удовольствие от своей работы, да ещё пользоваться авторитетом в своём кругу – я бы сказал, это выдающийся результат. Ты их всех сделала, - добавил Серёжа.

- Кого?

- Своих подруг. Всех их сделала.

- Нууу... - нахмурившись, протянула Тамара. – Серёж, люди ставят себе разные цели.

- Люди ставят себе реальные цели, - настойчиво возразил Серёжа. – Потому что они и разные. Не думаешь же ты, что все неудачники признаются себе в том, что они – неудачники. Они просто говорят, что поставили себе другие цели.

- Но не всегда это так, - мягко возразила Тамара. – Иногда женщины делают осознанный выбор в пользу семьи и реализуются как жёны и матери.

- Почему тогда ты не сделала такой выбор?

- Мне не повезло, - пожала плечами Тамара. – Мне не встретился человек, которого я могла бы представить в роли мужа, отца своих детей.

- А если бы встретился, то что – бросила бы карьеру? Отказалась бы от всех своих достижений? Избрала бы судьбу домохозяйки? – если бы Серёжа в эту минуту смотрел на себя глазами Тамары, он увидел бы, как, подобно линии горизонта, с изменением перспективы преобразующейся в многоуровневый ландшафт, за праздным любопытством может угадываться восхищение и волнение.

Тамара покачала головой и лукаво посмотрела на Серёжу.

- Если бы овчинка стоила выделки, за безумным поступком дело бы не стало, - сказала Тамара и быстро, испугавшись собственного взгляда на Серёжу, опустила глаза, а в следующее мгновение схватилась за бутылку.

Тамара вздрогнула, почувствовав прикосновение Серёжиной руки. Он взял её бутылку с другой стороны.

- Я налью тебе, - сказал Серёжа. – Уверена, что не хочешь виски?

- Я боюсь, что виски меня просто убьёт, - покачала головой Тамара. – Ты не представляешь, сколько я уже выпила.

- Как знаешь, - пожал плечами Серёжа. – Расскажи о своих перспективах. Какой следующий шаг?

- Вариантов немало: есть куда расти и на филиале, и (тем более) в центре. Это не говоря о десятке предложений от конкурентов, которые я не то чтобы воспринимаю всерьёз, но держу в уме, - не без самодовольства призналась Тамара.

Серёжа с почтительным любопытством кивнул, потом вдруг шмыгнул носом.

- Да, был бы я поумнее лет пятнадцать назад или родителей имел поважнее, кто знает, может, тоже сейчас строил бы перспективную карьеру.
- Тыц, - крикнула Тамара. – Тебе ли быть недовольным! При твоих-то достижениях, не говоря уже о доходах.
- Доходы – вещь второстепенная, - возразил Серёжа. – Мало ли у кого достаточные доходы, а удовлетворения всё равно нет. Ты, может, на катере, но перед тобой открытое море. А я, хоть бы и зарабатывал в два – в три раза больше (а я и столько не зарабатываю), всё равно дальше своего озера, хоть бы и на лайнере, уже не выберусь.
- Ну, ты, я смотрю... - покачала головой Тамара. – Там хорошо, где нас нет. Было бы у меня своё озеро, кто знает, может, оно мне было бы дороже всех океанов вместе взятых. Но ты... - Тамара пригляделась к нему с лукавой улыбкой. – Я не ожидала от тебя...
- Таких амбиций?
- Такой самокритики. У вас гармоничная семья, всё ладится... Нет, погоди, ты бы хотел, чтобы Маша работала? Строила карьеру? Ты бы это допустил?
- Маша... работа... карьера... Звучит как освобождение от налогов.
- Маша училась лучше всех в классе. Школу закончила с золотой медалью. Если бы она поставила себе такую цель...
- Опять ты про цели, - уклончиво улыбнулся Серёжа и увёл взгляд. Тамара продолжала настойчиво смотреть на него, безмолвно добиваясь пояснений. – Мне сложно оценивать Машу - она моя жена. То, что устроилось в моей семье, - это данность. Если бы что-то изменилось, не знаю, как бы я отнёсся к этому: хорошо или плохо. Понимаешь?
- То есть, ты воспринимаешь Машу и девочек как должное, - со скрытым неодобрением заключила Тамара.
- Да, и это естественно. Они у меня есть, и я воспринимаю их как должное.
- Но ты хотя бы допускаешь, что можешь заблуждаться?
- Это бред соплежув, - неожиданно агрессивно отозвался Серёжа. - Ты же воспринимаешь как должное свои руки и ноги, своё дыхание, способность к ходьбе. Если бы этого всего у тебя не было, ты бы испытывала недостаток именно потому, что оно - должное. Если бы оно пропало, ты стала бы бороться за него именно потому, что оно – твоё должное. То, что совершилось, построилось. Это же касается Маши, дочек, здоровья, дома, бизнеса – всё это моё должное.
- Я начинаю понимать разницу между нашими подходами. Обычно говорят "воспринимаешь как должное", подразумевая "никуда не денется".
- Не должно куда деться, - уточнил Серёжа
- Хорошо, давай смоделируем ситуацию. Девочки у вас взрослые, Маша - молодая женщина с блестящим образованием. Она решает выйти на работу. Размещает резюме, получает предложение – офис-менеджером и переводчиком в крупную компанию. Для начала. Представил?
- Более менее, - стрелкой метронома качнулась Серёжина голова.
- И понеслось: коллеги, клиенты, встречи, задачи, шутки, впечатления, стрессы, сюрпризы, внимание. Флирт, - Тамара умолкла, многозначительно приподняв брови на Серёжину усмешку. – Флирт неизбежен, так и знай. - Серёжа улыбнулся на этот раз широко. - Как ты реагируешь на интерес к другим мужчинам?
- Главное, чтобы не было влечения. Интерес – не повод впадать в отчаяние.

- В том и опасность, что у женщины интерес и влечение взаимообусловлены.
- Но не всегда интерес переходит во влечение?
- Не всегда, - согласилась Тамара. – Но интерес как бактерия, попавшая в организм: может сразу вызвать воспаление, а может затаиться в слизи и ждать удобного случая, – издевательски продолжала она. – Как ни стараюсь, а ревности что-то не замечаю, - рассмеялась она, в конце концов.
- Может, потому что её нет? – хмыкнул Серёжа. – Чтобы возник интерес, необязательно идти на работу. А Маша свои интересы не особо скрывает, так что здесь меня ничем не удивишь.
- Хочешь сказать, она кем-то интересуется? – оживилась Тамара.
- Да.
- И что – ты?

- Тамара, я, честно, не понимаю, какой реакции ты от меня добиваешься. Я уже сказал: меня не смущает интерес, лишь бы он не переходил во влечение. Я просто не думаю о нём, как ты не думаешь, скажем, о текучести кадров в твоей компании – пока она не влияет на твою работу или не начинает представлять угрозу для тебя.

Тамара собралась ответить, но на столе блеснул экран Серёжиного смартфона, заставив его отвлечься.

- Как у тебя всё... прагматично, - задумчиво молвила Тамара.
- Звучит как ругательство, - отставляя смартфон, сказал Серёжа. – Я довольно прагматичный человек. По-моему, это очевидно.

Тамара взметнула на него взгляд, чересчур серьёзный для такого лёгкого разговора.

- А что, прагматичный человек испытывает иногда потребность в романтике? Или легко обходится без неё?
- Романтика... - Серёжа принуждённо сдвинул брови.
- Или романтика - это вообще категория не твоего порядка? – смекнула Тамара.
- Пожалуй, - обрадовано согласился Серёжа. – Мне важнее отдыхать. Правильное соотношение работы и отдыха – залог моей гармонии. Не романтика.
- Отдыхать – это ничего не делать?
- Отдыхать – это расслабляться. Делать только то, что сам хочешь.
- Например, заняться своим хобби?
- Да, если оно есть.
- У тебя есть хобби?
- Наверное, нет, - подумав, сказал Серёжа. – Я люблю погонять машинки на пульте, но...
- Назвать это хобби было бы преувеличением, - подхватила Тамара.
- Да, - удовлетворённо кивнул Серёжа и добавил с бодростью. – У тебя хорошо получается формулировать мои мысли.

Тамара выразительно моргнула, как бы принимая и сразу пролистывая этот комплимент.

- Но у тебя-то наверняка есть хобби, - сказал Серёжа, отвлекаясь на снова вздрогнувший смартфон, и потом ненадолго вернул взгляд Тамаре. – Расскажешь?

Тамара с лёгким кокетством поджала улыбающиеся губы.

- Меня многое увлекает, но настоящее хобби – это массаж.

- Какой массаж? – удивился Серёжа.

- Да обычный массаж, - усмехнулась Тамара. – Массаж тела.

Серёжа подрыгал в воздухе кистями рук.

- Умеешь это?

- Ага. Причём, хобби концептуальное, - убедившись, что он молчит, Тамара решила распространиться. – Я заметила, что интеллектуальные занятия порой притупляют ощущение жизни. А якорит, даёт почву под ногами физический труд, а точнее - умение созидать своими руками. Когда берёшь, скажем, нитки и вышиваешь икону, или берёшь инструменты и сколачиваешь скворечник. Даже приготовить какой-нибудь торт или мясной пирог – уже то! Но я готовить не люблю. Вышивать, чинить не умею. И вот я нашла для себя массаж: и мне по кайфу, и друзья-родственники довольны, кому перепадает, - изливала радость Тамара. Серёжа качал головой в знак того, что он впечатлён. – А вообще расслабляюсь я сотней разных способов. Самый ходовой – это решение задач. Головоломки, ребусы, данетки – это всё моё. Знаю несколько толковых ресурсов, где всегда свежий материал. Я – фанат квеструмов и вообще квестов. Как минимум, раз в месяц должна пройти квест, иначе у меня – адреналиново-интеллектуальный голод.

Серёжа вопросительно дёрнул головой.

- Квеструм – это что?

Тамара вытаращилась на него.

- Ты серьёзно не знаешь? Ну, квеструм – помещение, где тебя запирают, и ты должен выбраться за отведённое время, решая головоломки. Бывают хоррор квесты, где тебя атакуют призраки и маньяки. Сейчас уже появились квестории, где для выполнения задачи нужно разрабатывать целые стратегии и взаимодействовать с другими людьми, - в конце каждого Тамариного предложения, словно исполняя роль точки, следовало хмыканье слушающего её Серёжи. - Ну, концерты, музеи, путешествия – это всё, само собой разумеется, под настроение тоже катит. Как у всех, собственно.

- Я бы не сказал, что как у всех... - заторможенно возразил Серёжа, заставив её запнуться.

Тамара проследила за его блуждающим взглядом и отстранённым, внезапно почти подавленным видом.

- Устал, да? – глухо проговорила Тамара. – Пора спать.

- Нет, я не устал, - довольно бодро, но с каким-то задумчивым равнодушием возразил Серёжа, после чего сразу же зевнул и, закивал, как бы соглашаясь сам с собой. – Очень ты незаурядная личность, что и говорить... - он улыбнулся вяло-вежливой улыбкой, которая необыкновенно воодушевила Тамару.

- Ты знаешь, - она смущённо прыснула. – Я ведь когда-то даже дирижированию училась. Мечтала управлять оркестром. До сих пор иногда мечтаю, - расплываясь в предовольной улыбке, призналась Тамара. – Впрочем, это, наверное, лишние слова – ты и сам заметил ...

Серёжа смотрел на неё с неподвижной улыбкой, щедро приправленной дрёмной сладостью. Тамара кротко улыбнулась в ответ и слегка нахмурилась.

- Мне кажется, ты чем-то озабочен, нет? – спросила она, подчёркивая испытываемую неловкость произвольным всплеском рук.

- Может быть, немного, - ответил Серёжа, медленно загашая улыбку.

Тамара лишь коротко, всё так же испытующе, глянула на него, не решившись дальше расспрашивать, потом встала.

- Я должна покурить, - сказала она чужим голосом.

- Конечно, - сказал Серёжа.

После второй тяги Тамара сдвинулась к окну так, чтобы видеть Серёжу. Он сидел спиной к ней, опустив голову. Она не различала лица, лишь заметила, что он дважды пригубил виски. Его понурый вид внушал её двойственные чувства: с одной стороны, неловкость, с другой – странное чувство причастности к этому его состоянию, мешающее ей просто уйти (к тому же, Серёжа явно давал понять, что её присутствие его не тяготит, и даже охотно хватался за возможность отвлечься от тяготящих его дум, правда, удавалось ему это ненадолго). Состязание этих двух чувств навязчиво затягивало в Тамарину голову идею о том, что, если бы Серёжа вдруг обернулся, она увидела бы вместо его лица утраченное родство, и робкая нежность на мгновение замурашила Тамарину спину. Что-то в этом позднем вечере было похожее на ошибку, допущенную в самом начале вязки – нужно было распутать этот узелок, чтобы всё выровнялось. И посодействовать этому она могла только одним способом – сейчас же исчезнуть.

Серёжа как раз успел отправить ответ на сообщение своего партнёра, когда Тамара вернулась в дом. «Серый, я полчаса, как вышел от налоговиков. Если бы это что-то изменило, я бы и ночевать там остался. Но там новые порядки. У нас неделя на подготовку, а потом придёт проверка – это максимум их лояльности. Что с матчем? Брать билеты? На те же места?», писал партнёр. «С налоговой беда, а билеты бери, мне возьми два», написал Серёжа.

Тамара бесшумно подошла к своему стулу, остановилась и долго пристально посмотрела на Серёжу. Он так же долго смотрел на неё.

- Не грусти, - сказала Тамара и протянула руку к бокалу – допить то, что в нём осталось.

- Не буду.

- Я пойду спать, у меня уже глаза закрываются.

- Да, спокойной ночи.

На пороге Тамара вдруг остановилась, крутанулась на одной ноге и с мечтательным видом прислонилась к дверному наличнику.

- А ведь согласись, что есть своя прелесть в том, чтобы не присваивать себе даже тех, кого любишь. Просто знать, что где-то есть близкий человек...

Серёжину переносицу прорезала глубокомысленная складка, которая быстро разгладилась под действием озарения, которое выступило у него на лице. Он выразительно наклонил голову - как бы кивнул, но очень медленно и задумчиво – и, подавив некстати подоспевший зевок, сказал:

- Ты права. Даже очень.

Глава 4. Лолита

(которая при всём своём совершенстве имеет некоторые слабости...)

- Доброе утро, чудо! – сквозь всеобщий смех гаркнула Лолита, увидев Зою на пороге своей комнате.

Остальные были уже здесь – все трое на хвалёной полуторной кровати Машиной матери. Лолита – ещё под одеялом, Маша – бочком рядом с ней, Тамара – поперёк кровати в изножье.

- Что тут творится? – вымученно улыбнулась Зоя. В голове, словно по команде, мстительно выстрелили из рогаток нелюбимые дети этанола. – Что вы тут все?

- Захожу утром будить эту красоту, смотрю, а тут их две дрыхнет: одна на кровати, другая на диване, - объяснила Маша, сияя. – Вместились таки, свернувшись клубком.

- Ошиблась дверью, - кивнула Тамара.

- А ты еёхватила? – спросила Маша.

- Кого? – не поняла Зоя.

- Тамара вообще-то должна была с тобой спать.

- Понятно, - сказала Зоя. – Мне нужно сесть.

- Я вижу, - сказала Лолита. – Иди сюда, ложись. Да ляг нормально, полно же места, - воскликнула она, когда Зоя сиротливо примостилась с краю.

- Как бы эта кровать не развалилась под нами, - пробормотала Зоя, осторожно подтягиваясь глубже, и заметила в Лолитиных руках толстую тетрадь в яркой обложке. – Это то, что я думаю?

- От-кро-вен-ник! – с диким взглядом проговорила Лолита, отмахиваясь от хохочущей Маши. – Ты можешь себе представить? Если бы я имела хоть малейшее представление, где такой мой.

- Давай читай дальше, - потребовала Тамара. Она лежала на животе, ноги её были согнуты в коленях и скрещены, под подбородок она подставила ладонь. Что-то нехарактерное для неё, слишком доверчивое, было в этой позе, как и в её взгляде, лишённом обычной остроты, и это не ускользнуло от внимания Лолиты.

- Экая ты сегодня... - проговорила она, тронув Тамару проникающим взглядом, но так и не досказала, какая именно.

- Что ты от меня хочешь, я не выпалась, - вытягивая руки на кровати и укладывая на них голову, промычала Тамара.

Сделав глубокий вдох, Лолита зачитала:

- Лучший день в моей жизни. Маша пишет: «День, когда мне исполнилось 13. Оля с девчонками оставили у меня под дверью голубого льва, который еле влез в комнату, и корзину с 13-ю кремовыми розами. Вечером мы играли в прятки на территории завода, ещё с дворовыми ребятами, а потом ели самый вкусный в мире торт-мороженое. Потом мы не смогли расстаться, и мама отпросила девочек у их мам – все остались с ночёвкой. Мы рассказывали страшные истории чуть не до самого утра. Обожаю этот день».

- А ведь я ни секунды не сомневалась, что однажды буду кайфовать, читая это, - воскликнула Маша. – Вы знаете, что... я вас просто обожаю! Как тогда обожала, так и теперь!

Лолита искоса глядела на Машу, на её круглое лицо с чистой пористой кожей, на белёсые брови и ресницы, на морщинки в углах глаз, на мягкую ступень второго подбородка, на спросонья приплюснутые волосы на затылке. Её взгляд задержался на этом дефекте слишком долго, и она хотела было сказать Маше о нём, но засомневалась, и тут она вспомнила тот день, когда Маша явилась в школу, неся на голове вместо своей длинной русой косы короткую мальчишескую стрижку «под казанок». Они переглядывались, не зная, как сказать, что новая причёска совершенно ей не идёт. Ни одна из них так этого и не сделала. Маша проходила с короткой стрижкой два года, после чего снова отрастила свои богатые волосы.

- Так, посмотрим, что Маша скрывала от нас, - Лолита развернула страницу, сложенную треугольником, на котором золотистые блёстки улеглись в слово «Секрет». – Маша пишет: «я написала в Откровеннике, что мои любимые имена: Диана, Настя, Кристина, Алиса и Оля. Я солгала. Мне совсем не нравится имя Оля. Но если бы я не указала его, Оля, которая обязательно тайком прочтёт мою анкету, стала бы допрашивать меня, неужели мне не нравится её имя». Какова! – Лолита выкатила глаза, но уже в следующую секунду хохотала. – А ведь имя и правда не шик. Никогда его не любила.

Маша смущённо развела руками.

- Главное, хоть бы одну из твоих дочерей звали Дианой, Настей, Кристиной или Алисой, - сказала Тамара.

- О Боже! Внимание! Любимый афоризм тринадцатилетней Маши: «Умножающий знание умножает печаль», - Лолита плёпнула ладонь на глаза и проблеяла. – Ма-а-аша!

- Что – Маша?

- Откуда ты такое взяла?

- Подсмотрела на наклейке в папином блокноте - мне так понравилось. Кажется, это слова Соломона.

- Я надеюсь, ты сменила любимую цитату с тех пор? – усмехнулась Тамара.

- О да! – рассмеялась Маша. – Мой статус вконтакте: «Примерила счастье... А мне идёт... Буду носить!».

Лолита перелистнула страницу.

- Хм... - она нахмурилась и ещё раз перечитала смутившую её запись.

- Что там? – нетерпеливо спросила Маша.

- «Катастрофа. Зоя – без лица. Словно у неё кто-то умер. Того и гляди, полезет в петлю. Оля бесится и отнекивается, но я-то вижу, как она переживает. Тамара говорит не вмешиваться – сами помирятся. Но как я могу не вмешиваться, когда нужна поддержка? Что я за подруга тогда? Тамара говорит: это их отношения, третий здесь лишний. Но Тамара всегда такая: делает вид, что её это не касается, воображает, что она выше этого», - Лолита подняла глаза от тетради. – Поверить не могу, что ты это написала.

Маша, цвета переспелого граната, обескуражено застыла. Тамара, подавляя зевок, пожала плечами.

О Боже, как переживала! Как переживала...

- Зоюшка, лапушка, что у вас случилось, нельзя же так убиваться...
- ...В покое... Пожалуйста... Я не убиваюсь... Оставь меня...
- Зоя, ну, пожалуйста, не мучай меня, мы же подруги. Ну, скажи, что случилось, я помогу тебе, я всё сделаю.
- Мне ничего не нужно, оставь...
- Какая же ты эгоистка! – красные прожилки ярости в Машиных глазах. – Я имею право знать! Я ваша подруга!
- Пожалуйста, оставь меня в покое... Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

У реки, где со смертью назначена важная встреча,
У моста, где готовятся к страшным прыжкам
Кто-то нежно кладёт тебе руки на плечи
И подносит огонь к побелевшим губам.

- А сёстры печали идут за тобой, идут за тобой, пока не умрёшь, идут за тобой... - беззвучно повторяла Зоя, шевеля деревянными, несмотря на валиум, губами. Она сказала маме, что останется у Маши, чтобы никто не донимал её, а сама спряталась в собственном шкафу. В ту ночь она прослушала эту песню сорок три раза подряд.

- Прости, что я вчера... повысила голос на тебя, - снова Маша. Всё уже знает от Оли. Лицо – паркет для румбы радости и жалости. – Я была сама не своя. А ты держись, Зойка. Постарайся не обижаться на неё, но она сейчас не готова... тебе доверять...

- Это она так сказала?

Маша опускает голову и снайперским выстрелом:

- Да.

Зоя по-солдатски разворачивается на сто восемьдесят градусов и марширует прочь, за реки и горы, за миры и галактики, за мгновения и эры, клянясь Богом, мамой и Бобом Марли на следующей лабораторке утопиться в соляной кислоте.

Какая дура, какая дура...

- Так, дальше запись следующим днём, - интригуяще повысила голос Лолита. – «Оля возмущена и обижена до глубины души. Сказала, что больше к этой гомзихе ближе, чем на пять метров, не подойдёт», - Лолита уязвлённо раскрыла рот и угрожающе округлила глаза на Машу. – Вот сучка, я такого не говорила!

- Ты сказала, что она зажала тебе драгоценный микроскоп своего драгоценного папочки. Вот какая подруга! Ещё и устроила истерику.

- Не было такого! – вытаращила глаза Лолита и прочла. – «Зоя психанула из-за того, что Оля забрала микроскоп, который Зоя одолжила у своего отца для наблюдения за тем, как водяные шарики впитывают воду, а сама не пришла на лабораторную. В итоге Зоя обозвала её предательницей и вертихвосткой – всё потому, что Оля пошла вместе с микроскопом на урок биологии в соседний класс, и там они с ребятами из 10-Б разглядывали в него сперматозоиды. Зоя заявила, что если Оля запала на Грухина – это дело её вкуса, только какое она имела право забирать микроскоп и срывать Зое лабораторную. Мне жаль Зою, мы все знаем, что для неё Оля, но она явно перегнула палку. Оля сказала, что у неё, наконец, раскрылись глаза на эту так называемую подругу. Кто настоящая предательница, так это она. Не говоря о том, что гомзиха и истеричка. Сама парней боится, как огня, и считает, что всем остальным тоже следует по углам рассоваться», - Лолита оторопело уставилась на Машу.

- Твои собственные слова, - словно оправдываясь, уронила та.
- Я не могла так думать! Даже если сказала так, то от злости, - подавленно проговорила Лолита.
- Естественно, - подхватила Зоя. – Зачем сейчас париться?
- Нет, мне обидно, что Маша изобразила всё именно так. Это же кристальная ситуация, а здесь всё выглядит так, будто я допускала, что дело в микроскопе. Я знаю, как для тебя была важна эта лабораторная. Накануне мы проторчали в лаборатории до пяти вечера и не заметили, потому что ты показывала мне опыты с полиакрилатом натрия, и я никогда не видела ничего более увлекательного. Я помню, как ты заразилась идеей повторить их и проследить за реакцией под микроскопом, как задумала притащить этот микроскоп, - Лолита жгла Зою повинной. – Возможно, в силу своей легкомысленности тогда я не предположила, как сильно тебя заденет, если я просто не приду. И да, я действительно хотела выпендриться перед старшеклассниками. Должно быть, я решила, что мы можем провести свой опыт на следующий день. Я не ожидала столь бурной реакции, но я должна была ожидать, если бы была немного внимательнее к тебе. Однако то, что здесь написано – это совсем не то, что я испытывала.
- В любом случае, в истории это останется именно в таком виде, - сказала Зоя, наблюдая, как в уставленном на неё взгляде на первое место, держась за руку, выходят осознание её слов и ужас.
- Ты всё извратила, - выпалила Лолита, поворачивая голову к оробевшей Маше. – Ты должна всё переписать! Я не хочу, чтобы у тебя хранилась эта ложь.
- Зачем ты так? – пробормотала Маша, по всем показателям уже готовая заплакать.
- Это наша история, записанная Машей именно так, как она её видела, и что-то менять – мягко говоря, неправильно, - высказалась Зоя. – Тем более, ценой создания новых историй.

Душа слёзы, Зоя льёт в ступку с гидроксидом натрия раствор аммиака и тут же накрывает колпаком, в другую ступку сыпет оранжевый порошок дихромата аммония и поджигает эту аппетитную горку, которая тут же мечет искры, извергаясь тусклой стружкой оксида брома. Зоя берёт колпак, наполненный парами аммиака, чтобы накрыть им вулкан, но замирает перед этим зрелищем.

«Она ведь не твоя собственность» - слова сердобольной Маши, пытавшейся урезонить её.

Но как это? Она, которая так радовалась, что мы в паре. Она, которая была так счастлива, когда слушала. После таких мгновений никто не вправе сомневаться, чьи мы. Никто из них никогда не мог бы дать ей ничего подобного! Не с их мозгами!

«... не твоя собственность...»

Идиотизм, неправда. Она, чёрт возьми, моя собственность! Иначе, какое она имела право... вести себя... слушать... счастлива... Она признала, чьи мы, а потом просто наплевала, будто ничего не было...

Зоя накрыла разлагающийся дихромат аммония колпаком с аммиаком, и искры взвились фейерверком, запрыгали, замерцали звёздами по своей новой галактике.

В очередной раз та же ошибка. Хочется вырвать волосы с корнем из головы. Нет, этого мало - хочется разmozжить голову, собственную, глупую, посягнувшую, присвоившую.

- О-хо-хо, ничего себе! Разреши, - восхищённо, дерзко, заинтересованно.

И он уже здесь, уже теснит её, уже снимает колпак с её вулкана и переводит очарованный взгляд с разрастающейся горы хромного мусора на неё.

- Что ты сюда добавила? Аммиак? - он принюхивается и вдруг аж передёргивается от озарения. - А если сюда ещё таблетку глюконата кальция вложить!

- Можно, - шмыгает носом Зоя. - Получится фараонова змея.

- Тогда чего мы ждём? Остался ещё дихромат? Эй, - он замечает, что она расстроена. - Ты чего? Слушай...

Он такой лёгкий, сообразительный, так быстро принимает решения.

- Давай попробуем с глюконатом кальция и потом пойдём ракушки собирать. Самые красивые себе оставим, а остальные в уксусе растворим. Я однажды нашёл на шестнадцатой Фонтана раковину рапана, представляешь?

И вот они облазили пещеры на склонах и пляж на шестнадцатой Фонтана, и Зоя сидит на песке и швыряет камушки в море, а он, выкопав из песка покрывку и оседлав её, дрейфует у берега и отбивает какой-то ритм по поверхности воды.

- Что ты делаешь?

- Перевожу. На язык моря. Хочу нарисовать вот этот узор - от Турецкого марша, когда его играешь на воде. Хочешь посмотреть поближе?

Зоя машет головой. Он отвлекается от музицирования и просовывает взгляд ей под кожу.

- Эй, не ешь себя. Оставь мне немного.

- Забирай всю, - мрачно отвечает она и вдруг чувствует, что сказала самую чистую правду в своей жизни.

- Забито, - подхватывает он.

Только на следующий день Зоя узнала - о, горькая сладость жизненного юмора!

- что это тот самый Донов, от которого Оля писает кипятком. Когда на перемене после второго урока к ней подкатила Маша.

- Слушай, а это правда, что с тобой теперь Петя в паре по лабораторке?

- Какой Петя? Ааа... Донов, что ли? Правда...

- Как тебе удалось сманить его? Вы с ним общаетесь, что ли?

- Это тебя Оля подслала, что ли? - наслаждаясь Машиным возмущением, в лоб спрашивает Зоя. - Скажи, что нас объединяет научный интерес. Ис-клю-чи-тель-но.

- Кстати, это же тогда Зоя с Доновым сошлись, - вспомнила Тамара.

- Точно! - обрадовалась Маша.

- Здесь ни слова об этом, - сказала Лолита.

- Я могла не записать, но я хорошо помню!

- Так что нет худа без добра, - заключила Тамара, сладко потягиваясь.

- Если это добро, - усомнилась Лолита. - Это добро, Зоя?

- Так она тебе и призналась!
- Ладно, давайте вставать, - решила Лолита. – Испортили вы мне настроение. Идёмте завтракать.

К концу позднего завтрака немного взбодрились, ожили. Зоя, постанывая, нахваливала Машин кофе. Тамара стала подключаться к разговору, который до этого держался на желевидных репликах Маши и Лолиты.

Серёжа сидел с ними за одним столом, но в беседе не участвовал: завтракал, уткнувшись в смартфон, односложно отвечал на редкие Машины вопросы и сдержанно благодарил, когда она подвигала тарелку, до которой ему было неудобно тянуться. Общество Машиных подруг, казалось, не интересовало, но и совершенно не мешало ему. Было видно, что их с Машей бытовое взаимодействие доведено до автоматизма, но невозможно было судить, что стояло за ним: то ли уважение к желаниям друг друга, позволяющее каждому из них без лишних слов заниматься собой, то ли воспринимаемое как должное и даже, возможно, с благодарностью равнодушие к некоторым ответвлениям жизни друг друга.

- Хорошо, ну а «Секс в большом городе»? – спросила Маша. – «Отчаянные домохозяйки» тебе, допустим, не близки, но этот сериал просто бомбезный! Не могла же ты его не смотреть!

Лолита покачала головой.

- Скука смертная, - брезгливо констатировала Тамара. - Четыре разнокалиберные подруги (бальзаковского возраста) со своими житейскими заботами и бла-бла-бла. Сколько сериалов на эту тему? - Зоя непроизвольно обвела их всех выздоравливающим взглядом. - Я, например, когда выдаётся свободная минутка, зависаю на Шерлоке, - призналась Тамара.

Лолита презрительно нахмурилась.

- Шерлок – холодный высокомерный сноб. Брр... И интеллект у него, будем откровенны, линейный.
- Получи! – злорадно гоготнула Маша, обращаясь к Тамаре.
- Нил Кэффри? – посмеиваясь, подкинула дровишек Зоя.
- Ты что, серьёзно? Он ведь гей!
- Не-е-ет, - с разочарованным хохотом протянула Зоя. – Это опровергли!
- Да плевать, кто опроверг! Он гей! У меня на них нюх после штатов! Найду в толпе девятерых геев из десяти, на спор!
- Доктор Хаус! – включилась Маша.
- А этот вообще евнух! У него же в графе «половая идентификация» стоит сарказм. Уолтер Уайт – мой герой, - самодовольно оскалившись, покачала головой Лолита.
- Это тот мужлан, который заболел раком и начал варить наркотики? – карикатурно скривилась Маша. – О, теперь понятно! Прекрасный вкус, Лолита!
- В мужчине должна быть скрытая дикость, - сказала Лолита, с хищным прищуром вглядываясь вдаль. – Нечто мощное, спящее внутри, что, пробуждаясь, заставляет его терять контроль над собой.
- Ах ты.... – Маша облизнулась.
- Мужчина не должен превращаться в домашнего котика, понимаешь? – продолжала Лолита, откидывая тонкую загорелую кисть с сигаретой. – Или в

постоянно саркастирующего мизантропа. В мужчине должно быть что-то устрашающее и жизнезаражающее одновременно, и самый кайф – это когда тебе удаётся разбудить в нём это, и ты видишь, как он преображается, как отказывается от своих намерений или совершает то, чего никто не ожидал от него.

- То, что я знаю о Томе, не совсем укладывается... - осторожно заметила Тамара.

- Ни на один процент! – перебила Лолита. – Том был очень удобным мужем, но не более того. Мне казалось, я дала вам это понять.

Маша смотрела на неё во все глаза. И даже Серёжа не удержался от короткого взгляда, после которого на секунду переглянулся с покосившейся на него Тамарой.

- Среди колоссального круга наших приятелей было всего двое мужчин такого плана, - продолжала Лолита.

- Ты с ними спала? – спросила Зоя, как обычно, с детской непринуждённостью, извиняющей бесцеремонность вопроса.

Лолита на мгновение опешила, но уже в следующую секунду спокойно ответила.

- Да.

- Это было... – начала Маша и загнула вопросом.

- Хорошо, - улыбнулась Лолита. – Лучше, чем с Томом. И, признаться, я бы легко ушла от него к любому из них, но они были семьянинами.

- Да ладно!

- Оттого нас так сильно и тянуло друг к другу. Если бы они не были женаты, больно бы я была им нужна – мало ли вокруг женщин, готовых поиграть на высоких ставках. А так – у них обоих я была единственной любовницей за много лет брака. Их у меня – всего двое. Хотя, если бы вы знали поближе моего мужа, вы бы удивились, что у меня было не сто любовников. Намёки разной степени прозрачности я получала чуть ли ни каждую неделю, но, как я уже сказала, никто, кроме этих двоих, меня не интересовал.

- Я вспомнила почему-то отца Никиты, - проговорила Тамара.

Лолита вздохнула и улыбнулась.

- Это естественно, что ты о нём вспомнила. Он действительно вполне соответствовал тому, что я сказала. Но в нём не было тонкости, позволяющей мужчине правильно воспринимать женскую игру и правильно реагировать на неё. Он слишком... м... примитивен. Пожалуй, вот правильное слово. Тогда я ещё не знала себя и свои вкусы как следует и инстинктивно повелась на него, но теперь я более пристально всматриваюсь в сонм своих поклонников, - Лолита откинула голову и ухмыльнулась с самоиронией.

- Я понимаю, почему они все от тебя без ума... - вдруг сказала Зоя, привлекая к себе взгляды. – Многие женщины, выйдя замуж, перестают видеть в мужчинах чувство юмора, ум, оригинальность. А ты смотришь на него не любезно, но внимательно, а, встречаясь взглядами, будто обнажаешь его и сама отдаёшься в его власть. Вот как сейчас – ты будто смотришь на этого воображаемого мужчину. И твой взгляд – не банальная парковка глаз на время общения, а обещание жизни, которую вы могли бы прожить, принадлежа друг другу и ревнуя друг друга к вашим нынешним мужу и жене. Бескорыстный интерес к чужой натуре делает тебя обворожительной.

Лолита, переглянувшись с Машей, польщённо расхохоталась.

- Да ладно, - сказала она, смеясь. - Ко мне липнут одни мухи. На первый взгляд вроде нормальные мужики. А на деле - мухи. Нормальных мужиков другие бабы интересуют. Правда, Тамара?

Тамара недоумённо пожала плечами.

- Я не увидела в тебе отклика на то, что в мужчине должно быть что-то животное, с одной стороны, а с другой стороны, - тонкость и чувственность, позволяющие ему оценить женскую интригу. Я вижу, что ты не согласна.

- Я НЕ не согласна, - возразила Тамара. - Но лично для себя не нахожу в этом смысла. По крайней мере, ключевого.

- Хорошо, что для тебя ключевое.

- Для меня важно, чтобы мужчина был умнее меня, - подумав, сказала Тамара.

- То есть, мужчина по-тамарински – это значит умный.

- Точно. Я могу простить мужчине очень многие недостатки. Но не глупость.

- Глупец тебя не оценит, - подхватила Зоя.

- Жорик умнее тебя? – прищурилась Lolita.

- Да что ты прицепилась с этим Жориком? – Тамара сама не знала, как покраснела, и не смогла удержаться, чтобы искоса не глянуть на Серёжу. – Он в прошлом.

Lolita многозначительно переглянулась с Машей.

- Но Жорик умнее тебя? – повторила она.

- Да, умнее. Но он не единственный в мире, кто умнее меня.

- Тебе будет сложно с этим, - вдруг услышала Lolita Зоин голос

- Сняла у меня с языка, - призналась Lolita, и повернулась к Зое. – А как глаза загорелись. Ещё одна любительница умников.

- Нет, я не любительница, - открестилась Зоя. – Просто я прекрасно понимаю, почему она ориентирована именно на умного мужчину превыше всех других качеств. И, сверх того, она отвечает гипотетическому представлению такого мужчины о подходящей для него женщине. Это запрос на взаимопонимание. Зачем нужны мозги? Чтобы иметь возможность понимать человека. Никак иначе нельзя привязать к себе человека, кроме как научившись понимать его лучше, чем другие. Нужно стать для человека лучшей альтернативой одиночеству. Нужно уметь становиться его альтер эго, а также и альтер эго его прошлого, каким он был в детстве, в юношестве, в разные периоды и в разных состояниях – дать ему возможность поговорить с самим собой, как латиноамериканские писатели, с разными ипостасями самого себя. Это очень сильная связь. Ведь уйти от себя, бывает, хочется, но, как правило, в самую последнюю очередь. И потом, нужно улавливать момент, когда он готов, чтобы ты становилась самой собой. Без мозгов такая эмпатия нереальна.

Тамара с некоторым усилием покрутила головой из стороны в сторону, словно примеряясь к Зоиным словам, но так и не нашла нужного положения, чтобы напялить их на свою голову.

- Я бы сказала, что мозги нужны, чтобы сначала составить мне конкуренцию, а в конечном итоге превзойти меня, - сказала Тамара.

Зоя закусил губу.

- Как интересно, - хмыкнула Lolita. – Как всё по-разному.

- Мы словно с разных планет? – спросила Зоя.

- Это нормально, - внушительно сказала Лолита. – Мы видим по-разному. И жаждем разного. Эмпатия, значит, - она выдержала паузу. – Нехилые ожидания ты озвучила.

- Я не сказала, что это мои ожидания. Я предположила, что этого ждёт Тамара.

- Ты рассказала о своём главном оружии, - улыбнулась Лолита, пристально глядя на неё. – Безраздельная эмпатия – это твой метод завоевания. А отсюда ожидания – чтобы эта эмпатия была востребована и оценена.

По Зоинуому позвоночнику скользнуло острей, пригвоздившее крыло воробья.

- Наверное, найти умника для Тамары непросто. Но ещё сложнее найти человека, который оценит то, что предлагаешь ты. Или?.. Мы ведь ничего о тебе не знаем, Зоя. Ты человек-загадка.

- Разгадка в том, что рассказывать нечего, - потупила взгляд Зоя. – Я позволила себе мысль и не стала бы трактовать свои слова как запрос. Я лишь пытаюсь понять, что имеет ввиду Тамара.

- О, нам всем это интересно, - смиростивилась Лолита, переводя взгляд на Тамару. – Но не менее интересно и то...

- А ты не боишься, что когда он превзойдёт тебя, он потеряет интерес? – перебила Маша, обращаясь к Тамаре. – Или что тебя начнёт раздражать его превосходство?

- Исключено! – с категоричным жестом воскликнула Тамара. – В этом разница между мужчиной и женщиной. Мужчина получает удовольствие, когда женщина, чей авторитет он признаёт, позволяет ему обойти себя. Женщина – наоборот. Как бы хороша ни была, в душе жаждет, чтобы мужчина, который в состоянии оценить её ум, сделал её. Кроме того, интеллектуальное противостояние – это нескончаемый процесс. Сегодня он победил, а завтра я снова укрепляюсь. Тем самым не даю ему расслабляться и вдохновляю на новые подвиги, главным стимулом коих одновременно являюсь. Умному мужчине важно иметь возможность продемонстрировать свои способности умной женщине.

- Итак, подведём итог нашим идеалам, - Лолита подмигнула Зое. – Безбрежная эмпатия, интеллектуальные баттлы, чувственность, помноженная на дикость, и гармоничное партнёрство. Я полагаю, все мы подразумеваем конкретных людей, что, собственно, согласуется с расхожей среди психологов точкой зрения, будто за любой абстрактной фразой стоит конкретная жизненная ситуация.

- Кстати, это нормально, что мы при Серёже общаемся? – спохватилась Тамара.

- А что тебя смущает? – хихикнула Маша. – Можно подумать, будто это впервые. Он всё мимо ушей пропускает, можешь не бояться сболтнуть лишнее. Он сейчас доест свой завтрак, возьмёт кофе и пойдёт МАХИМчик полистает, - сказала она так, словно Серёжа находился не в метре от неё за столом, а в повторно транслируемом эпизоде её сериала.

- Может, это ты так думаешь, что он пропускает всё мимо ушей?

- Томка, это Серёжа, а не агент 007, - засмеялась Маша. – Не жди от него всех этих детективных штучек, которые ты так любишь.

- Хм, - нахмурилась Тамара. – А чего от него ждать?

Но Маша не успела ответить – она вскинула голову на назойливый женский клич из-за забора.

- Твою мать, и что ей опять от меня надо? – поменявшись в лице, пробормотала Маша.

- Кто там? – оживилась Лолита.

- Наша соседка. Я сейчас, - Маша встала из-за стола и направилась к калитке. – Редкая сука, - добавила она на одних губах, повернувшись к девочкам на ходу.

Серёжа поднял голову на женщину в розовом атласном халатике и коротко кивнул ей в знак приветствия. Лолита высунулась так, чтобы её было хорошо видно с того места, где стояла соседка, и с демонстративным высокомерием принялась разглядывать женщину. Она видела, как с приближением Маши соседка расплывается в нетерпеливой улыбочке и так, на этой улыбочке, призванной, видимо, сгладить жестковатый смысл её слов, стала что-то негромко, но требовательно вещать. Маша стояла спиной к подругам, её реплики были редкими, короткими и довольно робкими.

Понаблюдав за этой, потерявшей динамику, сценой с минуту Лолита перевела взгляд на Зою, и он стал меняться, словно фонарь в опускающемся на него тумане.

- Вы на мне дыру протрёте, - попыталась отшутиться Зоя, попавшая под этот зыбкий прицел.

- Смотрю на тебя, и понимаю, что ничего о тебе не знаю, - задумчиво сказала Лолита. – И тогда не знала. Думала, что знала, но напрасно. И это не даёт мне покоя.

Зоя с сомнением покачала головой.

- Я думаю, ты опасный человек, - серьёзно сказала Лолита. – В тебе есть мнимая неполноценность, которая подкупает самоуверенных людей. Они сближаются с тобой, движимые желанием помочь тебе преодолеть эту неполноценность, начинают тебе доверять, а потом привязываются к тебе, и в какой-то момент то, что казалось неуверенностью, обращается властью, которую ты обретаешь над этими неискушёнными простачками. Причём, как только они начинают подозревать, что оплетены паутиной твоей эмпатии, ты ловко отбрасываешь флейту и мгновенно занимаешь позицию жертвы, пока их бдительность снова не уснёт.

- Делаешь из меня прямо исчадие ада, - усмехнулась Зоя.

- Отнюдь. Я даже думаю, что ты действуешь по наитию и не представляешь, как некоторые твои машинальные реакции действуют на людей. К тому же, уверена, что ты сама привязываешь к ним не меньше, чем они к тебе, и мучаешься от этого. Почувствовав, что человек значит для тебя больше, чем случайный встречный, ты хочешь потеряться, чтобы отрегулировать дистанцию. Я права? Ты жаждешь, но не смеешь поверить, что заставляешь страдать других. Провоцируешь их – опять же, полусознательно – доказывать привязанность к тебе, но добиваешься совсем иной реакции, чем ожидаешь. А всё потому, что на этом месте кончается твоё понимание. Убегая от себя и от него, ты рвёшь обратную связь и ни с чем возвращаешься к старту. Стремясь к полному взаимопониманию и даже обретая его, в ответственный момент ты отыгрываешь сценарий Вавилонской башни.

Выследив Донова, когда он в разгар выпускной ночи выходит на перекур, Зоя «случайно» присоединяется к нему.

- Ну и что, без пяти секунд Будда, они с тобой сделают? – любопытствует.

- Проедут плешь родакам, до начала вступительных экзаменов припрягут на ежедневные дежурства, ещё что-нибудь в таком духе, что они ещё могут, - почёсывает затылок. – Не аттестата же лишить.

- Ну и что? Стоило оно того? Если бы мог сейчас назад вернуться, снова бы включил в плейлист?

- Если бы мог назад вернуться, я бы не сплеховал, и Марик до сих пор сидел бы в подсобке, и пока эти бурбоны очухались бы, народ нюхал бы teen spirit до

полного выветривания, – заводится Донов. – А так, что самое интересное, Кобейн на выпускном – это даже не моя заслуга.

- В смысле? – натурально изумляется Зоя.

- Не включал я его в плейлист, между нами говоря. Не успел, понимаешь? – сверлит её взглядом. Зоя, скрывая дрожь в коленях, расплывается в восторженно-недоумённой улыбке. Всё отрицать! Но не категорично. - Знаю, что ты думаешь: это могло быть провидение. Или дух Кобейна научился дотрагиваться до предметов, как Сэм из Привидения, - ох и талантлив же, мерзавец, сочинять подводки. – Мне и самому больше нравится эта версия, но будем реально смотреть на вещи, и всё окажется прозаичнее.

Ну давай, чёрт с тобой!

- Я сгораю от любопытства – с видом супергероя, предпринимающего последние попытки не стать разоблачённым, сказала Зоя.

- Да чего тут сгорать? Сам Марик и включил.

- Ди джей?

- Ну да! А свалил на меня. Банальная месть. Если бы Кобейн не запел, моя максимальная вина была бы – что я его упаковал в подсобку. Ну, подумаешь, пошутил. А так мне пришлют срыв выпускного – целую диверсию. Вот только этот деган не понял, что только удружил мне.

- Вот оно что, - кивает Зоя с нескрываемым разочарованием. – Ди джей, значит...

- Пари держу! – выдаёт Донов и самодовольно затягивается.

Интрига раскрыта. Занавес.

Мораль: не всякий подвиг способен выстоять против буйной фантазии.

Блестящее объяснение. Легенда Зое на вооружение, когда Оля вновь поднимет эту тему.

Или Лолита.

Если бы его глаза видели хотя бы десятую долю внутри неё того, что видела Оля, или того, видит Лолита. Этой не мешают ни годы разлуки, ни Зоина скрытность, ни кажущаяся абсурдность мотивов, - оказывается, достаточно проявить немного внимания к кому-то, кроме себя, чтобы всё стало очевидным. Очередная шутка от судьбы: тогда, в восьмом классе на лабораторке, больше всего на свете Зое хотелось, чтобы на месте Донова оказалась Оля. А теперь она (понимая тщетность подобных надежд в отношении этого эгоцентриста) желает для него хотя бы десятую долю понимания, которым владеет Лолита. Хотя бы десятую долю того внимания, которое со стороны Лолиты останется без вознаграждения.

Лолитин взгляд, всё ещё устремлённый на Зою, особым соотношением в нём любви и боли делал Лолиту похожей на постаревшую мать наркомана, и Зоя поймала себя на мысли, что после той ссоры в восьмом классе она ни разу не чувствовала такого сильного желания вновь довериться подруге.

- Увлекательно и тонко, - уже полностью совладав собой, признала Зоя. – Но не про меня.

К ним уже возвращалась Маша. Вид у неё был взбудораженный и слегка подавленный.

- Чего хотела от тебя эта монстрша? – вопросительно кивнула Лолита.

Маша вяло улыбнулась.

- Да у нас тут проблема с водопроводом – аварийка уже два раза приезжала, никак не могут наладить, - у неё стучит в трубах, когда у нас работает насос. Мы на

ночь насос выключаем – так договорились – пока не починят, потому что она не может спать из-за сильного стука. Этой ночью она не выспалась и хочет прилечь прямо сейчас, просит выключить насос. Как я могу его выключить, если мне нужна вода?

- А чьи это проблемы, что она не выспалась ночью? Пусть терпит, – угрожающе зазвенела Лолита.

- Это просто надо знать Люду - ей нужно наломать малину. А заодно и сунуть свой нос в мой двор, - вздохнула Маша. – Как будто это моя вина – что у неё стучит в трубе. Мы пошли ей навстречу и выключаем насос на ночь, но это же не повод садиться на шею.

- И бывают же такие уродины, - с отвращением пробормотала Лолита.

- Серёжа, - окликнула мужа Маша. – Может, ты с ней поговоришь? У тебя как-то лучше получается.

- Да забей, - откликнулся Серёжа, отрываясь от своего смартфона.

- И что? Насос прикажешь выключить?

- Да просто забей и всё, - глухо сказал Серёжа. – Не обращай внимания.

- Вон она опять идёт! – воскликнула Маша.

Все сидящие за столом проследили за Машиным взглядом. Появившаяся за калиткой соседка снова позвала её. На этот раз она не улыбалась.

- Машенька, я, кажется, попросила тебя о чём-то, - услышали они взвинченный голос соседки.

- Не ходи, - властно крикнула Лолита, пытаясь жестом остановить Машу. – Я с тобой.

- Не нужно! – отмахнулась слегка побледневшая Маша. - Я на минутку. Сейчас я её пошлю и вернусь.

Лолита замерла в выжидательно-вызывающей позе, на одной прямой с удаляющейся Машей и маячащей за забором соседкой, всем своим видом демонстрируя дистанционное участие в предстоящей беседе.

- Маша, я легла, при таком стуке заснуть нереально, - зычно сообщила соседка. И получила ответ, который никто не расслышал. – Это всё мне известно, но просто поставь себя на моё место – и ты всё поймёшь, - соседка снова вняла что-то отвечающей Маше, но недослушала и замахала руками. – Маша, поставив себя на твоё место, я вижу целый ряд решений проблемы без привлечения тебя. А ты, поставив себя на моё место, подскажешь мне, как выйти из ситуации, не привлекая тебя? – и опять же Машин ответ не удовлетворил ходатайку. Маша будто бы перенеслась на пятнадцать лет назад и вновь стояла у доски, отвечая на каверзные вопросы физички. И как бы хорошо Маша не выучила урок (а к физике Маша готовилась усерднее всех в классе), физичка всякий раз, вызывая к доске Машу, первую отличницу параллели, умудрялась выставить её балдой, - старая бесовка выходила за пределы обсуждаемой темы и давила Машу преимуществом в общих знаниях. Точно так и соседка: на любую Машину реплику она нашла бы такой ответ, который выходил за благочестивые пределы, на которые ориентировалась Маша. Ведь, казалось бы, что стоит Маше ответить: «Поставив себя на твоё место, я буквально напарываюсь лбом на блестящий способ решения проблемы: спать по ночам. И, продолжая стоять на твоём месте, чистосердечно заявляю, что последнее, к чему бы я прибегла – это морочить голову добропорядочным соседям. Не говоря уже о том, что проблема, очень может быть, скрывается отнюдь не в моём насосе, а в твоих трубах». Но Маша не могла дать

такой ответ, потому что, верная кредо отличницы, считала бы признаком некомпетентности вильнуть в сторону от строго заданной темы, равно как и верхом невежества – проигнорировать заданный вопрос.

За время их короткого разговора Лолита вся извелась.

- Слушай, я не понимаю, а что ты сидишь? – вдруг накинулась она на Серёжу.

- Не хватало мне мешаться в бабские дела, - пожал плечами тот.

- По-твоему, это нормально – что какая-то прошмандовка повышает голос на твою жену? Окей! - Лолита вскочила на ноги и устремилась к полю боя.

Тут же встала и, одарив Серёжу недоумённо-испытующим взглядом, направилась за ней Тамара. Немного погодя последовала за подругами и Зоя.

- Машенька, ты на кого нас бросила? – закричала Лолита с полушутливым упрёком.

- Иду, - отозвалась Маша, обернувшись и предупредительно округлив глаза.

- Давай! Нам нужна помощь! Серёжа не знает, где у вас колонки! А охота потанцевать! – Лолита с требовательным видом остановилась возле Маши, игнорируя соседку.

- Здравствуйте, - сказала соседка.

Лолита покосилась на неё, словно расценивая, достойно ли такое обращение ответа в принципе, и брезгливо кивнула.

- Люда, у меня гости, извини, - утомлённо сказала Маша, собираясь уходить.

- Машенька, я же не возражаю, - соседка изобразила улыбку крайней степени раздражения. – Выключи водичку на два часика, и будем друзьями, - она мигнула с твёрдым кивком.

- Люда, я же тебе объяснила... В конце концов, это не моя проблема.

- А чья это проблема? Может быть, моя?

- Это проблема муниципальной службы, которая обязана устранить поломку, - нравоучительно вмешалась Лолита, выступая перед Машей. - Все претензии – руководству аварийной службы. Всего доброго, - Лолита потянула Машу за руку и добавила почти угрожающе. – Пошли.

- Машенька, у тебя очень грамотные подружки, - елеиным голосом проговорила соседка. – Но ты не забывай, что они уйдут, а мы останемся. Сегодня ты на меня наплевала, а завтра...

- Мне послышалось или она угрожает? – всплеснула руками Лолита, переглянувшись с побледневшей Машей и Тамарой. – В Соединённых штатах она бы уже отсиживала пятнадцать суток за нарушение общественного порядка и угрозу личности. Может быть, она думает, что по местным законам на неё не найдётся управы? Злостное хулиганство – есть такой состав, довожу до сведения безграмотных. Совершённое при свидетелях.

- В Соединённых штатах? – насмешливо фыркнула соседка. – Теперь понятно. То-то я смотрю, что она рассуждает, как с луны упала. Но ты-то, Маша, не настолько оторвана от реальности?

- Вызывай полицию, Маша, - в ярости гаркнула Лолита. – Я хочу сделать заявление о посягательстве на свободу времяпровождения. Заодно проверим, кто в каких связях с реальностью.

- Девчонки! – окликнули их, растягивая букву «о». К ним подходил Серёжа, миролюбиво улыбаясь соседке. – Расшумелись... Идёмте лучше выпьем. Людмила

Валентиновна, моё почтение, - он обворожительно сверкнул белыми зубами. – У меня есть апероль шприц – лучшее расслабляющее средство. Я вас сейчас угощу, и никакие шумы не помешают вам уснуть.

- Нет, спасибо, - отказалась соседка полуворчливо-полужежливо.

- Вы не отказывайтесь раньше времени, вы попробуйте, - принялся уговаривать Серёжа, не обращая внимания на гневные взгляды Лолиты. – Эксклюзивный продукт. Мне приятель по блату организовал. Только для своих. Кроме меня, вам такого никто не предложит. Соглашайтесь.

- Спасибо, Серёженька, - кивнула соседка и усмирённо улыбнулась ему. – Я очень ценю твоё гостеприимство, но совершенно не настроена сейчас на выпивку.

- Главное – чтобы не было ссор, - примирительно сказал Серёжа. – Я категорически против шума без повода. В стране такая тяжёлая ситуация, мы просто не имеем права ссориться по мелочам.

Соседка глубоко вздохнула и медленно выдохнула, как бы помогая родиться созревшим словам.

- Серёжа, я отдаю должное твоей дипломатичности, - она покосилась на Лолиту и коротко глянула на Машу. – Я совершенно не хочу никаких ссор, и, если обращаюсь к вам, то исключительно в расчёте на добрососедство. Я всё понимаю: у вас гости, и вам не до меня. И если бы не крайняя необходимость, - соседка не обратила внимания на пренебрежительное фырканье Лолиты. – Я бы вас не побеспокоила. Я попробую лечь в гостиной – там звук чуть тише.

Серёжа вместо слов сделал два шага вперёд, перекинулся через забор, взял её руку и поцеловал почти с подбострастием.

- Лягте в гостиной, - воскликнул Серёжа, галантно улыбаясь и удерживая её руку, пока не убедился, что она полностью успокоилась. – И пусть вам приснится ваш самый любимый сон. Милая Людмила.

- Спасибо, - радостно шепнула на ухо мужу Маша, когда все пятеро вернулись к столу.

- Спасибо?! – резко переспросила Лолита вздрогнувшую Машу. – Я ещё могла бы тебя понять, если бы ты добавила хоть каплю иронии.

Серёжа весело посмотрел на Лолиту, которая не удостоила его взглядом. Он не стал возвращаться за стол, только взял свой смартфон и отошёл в глубину двора, где разместился в плетёном шезлонге под яблоней.

- Какова битчара, - нервозно закуривая, проговорила Лолита. – Она к нам по крайней нужде, бедняжка. А я живу оторванными от реальности понятиями, - добавила она, гневно играя бровями. – А что мы ей на это? Эксклюзивный продукт. Только для своих. Жаль, она быстро ушла – не успели вылизать дерьмо, которым набита её башка.

- Фууу.... – протянула Зоя со столь неподдельным отвращением, что Лолита невольно прыснула. – Меня сейчас вырвет.

- На, закури поскорее, - Тамара протянула Зое пачку сигарет.

- Тебе надо поставить эту суку на место, - Лолита снизошла до того, чтобы тыкнуть пальцем в Машу, на которую она, заставляя ту растерянно бегать глазами, избегала смотреть последние несколько минут. – То, что она так себя ведёт, - это и ваша вина: вы ей это позволили.

- Если разобраться, она не так уж не права, - вставила Зоя. – Представь, как напрягает постоянный стук.

Лолита бросила на неё взгляд обвинителя Международного военного трибунала.

- Господи, - Маша стыдливо глянула на Зою. – Может, и правда выключить эту воду? Не обойдёмся мы, что ли, два часа? Потом посуду помоем.

- Сделаешь это – и ты мой враг до конца моих дней, - в холодном бешенстве произнесла Лолита и повернулась к Тамаре. – Тома, а ты молчишь – тоже считаешь, что она права?

- Я бы, допустим, просить и умолять никого не пошла бы точно, - отвлекшись от наблюдений за Серёжей и зевнув, сказала Тамара. – Но водопроводчик у меня бы здесь жил, пока не починил бы трубу.

- А я ей что сказала! – воскликнула Лолита. – Пусть вызывает аварийщиков и делает им беременную голову.

- Это глупо, если можно попросить Машу сейчас, а аварийщиков вызвать потом, - возразила Зоя. – К тому же, аварийщики сто процентов перекрыли бы воду, и что бы ты от этого выиграла - и так, и так без воды.

- Если бы аварийщики перекрыли – это по закону, а выносить мозг соседке – это гнидство. Если бы аварийщики приехали, они бы закрыли вопрос, а так проблема только цементируется.

- Никогда не подозревала, что ты такая законопослушная, - удивилась Зоя.

- Ладно, девочки, - Тамара требовательно подняла руку. – Давайте проедем. Неужели нет лучшей темы? Забыли про соседку.

- Да, про неё забудешь, - глухо сказала Маша. – Вон она опять идёт.

- Так, - Лолита вскочила с места и приказала Маше. – Сиди! Я сама, - и, вспыхивая от внутренних молний, устремилась к соседке.

Соседка приближалась торопливо, почти бегом, на её лице было смятение. Она что-то кричала, но до девочек долетали лишь отдельные слова.

- Что-то там ещё случилось, - сообразила Тамара, вставая, а в следующую секунду, увидев растерянный взгляд обернувшейся Лолиты, стрелой метнулась к забору.

- Ребёнок... куда-то... из дома... нигде нет... - заикалась соседка, вращая круглыми, как блины для штанги, глазами. И тут она зажала рот двумя руками.

- Ничего не поняла, - пробормотала Лолита.

- Сколько лет? – напористо спросила Тамара.

- Шесть, - промямлила соседка.

- Он сам мог выйти? Он ориентируется в округе?

Соседка неопределённо качнула головой и стала бессвязно пояснять, что он, наверное, открыл дверь, но куда он мог пойти, одному Богу известно.

- Полицию вызвали? – продолжала Тамара, и когда соседка вздрогнула, сообразив, как сглупила, что до сих пор не вызвала полицию, обернулась к Маше и закричала. – Маша, надо вызвать полицию! Прямо сейчас.

Бледная Маша уже спешила к ним. Она испугалась, что конфликт обострился, но Тамара, предупреждая вопросы, быстро проговорила.

- Пропал ребёнок. Шесть лет. Предположительно, вышел из дома, рядом с домом его нет. Нет? – уточнила Тамара у соседки, которая, почувствовав сомнение, подалась обратно к дому, чтобы удостовериться, что действительно хорошо посмотрела в собственном дворе. Она и забыла, что минуту назад тщетно звала и искала его по всей округе. – Подождите! – остановила её Тамара. – Как его зовут?

- Тимофей, - пролепетала соседка, и у неё по щекам потекли слёзы.
- Люда, что случилось? Тимофей пропал? – это спросил Серёжа, подошедший к ним.

Услышав его встревоженный тон, соседка не удержалась и разразилась рыданиями.

- Маша, звони в полицию, повтори то, что я сказала: что пропал шестилетний ребёнок и так далее, назови правильный адрес, и пусть запишут твой телефон на случай, если понадобится объяснять, как нас найти, - инструктировала Тамара. – Людмила, вы возвращайтесь домой, обыщите каждую комнату, и всё вокруг дома. А мы пока... Оля! Мы сейчас разделимся по улицам. Серёжа! У тебя есть там карта посёлка, на устройстве твоём? Он не мог далеко уйти, если вышел пять-десять минут назад. В прошлый раз, когда вы приходили, он был дома?

Соседка, вытирая слёзы, кивнула.

- Найдётся. Всё, идите, посмотрите в доме. Держим связь через Машу. Маша, скинь нам всем телефоны друг друга, пожалуйста. Серёжа, ну что, есть карта?

- Вот, - к ней подступила Зоя, протягивая свой смартфон. – Мы здесь, - она показала отметку на карте. – Надо в первую очередь пробежаться по этим четырём улицам. Разделимся: ты, я, Оля, Серёжа. Маша здесь не связи. Людмила в доме ждёт полицию. Чуть что – созваниваемся.

- Да, - твёрдо кивнула Тамара. – Поехали. Стоп, один момент. Давай сразу по второй улице тоже закрепим за каждым, если не будет результата сразу.

- Фотография ребёнка есть у вас? – спросила Зоя у соседки, пока Тамара распределяла улицы между Лолитой и Серёжей.

- Только на телефоне, - соседка заёрзала пальцами по экрану, нашла фотографию и протянула Зое, а та, глянув, – передала смартфон Тамаре.

- Да я знаю Тимофея, - отвернулся от экрана Серёжа, когда Тамара, ознакомив со снимком Лолиту и ознакомившись с ним сама, хотела передать смартфон ему.

Через пару минут полиция была вызвана, соседки уже не было у забора, Тамара подгоняла Лолиту и Серёжу, а Зоя, выходя из калитки, успела услышать ворчливое Лолитино:

- Мы ещё будем помогать этой сучке? Я в шоке.

Зоя пустилась быстрым шагом по доставшейся ей улице мимо одинаково благовидных, одинаково процветающих домов, реагируя на каждую детскую фигуру, на каждый тонкий возглас, случавшиеся ей по пути. Не смущаясь тем впечатлением, какое могла производить, она замирала у каждого забора и вглядывалась в резвящихся или капризничающих за ними чад, сравнивая с портретом пропавшего, который стоял у неё перед глазами. Когда не могла рассмотреть лицо встречного дитяти, без стеснения окликала его, заставляя обернуться, или подзывала к себе, пока не убеждалась, что это не Тимофей.

Пройдя уже настолько далеко, что потеряла счёт домам, Зоя обратила внимание на один из дворов: посреди него стоял небольшой надувной бассейн, а вокруг него носились, обстреливая друг друга из водяных пистолетов, молодой бородатый мужчина и мальчишка лет пяти. Когда у одного из них заканчивалась вода, он вынужденно подставлялся под обстрел, высовываясь из-за бортика, который служил ему укрытием, и торопливо наполнял магазин из бассейна, после чего с приумноженной прытью отвечал не успевавшему укрыться противнику. В паре метров от них на шезлонге, по грудь закутавшись в плед, лежала молодая

женщина с подкрученной для объёма русой чёлкой. Она читала книгу, изредка бросая контрольные взгляды на парочку у бассейна.

Зоя, сначала засмотревшаяся на мужчину и мальчика, перевела теперь взгляд на их жену и мать. Ей хотелось заметить черту, обеспечивающую ей всё это счастье, которое своей очевидностью пронзило Зою насквозь. Женщина на шезлонге была обычной, в меру встревоженной и в той же мере гордой матерью, по первому впечатлению столь же естественной, сколь и заурядной личностью, в равной степени миловидной и непримечательной девушкой, чьи фотографии и обыденно-забавные истории о сыне в социальных сетях вызывают желание поставить «лайк» даже у постороннего человека.

Но что-то в лице мужчины, возможно, некоторая скуластость, поразила Зою. И этот резвый мальчишка. И взаимный интерес между отцом и сыном, точнее, интерес к взаимному времяпровождению, ставший отличительной чертой их идиллии. И эта книга в руках у женщины. Именно так, с книгой на шезлонге, проводила бы свои свободные минуты и сама Зоя, любовно и горделиво-умиротворённо наблюдая за Петей и Петровичем.

Наш сын пропал! Его нет ни в доме, ни во дворе.

Петя что-нибудь придумает. Главное – не паниковать.

«Это мама, я тебя умоляю, поговори с ней сама, она меня только накручивает».

«Елена Анатольевна, умоляю вас, без паники. Петя что-нибудь придумает. Главное – не паниковать. Петя всё...».

Ничего не будет. Ничего страшного не случится.

Зоя вскрикнула, выходя из транса из-за того, что её дёргал за край куртки незнакомый ребёнок. Она обнаружила себя всё так же стоящей у забора дома с идиллической семьёй. Никто из его обитателей не заметил её.

- Тётя, телефон, - проговорил, явно уже не в первый раз, ребёнок, который дёргал её за куртку, а теперь, когда она очнулась, отступил на два шага.

- Тимофей? – спросила Зоя, инстинктивно протягивая к нему руку.

- У тебя телефон! – отпрыгивая, воскликнул ребёнок, и пустился наутёк, несколько раз, впрочем, с любопытством обернувшись.

На вайбере действительно ждало сообщение от Маши: «Персикова 34. Давай скорее, вроде бы оса укусила!»

Зоя сорвалась с места и со всех ног бросилась бежать обратно.

- Персикова 34! Где?! Где Персикова 34?! – кричала она на бегу, стараясь не сбавлять темп. – Люди! Где Персикова 34?

Те редкие прохожие, что попадались ей, не успевали сообразить, о чём она спрашивает, и только недоумённо глядели ей вслед. Только один парень, высунувшись из калитки, затормозил её на секунду и, заодно позволив передохнуть, объяснил, где и куда свернуть.

Зоя прибежала последней – все уже были там: Тамара на корточках над ребёнком, который сидел на лужайке под деревом. Серёжа, нагнувшись, рядом с ней. В нескольких шагах, тревожно перешёптываясь, Маша и Лолита. Ребёнок не плакал – видимо, был в шоке.

- Это пчела! Вот жало торчит, - услышала Зоя Тамару. – Надо его удалить.

- Ты уверена? – спросил Серёжа.

Тамара скользнула по нему невнятным взглядом с ноткой раздражения. Зоя глянула на ребёнка – тот был бледный и с мучительным выражением лица чесал свою руку, не добираясь, впрочем, до места укуса, над которым полный контроль взяла Тамара.

- У тебя есть кредитка?

- Зачем тебе? – не понял Серёжа.

Но Тамара не ответила. Она сосредоточенно приблизила к себе руку Тимофея, поднесла палец к месту укуса и аккуратно подковырнула жало ногтем.

- Есть! – победоносно воскликнула она, поднимая палец с извлечённой занозой, струсила жало и обратилась к мальчику. – Ну, ты как, малой? Что, чешется? Сильно? – обернулась к Серёже – Что-то он мне не нравится. И посмотри, как у него вспухло – где укус. Похоже на аллергию. Наверное, надо вызвать скорую.

- Уже звоню, - отозвалась Зоя у неё за плечом, и через секунду диктовала адрес и лаконично – суть происшествия. – Скорее всего, аллергия. Будут через пять минут, - сказала она, пряча смартфон в карман. – Сказали, пока ждём – приложить холодное. И дать антигистаминное.

- Антигистаминное. И где его взять?

- Где ближайшая аптека? – спросила Зоя у Серёжи.

- Далеко, - Серёжа покачал головой.

- Где бы ни была, я сгоняю, - вызвалась Зоя. – Что брать?

- Маша! – гаркнула Тамара. – Какое детям антигистаминное можно?

- Фенистил, наверное... - промямлила Маша.

- погоди, Зоя! – вдруг сообразила Тамара. – Серёжа, а вы с соседями не общаетесь? Может, просто позвонить в любой дом – неужели не дадут таблетку для ребёнка. Ты можешь сделать?

- А может, Люду позвать? Она бы заодно и фенистил принесла, - предложил Серёжа.

- Что-то он мне совсем не нравится, - встревожилась Тамара. – Малой, ты как? Тимофей!

- Чешется очень, - вымученно ответил мальчик. Было видно, что ему не по себе. Он как-то ослаб и даже с трудом ответил на вопрос.

- Отошла отсюда! – вдруг закричала Лолита.

Тамара повернулась на этот крик и увидела, что позади неё, внимательно глядя на придерживаемого ею ребёнка, стоит, дрожа всем телом и со слезами на глазах, Маша. Услышав грозное Лолитино восклицание, она слабо отмахнулась.

- Готовься, Тамара, сейчас ещё одну откачивать будешь, - злобно сказала Лолита.

- Извините, у вас фенистила не найдётся? Очень срочно нужен фенистил – ребёнка пчела укусила! Пожалуйста – как оказалось, Зоя успела позвонить в несколько соседних домов. Оттуда стали выходить люди. – Есть? Ура! Давайте! И воды!

- Он в виде сиропа, его не нужно запивать. Пол минуты! – воскликнула отзывчивая женщина с порога одного из домов.

- Ты куда? – только и успела окликнуть Лолита куда-то вновь помчавшуюся Зою.

- Вон магазин на углу! Возьму мороженое, чтобы холод приложить!

Через пять минут Зоя вернулась без мороженого, но с бутылкой молока и так торопилась передать его Тамаре, что слегка подбросила и, если бы не ловкость последней, перехватившей бутылку на лету и тут же припечатавшей холодное доньшко к Тимофеевой ручке, пришлось бы Зое бегать второй раз. К этому моменту, впрочем, Тимофею уже заметно полегчало: он проглотил антигистаминное и потихоньку приходил в чувство.

- А ведь надо Люду предупредить, - спохватилась Маша и, неловко высвобождаясь из Лолитиных рук, совершила движение, будто собиралась бежать, только ноги плохо слушались её. – Я сбегая скажу.

- Я сейчас её приведу! – неожиданно воскликнула Серёжа и буквально бросился бежать.

Скорая помощь приехала почти одновременно с соседкой, которую подвезла к месту происшествия прибывшая к её дому полиция. После недолгих уговоров фельдшера, нескольких ловких манипуляций, в результате которых ребёнок оказался в кабине машины, жарких и сбивчивых благодарностей в адрес Тамары и почему-то Серёжи, карета уехала в больницу, а полиция осталась выяснять интересующие их подробности.

- Пришла соседка, сказала, что пропал ребёнок, попросила помочь, мы пошли искать – так и оказались, - отвечая на очередной вопрос молодого, подчёркнуто-серьёзного, настроенного миролюбиво, но скептически лейтенанта, сообщила Лолита. – Кто из нас нашёл? Да вот! – она указала на Тамару.

С отъездом скорой помощи роль Тамары отошла на второй план, зато Маша понемногу справилась со стрессом и готова была достойно поддержать Лолиту в общении с правоохранителями.

- А где Зоя? – спросила Лолита, когда полиция, удовлетворившись полученными пояснениями, отбыла, и девочки с Серёжей собрались шагать домой.

- Дала уже дёру куда-то, - нервозно усмехнулась Маша. – А вон то – не она?

- Точно! – Лолита проследила за Машиным пальцем и идентифицировала Зою со спины, по мере того, как та с тревожной торопливостью, словно, и правда, спасаясь от кого-то бегством, удалялась по перпендикулярной улице. – Что у неё в голове?

- Как обычно, - добродушно усмехнулась Маша. – Высокие материи.

- А может – кто? – вбросила Тамара.

Лолита, скользнув по ней недоверчивым взглядом, снова с беспокойной задумчивостью уставилась в спину Зое.

Приверженность одной и той же идее не может быть безусловной. Как, например, даже самое вкусное блюдо не годится в пищу, если слишком долго стояло, или даже самый лучший хлеб нельзя есть, если он обуглился, так и всякая идея должна быть проверена на предмет пригодности.

В каком-то селении – Зоя читала – проводили испытание для пар, решившихся развестись: на месяц их изолировали в крошечном заброшенном доме с минимальными удобствами и тюремным рационом. По прошествии месяца из трёхсот пар, пожелавших развестись, развелась только одна.

Такой эксперимент – яркий пример того, что Донов называл крушением идей. Игра в крушение идей была одним из его любимых развлечений. Например, от многолетнего убеждения, будто из печёнки невозможно приготовить вкусное блюдо, Донову пришлось отказаться, когда он попробовал фаршированную куриную шейку. А идея, что дети, и особенно мальчики, больше привязаны к

матерям, упокоилась вместе с родной матерью Донова, когда он убедился, что и после её смерти неизменной осталась близость его именно с отцом. Целью своих изысканий Донов считал вычленение несокрушимых идей или абсолютов. То есть, соглашаясь с относительностью всякой идеи и неразрывностью её связи с контекстом, Донов стремился опровергнуть это убеждение. В этом противоречии, на которое Донов был нанизан, как кусок мяса на шампур, раскрывался весь Донов, в своей раздражающей нелепости и обезоруживающей гениальности, абсурдный в не меньшей степени, чем убедительный. Зоя, относящая к его фетишу идеи-абсолюта с умеренно-злым скепсисом, однажды спросила у него:

- Ну а как тебе идея о женитьбе? Посети она тебя, насколько тщательно ты проверял бы её, прежде чем признал бы условно-несокрушимой?

- Идея о женитьбе не может быть несокрушимой по определению, - серьёзно возразил Донов, даже не догадываясь, какое мучительное удовольствие доставляет своей подруге такими словами. – Все эти заверения в вечной любви – бред сумасшедшего. Никакие гарантии, никакие обещания, никакие упрёки здесь неуместны. История любого разбитого сердца, любого расторгнутого брака – это доказательство моих слов. Попытки вписать любовные отношения в какие-то схемы, а тем более, распределить внутри них роли, - смехотворны. Даже безумный романтик, клянущийся в любви, которая переживёт саму вечность, должен осознавать, что все его свидетельства действительны лишь для данного мгновения, а если он этого не осознаёт, он не безумец, а глупец.

- Поэтому некоторые люди никогда не женятся и не выходят замуж? – предположила Зоя. – Оттого что слишком глупы, ожидая несокрушимости от идеи женитьбы?

- Выбрось это из головы, - нахмурился Донов. – В выбранном тобой контексте мои слова превращаются в фарс.

Зоя нервно захихикала над собой, выходя на небольшую площадку с качелями, горками и каруселями. На площадке было пусто. Зоя уселась на качели и слегка раскачалась. Пошарив по карманам, она разочарованно обнаружила, что забыла сигареты.

Смертельная болезнь общего ребёнка может развести мужчину и женщину. Пропажа общего ребёнка может объединить их в горе. Благополучие и безбедная совместная жизнь могут разрушить гармонию супружеской связи и привести каждого из них к измене. За пылкой страстью может скрываться взаимная ненависть. Счастливый с виду брак может оказаться террасой многоярусной лжи. Бесконечные и беспричинные ссоры, взаимные оскорбления и обвинения – жизненной дорогой людей, неразлучных до гробовой доски.

Мы заикливаемся на других: слишком долго и внимательно наблюдаем за ними, слишком придирчиво сравниваем их достижения с собственными, слишком рьяно критикуем их недостатки, чрезмерно маскируем мотивы и излишне веско аргументируем убеждения, наша жизнь становится чередой реакций и эмоций в ответ на чужие действия.

Ничего, ничего, ничего в них не было. Будто эта книга в её руках и весёлый визг их ребёнка могли служить признаком несокрушимости. И вдруг Зоя вспомнила – борода, и уцепилась за это. Никогда они с Доновым не могли бы стать этой парой – никогда бы Донов не отрастил бороду в угоду повсеместной моде.

Зоя снова обшарила карманы, будто эта реальность – реальность нового поиска – могла отличаться от предыдущей и даровать ей вожделенное курево.

Зоя прижала к губам указательный и средний палец и втянула воздух, как бы имитируя тягу, и вдруг увидела, словно со стороны, Машину соседку Люду: как она общается с домочадцами и ссорится с соседями – образцово-показательными мещанами Машей и Серёжей, располагающими возможностью достойно принять приятных людей; вспомнила про Лолиту и Тамару, олицетворяющих драгоценнейший период её жизни, являющихся едва ли не единственными людьми, с которыми Зоя встречалась, удовлетворяя своё искреннее желание, а не нормы приличия или праздно-машинальную жажду разнообразия; представила, как они с девочками сейчас, под действием совместно пережитого, поведут один из самых душевных разговоров, какие только случаются в жизни; вообразила, как с этой поры в её мире вновь возникнет Лолита с её сестринской внимательностью и трогательно-навязчивой заботой; и не смогла уклониться от схватившего её за барки вопроса: зачем всё это было бы ей нужно, будь у неё Донов. Разве хоть на одну минуту захотела бы она оказать там, куда ей сейчас предстоит вернуться, если бы он был у неё?

Вместе с Петей они сели в метро. Зоя не сразу заметила, что вагон пустой, и – через стеклянные двери – что соседние вагоны тоже пусты. Они ехали молча, тормозя на станциях лишь на пару секунд, потому что там тоже никого не оказывалось. Метрополитен был пуст. Парализованные тревогой, они продолжали ехать, некоторое время не в силах даже пошевелиться, как вдруг им сообщили по громкоговорителю, что поезд предназначен для перевозки заключённого. После этого поезд остановился, и раздался звонок, словно звонили в дверь. Петя подошёл к панели, прикрепленной к корпусу вагона (откуда такая в метро?), нажал какие-то кнопки, дверь открылась, и в вагон вошли двое людей. Интуитивно Зоя поняла, что один из них – заключённый (и избегала смотреть на него), а другой – его сопровождающий. Петя вернулся к Зое, а сопровождающий сел напротив них и предупредил, что сейчас будет предпринята некая экстренная мера, сопровождаемая очень громким звуком. Зоя спросила, могут ли они выйти или пересест в другой вагон, на что незнакомец усмехнулся и ответил, что, конечно же, нет, ведь всё уже заблокировано (что это значит?). Зоя спросила, насколько громким будет звук, в надежде, что он объяснит, что именно будут делать, но человек ответил однозначно: очень громко. Зоя спросила, не помогут ли им заглушки, но ответа не получила. По каким-то причинам то, что собирались делать с заключённым, отложилось. Впрочем, Зоя так и не поняла: касалась ли процедура только заключённого или их всех. И мучилась догадками, то ли они вняли просьбе случайных пассажиров не беспокоить их своими экстренными мерами, то ли им помешало что-то другое.

Выйдя из метро, Зоя с Петей оказались у ворот дворика, где – Зоя знала – располагалось ближайшее к дому её родителей почтовое отделение. Человек, который сопровождал заключённого, был тут же. По округе были рассеяны небольшими группками с полсотни людей. Зоя услышала, что человек из метро говорил по телефону:

- Ага, значит, завтра в два часа дня.

Зоя сообразила, что та процедура, о которой упоминалось в метро, случится завтра в два часа дня. Тогда она услышала Петин голос, задающий конкретный вопрос: что именно случится завтра в два часа дня? На что сопровождающий из метро ответил, что завтра в два часа дня будет череда ядерных взрывов.

- И что будет после этого? – спросил кто-то из людей.

- Ничего, - ответил человек. – Предположительно всё затопит, а спустя время вода на планете опустится до определённого уровня.

Зоя оглянулась, но уже не увидела Пети и осталась стоять с тревожным чувством, всё больше склоняясь к мысли, что это сон.

Она проснулась от детских криков, вернувшихся на площадку с окончанием послеобеденного сна, вскочила с качелей, не замечая косые взгляды нянь в свою сторону, и устремилась туда, где должен был быть Машин дом.

Ворвавшись во двор через открытую калитку, Зоя первым делом кинулась к первой попавшейся ей на глаза пачке сигарет. После трёх затяжек она с заимствованной у Лолиты претенциозностью потребовала:

- Дайте мне выпить! Срочно!

Спустя полчаса, немного накачавшись вином и окончательно расслабившись, женщины повели оживлённый разговор, в то время как их руки уже работали, приближая всех к трапезе. Они взаимодействовали, не сговариваясь, сервируя стол, разогревая остатки еды, нарезаая свежие салаты, балык и сыры, смешивая взбитые яйца со спаржей, намывая фрукты, наполняя вазочку домашней выпечкой и магазинными сладостями.

За стол садились благодушные, на время примолкли, с аппетитом поглощая по первой порции наготовленного, обмениваясь довольным гримасами и междометиями. Постепенно напор разговора вновь усилился, как и напор вина.

Укрывшись в кулисах подоспевшего вечера, словно артист после удачной премьеры, Зоя отдалась странному чувству неуязвимости и свободы. И пока в ушах ещё звучало эхо аплодисментов, в сердце уже поселилась сладкая тревога - предвестник перемен и нового триумфа. Ей казалось, будто мир существует только для неё.

- Тамарочка, мы говорили, что надо бы набрать Люду, узнать, что с ребёнком, но так и не позвонили, - озвучила Маша одолевавшую её мысль.

- Наверное, - Тамара пожала плечом с видом, говорившим о том, что она своё дело сделала, а правила хорошего тона – не её парафия.

Маша обратилась к мужу.

- Серёжа, наберёшь Люду?

- Я?

- Мне как-то неудобно, - призналась Маша. – Ты с ней так здорово ладишь... Ладно, - осознав бесполезность собственных надежд, Маша сама набрала номер и смущённо отошла в сторону, чтобы её реплики не были слышны. Вернулась она через минуту с сияющим лицом. – Тимофею намного лучше. Его прокапали, аллергические проявления ушли. Но они решили переночевать в больнице – так спокойнее. К тому же, завтра должны быть результаты анализов – ведь сама по себе такая реакция у ребёнка не норма. Не говоря уже о том, что повторный укус теперь очень опасен: если аллергия возникла однажды, то в следующий раз она будет ещё более выраженной. Надеются завтра получить консультацию по лечению и вернуться домой. Конечно, не мешало бы туда съездить. Отвезти им что-то перекусить, какие-то элементарные вещи.

- Ладно, давай я съезжу, - подумав секунду, вызвалась Тамара. – Собирай, что ты хочешь передать.

- И тебе не в лом? – поразила Лолита.

Тамара недоумённо пожала плечами.

- Может, правильное нам всем поехать? – пришло на ум Зое.

- Ещё чего не хватало!

- Я тоже съезжу, - помолчав с минуту, проговорила Зоя. – Неправильно ей одной ехать.
- Серёжа съездит вместе с ней, - придумала Маша. – Съездишь, Серёжка?
- Легко, - согласился Серёжа.
- Вот и всё, не дёргайся, - остановила её Маша.
- Вызывай такси, - обращаясь к Серёже, сказала Тамара.

Снабдив Тамару боксами с едой, бутылкой компота, кульком с футболками, спортивными штанами, халатом, полотенцами и простынями, Маша в знак благословения чмокнула каждого, Тамару и Серёжу, в щёку и отступила от машины, в которую те загружались на заднее сидение.

- Не забудьте фото с голодающими для соцсетей, послы, вашу мать, ЮНИСЕФ, - гаркнула Лолита под приглушённый гогот стоящей у неё за спиной Зои.
- Я прослежу, чтобы Серёжа не усыновил вам пару пацанов, - выкрикнула Тамара воодушевившейся Маше, прежде чем захлопнуть дверь.

Такси отъехало. Лолита исчезла в доме – ей понадобилось в туалет. Маша, довольная, успокоенная, повернулась к Зое с тёплой улыбкой, но в следующий миг её брови вопросительно взметнулись, потому что Зоино лицо было озабоченным.

- Маш... - Зоя вскинула на неё ясные глаза. - А что значит вот эта фраза: «все знают, что для неё – Оля». Что для меня Оля?
- И ты туда же? Требуешь отчёта у маленькой Маши?
- Но ведь нечестно только Оле иметь такое право. Скажи мне, что ты имела ввиду?
- Ну, все знают, что ты в неё чуть ли не влюблена, - сдалась Маша и усмехнулась удивлению в Зоиних глазах.

Поглаживая пакеты с гуманитарной помощью для злобной соседки, Тамара с улыбкой поглядывала на Серёжу, который то пялился в смартфон, то сосредоточенно следил за дорогой (таксист выбрал странный маршрут).

- Восьмая больница – лет пять не была в этих краях. Как же она мне нравится...
- Интересно, чем?
- Расположением. Тихие тенистые улочки, через дорогу вниз море. На территории много деревьев и скамеек. Не больница, а санаторий. Обожаю этот район. Если уж лечиться в больницу, так непременно в восьмую, - так я всегда рассуждала. А ещё – не поверишь – мечтала вот так кого-то проводить в восьмой больнице, чтобы можно было присесть на одну из тех скамеечек, посидеть в тишине, пока мой пациент на процедурах, выкурить сигаретку.
- А, так мы сейчас осуществим твою мечту, - кивнул Серёжа.
- Прогуляться по территории, - продолжала Тамара. Серёжа снова кивнул с улыбкой, но глаза его уже вновь смотрели в экран смартфона. – Только лучше бы это был май, а не октябрь. А вообще, насыщенный сегодня день, - мечтательно добавила Тамара, повернувшись к сменяющимся за окном пейзажам. – Полный необычных впечатлений. Люблю, когда так.
- Зачётно ты сегодня. С Тимофеем не растерялась, - отметил Серёжа и одарил её очарованным взглядом.

Тамара махнула рукой, мол, это само собой разумеется, но ухватила за нить темы.

- А тебя весь день что-то гнетёт.

- С чего ты взяла? – Серёжа отвлёкся от смартфона и внимательно посмотрел на Тамару.

- Это довольно заметно, знаешь? - сказала Тамара, прикусив губу. – Ты растерянный и какой-то подавленный, - она проследила, как Серёжа выпустил взгляд из машины, и тот напряжённо заёрзал снаружи, и вдруг, с решительностью, обрамлённой робостью, обхватила его плечо. – Скажешь мне, почему?

Серёжа скользнул глазами по её пальцам на своём плече, а потом положил сверху руку и похлопал по ним.

- Мне очень льстит твоя забота, - сказал Серёжа с неуклюжим пафосом. – Но я тебя уверяю, что со мною всё в порядке. Просто сегодня выходной. Я как бы выключаюсь и становлюсь спокойным как удав. Но я вовсе не подавлен, - он снова скользнул взглядом за её рукой, покидающей его плечо, взглянул на неё и улыбнулся. – Мне, правда, очень приятно, что ты заботишься.

Уголки Тамариных губ непроизвольно дрогнули. Она кивнула с выдавленной улыбкой, но взгляд уже мчался за мыслью, которая тронула её своим остриём и унеслась, так и не показавшись ей.

Они молча доехали до больницы, молча прошли по зыбко освещённым аллеям до корпуса, куда поместили Тимофея, натянули на обувь бахилы и вошли в бежевый коридор, по левой стороне которого размещались палаты, а по правой – окна во внутренний двор больницы. Из палаты в конце коридора тут же показалась Люда, - она словно давно поджидала их, а, завидев – восторженно и, припрыгивая, пустилась навстречу.

- Мои спасители! - она бросилась на шею Серёже, и когда отпустила его, в её глазах читалось желание обнять также и Тамару, но она сдержала себя и лишь горячо пожала ей руки.

Это была совсем не та женщина, что приходила к ним ругаться днём: она встречала их, словно самых дорогих гостей, вся светилась и почти парила перед ними. Люда провела их в палату, стала хлопотать, чтобы они разместились удобнее у койки посвежевшего Тимофея, её рот не закрывался ни на секунду. И тут к Тамариному изумлению засветился в ответ и Серёжа. Он взял у Тамары кульки и собственноручно передал соседке, точно описывая их содержимое, а ведь Тамара готова была поклясться, что он понятия о нём не имел, затем подробно расспросил об их времяпровождении в больнице, каждый ответ комментировал, каждый комментарий скреплял словами поддержки. Оказывается, он умел строить сложные предложения. Умел внимательно слушать, угадывать концовку фраз, умел быть предупредительным, умел шутить и даже смеяться.

- Ты не смущайся из-за нас, корми ребёнка, и сама поешь, - сказал Серёжа таким тоном, что Тамара почувствовала желание подчиниться, если бы он был обращён к ней. И тут Серёжа заговорил с Тимофеем. - Ты как, чемпион, держишься? Смотри, что у меня есть, - вытащил из кармана лазерную указку, нажал кнопку, на стене возникла яркая зелёная точка. Мальчик с любопытством принял у него фонарик. – Только, чур, не вешать нос, - Серёжа подмигнул ему.

Тамара точно помнила, что Маша фонарик не передавала. Значит, это была личная инициатива Серёжи.

- Люда, глянь, всё ли тебе подходит, прежде чем мы уйдём.

- Всё идеально, - не глядя, покачала головой соседка. – Я всегда подозревала, что ты – наш ангел-хранитель. Но сегодня у меня отпали последние сомнения.

- Точно! - хлопнула себя по лбу Тамара. – А я всё не могла понять этот метод: стоять над ребёнком и что-то повторять. Но раз ангел-хранитель, тогда, конечно! Видно, то была чудодейственная молитва!

Когда они сели в машину, Серёжа повернулся к ней, смотрящей в окно и игнорирующей этот взгляд.

- Почему ты так меня презираешь? – спросил он.

Тамара колебалась, удосужить ли его ответом.

- Ты несправедлив ко мне, - в Тамарином тоне не было обиды, не было обвинения, не было злости. Она словно констатировала непреложную истину, и в этот раз – в свойственной ей манере осознания собственного превосходства. – Видимо, ты перепутал с презрением моё благоговение. Перед тобой.

- Тебя задело, что Люда по простоте душевной приписывает мне часть твоей заслуги?

- Вовсе это. Меня задевает, что я по простоте душевной сочла мужчиной ангела.

- Ох и опасная ты женщина, Тамара. Рядом с такою и ангел падёт.

- Это совершенно не смешно, - огрызнулась Тамара. – Но меня так и тянет смеяться.

Она отвернулась к окну, и остаток пути оставалась в своих мыслях, изредка улыбаясь чему-то.

Зоя, Маша и Лолита пили кофе во дворе, являя собой столь умиротворённую картину, что она просилась на холст. С наступлением вечера потеплело, было очень тихо, и Зоя испытала ту особую свободу – неотъемлемое ощущение идеального вечера – которая наступает по завершении всех дневных дел и ради которой эти дела, возможно, и затеваются. Маша отсербнула кофе, бросила лукавый взгляд на обеих своих подруг и спрятала улыбающиеся губы в чашке. Лолита невольно залюбовалась ею.

- Ты такая сияющая...

- Я очень рада, что вы рядом, - призналась Маша. - Меня преследуют дежавю и самые сладкие фантазии. Я словно смотрю сериал, в котором играю главную роль. Беверли Хилз наяву, - Маша сбросила с себя шерстяной кардиган. – Жарко.

- Ты хорошо выглядишь, - Лолита смерила Машу оценивающим взглядом. – По скайпу мне казалось, что ты полнее. Как для матери двух детей у тебя довольно стройная фигура.

- Ну, не будем смешивать понятия, - серьёзно возразила Маша. – На понятие «стройная фигура» количество детей никак не влияет. Если захочешь точно узнать, что это такое, разденься перед зеркалом. Что до меня, этой зимой я, правда, умудрилась не набрать вес, а в марте даже похудела на три килограмма. До стройности мне ещё далеко, но я, наконец, вернулась к весу пятилетней давности, а это большой прогресс для меня.

- Ты так заморачиваешься, - пожала плечами Лолита. – Из-за фигуры. Ты счастливая женщина: смотришь на тебя, и сердце радуешься. О чём ещё можно мечтать? Только питать и укреплять этот мир-мечту...

- И, тем не менее, - многозначительно закивала Маша. – Легко рассуждать, имея идеальную форму. А мне... ты не представляешь, до чего обидно, будучи изящной девушкой, в двадцать пять превратиться в толстуху. Первое время я стыдилась выйти на улицу без ребёнка – Соня служила мне мало-мальским, но оправданием,

потому что я всегда считала, что иметь лишний вес непростительно. Я мечтаю о том дне, когда смогу пойти на пляж без детей и без стеснения показать свои формы, - Маша покосилась на Зою. – Чего ты усмехаешься?

- Улыбаюсь тому, насколько безобидны твои комплексы, - призналась Зоя.

- Типа, мне бы твои проблемы? – чуть обиделась Маша. – Чужие комплексы всегда кажутся несерьёзными, а их причины – выеденного яйца не стоящими. Но на то они и комплексы, что им удаётся сильно подпортить нам настроение, а иногда и жизнь.

- Ты права, - согласилась Зоя и добавила задорно. – Но знаешь, что? Ты мне напомнила Наташу Ростову, славившуюся своей грациозностью в детстве и сильно располневшую в конце романа, когда стала многодетной матерью.

- Напомни, она беспокоилась по поводу внешности? – заинтересованно спросила Маша.

- Ни капли. Она была поглощена семьёй и материнством. Помню, это неоднозначное превращение тогда потрясло меня до глубины души: вся такая многообещающая, очаровательная, живая Наташа, и вдруг – унылая клуша. Но спустя время я стала думать, что здесь сказался разделяемый автором приоритет женщины-матери и женщины-жены перед другими женскими ипостасями. Ведь Наташа Ростова представлена прекрасной в своём новом образе, хотя в наше время прекрасное в ней может показаться неправдоподобным.

- Наташа Ростова – это же из Толстого? – уточнила Лолита.

- Главная героиня «Война и мир», - сказала Маша, и в её тоне невольно проявилось то укоризненное снисхождение, какое отличницы испытывают к троечникам.

- Я «Война и мир» не читала, - сказала Лолита. – Только Каренину. Уже в Америке. В один период моей жизни её сюжет был мне очень близок, и я проглотила её буквально за неделю.

- Прелесть, какая компания, - прыснула Зоя. – За одним столом с Ростовой и Карениной.

- Я не сказала, что отождествляю себя с Карениной, - поправилась Лолита.

- Не думаешь же ты, что я тебя отождествляю с этой дурой! – воскликнула Зоя. – Просто к слову.

- Почему с дурой? – с недоумением поинтересовалась Маша.

- Ну... - замялась Зоя. – Женщина, которая бездумно отдаётся своему чувству, пренебрегая здравым смыслом, почему-то не вызывает у меня жалости. И уж точно не ассоциируется с Олей.

- Возвращаясь к вопросу комплексов... - улыбнулась Лолита и пристально поглядела на Зою. – Я думаю, её беда в том, что она была несамодостаточна. Плохо понимала, что нужно мужику. Мало любви, надо уметь составить чьё-то счастье.

- Что значит – уметь составить чьё-то счастье? – заинтересовалась Зоя.

- Это значит, быть таким человеком, чьё присутствие будет давать другому чувство свежести, полноценности, правильности.

- И чьё отсутствие будет лишать жизнь смысла? – продолжила Зоя.

- Понимаешь, Зо-Зо, - Лолита посерьезнела. – Такие люди, как Анна Каренина, слишком романтизируют отношения между мужчиной и женщиной. Все эти «не могу без него жить», «задыхаюсь в разлуке», «ни о чём другом не думаю» - что

рюшики на платье. Лирические отступления от жизни. Для них существуют подходящее время и место, но нужно же понимать, что не всегда они уместны: если каждый день одеваться в рюши - представь, как скоро это надоест не только окружающим, но и тебе самой.

- Вот видишь! – впечатлённо воскликнула Зоя. – А я знаю себя. Я максималистка. И история Карениной – как предостережение для меня. Если бы позволила отдаться своему чувству, со мной произошло бы то же самое – я бы жила этим человеком, и требовала бы, чтобы и он жил мной. Я, может, и смирилась бы с тем, что у него есть мысли, посвящённые не мне, но ревновала бы его к каждой из них.

- О-хо-хо, - покачала головой Маша, обмениваясь с Лолитой многозначительными взглядами. – Теперь мне понятнее...

- Правда? – подхватила Лолита, своим тоном пытаясь предостеречь Машу от продолжения мысли.

- Что понятнее? – вскричала раззадоренная Зоя. – Почему я не замужем? Почему одна?

- Одна моя одинокая подруга (она ходит к психологу, чтобы разобраться в себе и наладить личную жизнь) рассказала, что она услышала на сеансе, - продолжала Маша, не заметив намёка в Лолитином взгляде. – Когда человек, мужчина или женщина, долгое время хранит привязанность к недостижимому образу (например, к занятому партнёру или какой-нибудь звезде с вагоном поклонников или просто годами хранит безответную любовь), - это признак того, что человек избегает реальных отношений. Такому человеку может быть достаточно самого состояния влюблённости, он много мечтает, но возникни перспектива воплотить мечту в реальность, человек отказался бы от неё. Например, если бы кумир тысяч людей вдруг запал на одну из своих самых преданных фанаток, то очень вероятно, что именно она и отшила бы его в итоге. Потому что ей нужен не он сам, а тот эмоциональный фон, которому он служит, - Маша обвела подруг взглядом, проверяя, впечатлены ли они её соображениями.

- Ты полагаешь, что это касается и меня? – несколько разочарованно, но с миролюбивой улыбкой спросила Зоя.

- Честно говоря, - да, - призналась Маша.

- А я так не думаю, - мягко возразила Лолита, и была вознаграждена благодарным взглядом Зои. – Но пойми, Зо-зо, наши возможные заблуждения по поводу тебя вызваны тем, что мы не имеем понятия, чем ты живёшь. С кем общаешься, как проводишь время, чем интересуешься. Я не могу вспомнить ни одного мужского имени, чтобы сказать: а, ну да, это Зоин бывший.

- Как будто мужское имя что-то сказало бы тебе обо мне, - усмехнулась Зоя. – Даже если бы я назвала...

- Мне важно, чтобы они в принципе были, - сказала Лолита, делая эту жертву откровенности даже ценой того, что могла уязвить Зою. Но Зоя не обиделась.

- Были, - кивнула она с тем утешительным видом, с каким дочь, признаваясь матери в своих интимных связях, заверяет её, что пользуется презервативами, и запила это признание остатками вина в своём бокале. И в следующем своём взгляде на Лолиту позволила себе немного лукавства.

Зою забавляло возбуждённое внимание девочек, эта их сосредоточенность на ней – ровно такая же реакция следовала со стороны всех других людей, при ком она начинала немного говорить о себе. Зоя уже не могла припомнить, сколько лет назад в последний раз испытывала подобное, но и тогда, и теперь чувствовать эту заинтригованность собой было очень приятно. В течение тех пятнадцати лет, что

она знала Донова, он вознаграждал её этим ощущением всякий раз, когда она комментировала его мысли или делилась догадками на интересующие его темы. Эта мысль, впервые сформулированная, доставила ей невыразимое удовольствие, и ещё улучшила её настроение.

- Понимаю, что ты хочешь сказать, - кивнула, между тем, Лолита. – Конечно, сведения о твоих мужчинах не раскрывают тебя саму, но они позволяют понять многое. И, в конце концов, любой нормальный женский разговор должен рано или поздно свестись к мужикам.

Зоя вдруг рассмеялась, но выражение её лица смутило Лолиту, потому что невозможно было определить, то ли её подруга смеётся из-за её слов, то ли по другим неясным причинам.

- Ты никогда не была особенно общительной, - продолжала Лолита, вглядываясь в подругу, пытаясь на её лице уловить ответ на свои слова. – Сомневаюсь, что со школы это изменилось. Два-три человека, с которыми ты поддерживаешь связь, и, наверное, всё.

- Так и есть, - тряхнула головой Зоя. – Это легко.

- И Донов среди них, - скорее утвердительно, чем вопросительно, добавила она.

- Да, - охотно призналась Зоя.

- Умный и небанальный малый. С такими ребятами полезно поддерживать общение – они помогают вырваться из рутины.

- Это точно, - Зоя даже замерла на миг, впечатлённая её характеристикой.

- Я помню Донова, - мечтательно проговорила Лолита. – Помню, чем он всегда отличался от этих меланхоличных философов, задротов-эрудитов и просто меркантильных хитрецов. В нём не было корысти и не было занудства и, самое главное, не было суицидальных наклонностей и этой тошнотворной склонности к депрессиям. Буэ, - она забавно сгримасничала, вызывая весёлый смех у Зои и улыбку у Маши. – У него был конструктивный философский ум и жизнеутверждающее мировоззрение. Надеюсь, всё так и осталось.

- Абсолютно, - с гордостью, как показалось Лолите, подтвердила Зоя.

- При полной непригодности к быту, свойственной таким фантазёрам как Донов, он всё равно потенциально один из лучших мужей, потому что – как я уже сказала – жизнеутверждающей энергии там дай боже. А нормальной женщине что нужно – периодическая здоровая зарядка, и она горы свернёт на своих фронтах, - Лолита прервала свою фантазию вопросом. – Вы часто, много общаетесь?

- Довольно-таки.

- Но Пётр – не в списке твоих мужских имён? – в шутку уточнила Лолита.

- Да нет, конечно, - воскликнула Зоя, качнувшись, как маятник. – Мы так близко общаемся и так хорошо друг друга знаем, что романтические отношения между нами просто невозможны.

- Да, бывает такое, - задумчиво кивнула Лолита. – Например, между братом и сестрой... Но он, ты говорила, я помню, не женат. В чём же дело? Не нашёл своё?

Зоя, поджав губы, с сомнением пожала плечами.

- Возможно, не нашёл... Вообще, откровенно говоря, у Донова всегда были немного другие приоритеты. Я имею ввиду, - в ответ на округлившиеся Лолитины глаза Зоя попыталась объяснить, но не сразу нашла слова. – Он так высоко парит... Не каждой женщине в быту подойдёт такой муж. Начнутся

разочарования, неоправданные ожидания, потом упрёки, претензии, требования, в конце концов, беспробудное взаимное мучение и жалкие потуги добиться «всё будет хорошо» и прочие ямы, в которых так удобно хоронить творческое начало. И хотя я полностью согласна насчёт жизнеутверждающего заряда, но всё же представить Донова-семьянина, хоть убей, не могу. Хотя однажды... чуть не случилось.

- Да ладно! – возликовала Лолита. – И почему же, почему же нет?!

Зоя, видя неподдельное любопытство в глазах обеих подруг, и предвкушая то ни с чем не сравнимое, с греховной горчинкой, наслаждение, какое сулит разбор сплетен, смачно затянулась и, выпуская дым, закрыла глаза, как бы настраиваясь на нужную волну, хотя сама уже плескалась в этом океане страстей.

- Он влюбился, - Зоя перевела напряжённый взгляд влево, где проходили картины прошлого, и сглотнула. – И стал не от мира сего. То есть, я хочу сказать... Донов всегда был немного психом, но когда влюбился – его странность и непредсказуемость словно возвелись в квадрат. Иной раз он мог часами увлечённо говорить о работе и вдруг умолкнуть, как будто у него сели батарейки. Иногда он незаметно погружался в глубокий транс – вообще не слышал, что я ему говорю, как будто переставал воспринимать внешний мир. Как и все влюблённые, он стал сентиментальным и щепетильным: перестал реагировать на шутки, а временами мой безобидный стёб его откровенно раздражал. Впрочем, был беспроектный способ поднять ему настроение – начать говорить о ней. Эту тему он мог поддерживать, наверное, бесконечно. Он стал... - Зоя не уследила за складкой отвращения, которая на минуту искривила её губы. – Каким-то плоским. Парадоксально, но эта его усилившаяся странность сделала его неинтересным.

- Он тебе разонравился? – улыбнулась Лолита.

- Совершенно, - подтвердила Зоя. – Ну, в том смысле, в каком он был мне симпатичен. Я перестала его понимать, перестала чувствовать, в конце концов, перестала даже пытаться предугадать его поведение.

- Ну а она? Какая из себя? Красивая?

- Она... Маленькая, хрупкая и ловкая как чертёнок. С крошечными ручками, которыми она вытворяла чудеса с глиной и тестом, могла что угодно соорудить из бумаги, вязала свитера, и даже галстук завязывала за тридцать секунд. Идеальный! Назвать красавицей? Наверное - нет. Но лицо – душа, невозможно не засмотреться, понимаете? Такая по-острому светлая, без тупых углов. Не было в ней и доли стервозности, никаких амбиций, никаких очевидных комплексов или фобий. Неземное существо, в котором – я его понимаю – хотелось иногда раствориться. Девушка, которая могла стать его домом, и он это чувствовал. А как она чувствовала его! То, что я узнала благодаря годам общения с ним, она угадывала мгновенно... - Зоя вдруг так и замерла с открытым ртом – на лице появилось горькое сожаление, словно от осознания упущённой возможности счастья для героя книги, которую она читала. Она стряхнула его с себя, взглянув на Лолиту. Та слушала её, уперев подбородок в ладонь, и иногда умилённо покачивала головой. Следуя за Зоей, её лицо выразило тревогу.

- Она умерла? – спросила Лолита.

- Нет, Господи! – воскликнула Зоя. – Всё не настолько трагично.

- Он изменил ей? – предположила со своей стороны заинтригованная Маша. – Она ему?

- И не настолько банально, - улыбнулась Зоя.

- Кто-то встал между ними!

- Не томи уже! – вскричала Маша.
- Всё несколько сложнее... - посерьёзнела Зоя. – Я не могу на сто процентов быть уверена, что правильно понимаю причины – как вы можете догадаться, Пете в душу с этой темой я не лезла.
- Но хотя бы твои догадки... - опасаясь остаться без развязки, взмолилась Маша.
- Как я уже сказала, Катя была идеальным домом. Для Пети, который путешествует по множеству миров, иметь такой дом было очень заманчиво. Но иметь дом – значит, заякориться, пустить корни, постепенно облениться и, в конце концов, потерять свои крылья... Я думаю, он вовремя увидел эту перспективу, и она напугала его, - Зоя многозначительно посмотрела на Лолиту, но по её недоумённому лицу поняла, что та не удовлетворена таким объяснением. Зоя вздохнула. – Внешним поводом для их разрыва стал нелепый случай – она уничтожила работу, на которую Петя потратил много месяцев. Это был наш совместный стартап: мы готовили материал для краудфандинга – знаете, что это, нет? Когда проект размещают на публичной платформе с целью собрать с миру по нитке для его реализации – каждый, кому понравится идея, может поучаствовать в финансировании. Мы посвятили этому проекту тысячу ночей, принесли в жертву сотни планов и, как бы пошло это ни звучало, потратили на него кучу средств. Катя мирилась с Петиними увлечениями, но хотя она чувствовала малейшие изменения его настроения, она так и не осознала, что его идеи и исследования – это смысл его жизни. Конечно, когда она невольно разрушила то, что он – мы! – так долго создавали, это шокировало его. Он как бы выпал из безмятежности, в которую она поместила его перед этим.
- Ничего не понимаю – с какой стати ей портить его работу? – напряглась Лолита. – Должна быть причина для такого поступка.
- Она и была! Катя с Петей собирались ехать в отпуск, где он сделал бы ей предложение – он признался мне, что планирует это. Я видела, что он не уверен на сто процентов, и понимала, что он будет действовать по наитию, - от этого отпуска тогда многое зависело. Перед отъездом Петя усыпил проект, поставил все процессы на паузу, но в ночь накануне Петиного отъезда полетел сервер, на котором всё хранилось, и нам всем – пять человек, наша импровизированная команда – пришлось спасать наши наработки. Это была адская ночь: я, с температурой под 39, программисты, искусствовед и поседевший у нас на глазах Донов, мы не присели ни на минуту. Я думала, что умру. В пять утра я вырубилась прямо на диване в лаборатории. Донов умчался, как только смог, но опоздал на самолёт. Что было дальше – я помню как в тумане. Меня разбудил шум. Голова раскалывается. Жар. Я вижу Катю, циферблат. Семь пятнадцать. Свет. – Зоя прищурилась, вспоминая. – Всё, что мы соединили, всё, что спасли в ту ночь, она отправила в небытие, запустив в стену аварийный жёсткий диск. Маленькая девочка, доведённая до иступления. Это было... дико и потрясающе, - Зоя сокрушённо покачала головой. – Когда Донов узнал об этом, он не мог найти слов и не хотел их искать. Он считал, что всё очевидно, и объяснять нечего. Он просто исчез. А она и не навязывалась, не особо стремилась выяснять отношения. Всё просто оборвалось, как будто они перестали существовать друг для друга. Очень странный разрыв, но, наверное, закономерный, - Зоя закончила в полной тишине. Лолита и Маша подавленно молчали какое-то время. Зоя и сама приуныла, медленно водя рукой с сигаретой ко рту и в сторону.
- Обалдеть, - нарушая церковную тишину, произнесла Маша. – Расстаться из-за такой херни с женщиной, на которой собирался жениться. Как это тупо.

- Я думаю, всё было глубже... - осторожно возразила Зоя. – Спустя время Донов с облегчением вспоминал эту историю, и гораздо больше радовался тому, что избежал ошибки, чем сокрушался по поводу потерянной работы. Этот эпизод сделал для него очевидным то, чего он прежде не замечал...

- Что, например? – спросила Лолита, словно только и ждала, пока Зоя подведёт к этому.

Зоя глубоко вздохнула.

- Как я уже сказала, Донов слишком любит свои миры. Он увидел обратную сторону того покоя и тихого счастья, которые обещала ему Катя, - угрозу утраты своих главных жизненных приоритетов.

- Нет, но почему она так поступила? - нервничала Маша. – Сорвался отпуск – да, это серьёзный повод, но недостаточный для такого агрессивного поведения.

- Я думаю, это была ревность, - понизив голос, сказала Зоя.

- К тебе?

Зоя снова глубоко вздохнула.

- Это была комплексная, безличная ревность. Или, точнее, ревность ко всему сразу: ко мне, к проекту, ко всей нашей команде, к ситуации, в которой он предпочёл работу их совместным планам.

Маша безотрадно покачала головой. Зоя покосилась на Лолиту, чьё молчание почему-то беспокоило её.

- Лолита сейчас скажет, что и это – результат завышенных требований к партнёру, да? – нервно хмыкнула Зоя, чтобы разговорить Лолиту.

- А что это был за проект? – выдохнув, поинтересовалась Лолита. – Очень любопытно.

- Приложение для смартфона, которое позволяет по картинке или по ассоциативному описанию отыскать произведение живописи и получить краткую или подробную информацию о нём. Идея Донова, естественно.

На секунду повисла пауза. Зоя испытующе глянула на Лолиту и собралась ещё распространиться, как вдруг её подруга выдала:

- Ну что ж, моя дорогая, если Маша – Ростова, а я – Каренина, то ты у нас, выходит, Настасья Филипповна собственной персоной.

Зоя непроизвольно сглотнула, мгновенно покраснела и с ужасом уставилась на Лолиту, словно не веря, что действительно услышала эти слова. Одновременно она внутренне сжалась, ожидая объяснений, но Лолита молчала, тем самым только усиливая напряжение.

- Что ты говоришь? – пробормотала Зоя.

- Я молчу, - безжалостно ответила Лолита, заставляя Зоины руки затрястись. – Что тут говорить. Я никогда бы не подумала, что ты на такое способна...

- На что способна?

- Только не нужно изображать из себя святую невинность, - раздражённо попросила Лолита. – Скажи мне только одно слово: что ты каким образом не повлияла на этот ваш сервер, чтобы он вышел из строя. Ни крошечного, даже самого незаметного, действия не сотворила, чтобы это произошло...

У Зои пересохло в горле. Она чувствовала себя так, словно избежала на шаткий мостик, повешенный над бездной, и, пока любовалась пейзажем, он вдруг начал рушиться прямо у неё под ногами.

- А знаешь, что? – крикнула ей с другого берега Лолита. – Даже если бы ты и сказала это слово, я бы тебе не поверила.

- Ты ничего не понимаешь, - не своим голосом сказала Зоя, опуская глаза и давая себе слово больше не открывать рот.

Лолита фыркнула.

- Ты собака на сене. Обыкновенная интриганка. А Донов – идиот, - добавила она, вдруг несколько смягчившись. - Я понимаю, что во все времена влюблённые женщины действуют одинаково. Но объясни мне, что, в таком случае, мешает построить нормальные отношения?

- Какие отношения? – нарушая данное себе слово, Зоя вытаращилась на неё. – Думаешь, я хотела, чтобы так случилось? Мне было любопытно, права ли моя интуиция, но я не плела никаких интриг!

- Разумеется! – воскликнула Лолита с видом архангела на страшном суде. – Как раз это понятно лучше всего. Он собрался жениться, и ты была в отчаянии.

- Ты не понимаешь! – истерички перебила Зоя. – Ни меня, ни его, ни всей это ситуации! Я его знаю, - она прижала руки к груди. – Он гений! Она одомашнила бы его, как старуха, дай ей волю, - золотую рыбку. Превратила бы его океан в аквариум. Я не была уверена, что его чувство к Кате – не более чем увлечение. Не могла быть уверена, что Катя – не его судьба. Если бы они прошли через это испытание... Будь между ними нечто стоящее – разве это помешало бы им? А так мои опасения подтвердились. В итоге это спасло их обоих. Зачем ты приписываешь мне несуществующие мотивы и цели? Зачем опошляешь и выкручиваешь всё так, как тебе кажется забавнее? Что бы ты ни говорила, я-то знаю, как было на самом деле! И я знаю, как это видит он! Он ни с кем не был так близок, как со мной! Какое, в конце концов, ты имеешь право делать свои грязные предположения, - Зоя яростно стиснула зубы и сжала кулаки под столом.

- Мне ни на один грамм, ни вот на столечко, - Лолита сблизилась большой и указательный пальцы, оставив между ними зазор. – Не жаль ни Кати, ни их несостоявшегося брака. Но, Зоя, я всегда считала тебя смелой, а ты обычная трусиха, прикрывшаяся баснями о супер предназначении, якобы мешающем тебе связать жизнь с любимым человеком. А если предположу, что у тебя для той же чаши собрана коллекция гирек в виде гнилых прогнозов и справок о несовместимости? А? Что? В точку? Но чувство-то своё ты под этими бутафориями не спрячешь! Ты считаешь, что нашла выход – близость! Близость – вот на что ты его ловишь и чем довольствуешься сама. И в довесок ещё, может, эмоциональная подстройка, о которой мы уже говорили. И как он тебя терпит, твой Донов? Видимо, любит очень. Но мы же не с луны, Зоя, - все знаем Донову. Он нормальный мужчина. Ты всерьёз считаешь, что сможешь привязать его к себе этими манипуляциями? Нет, манипуляции – не то слово! Этими извращениями!

По Зоиным щекам, не страшась скрежещущих зубов, потекли слёзы. Другие её члены тоже перестали реагировать на привычные команды и угрозы. Больше всего на свете ей хотелось напиться, но рука мёртво лежала на скамье, язык заблокировал рот, мышцы отказывались сокращаться, чтобы сделать глоток. Она была совершенно уничтожена. Безобидной, безотказной, болеющей за неё сердцем Лолите, Лолите-Siri, Зоя, рыдая, призналась бы: «... ты словно вынула мою душу и размешала её с говном. Вот что ты только что сделала». Но реальной Лолите она не хотела бы сказать больше ни одного слова в жизни.

Зоя не заметила, в какой момент появились Тамара и Серёжа. Тамара раньше ухватилась за бутылку, чем присела, и довольно быстро опустошила её. Зоя неподвижно сидела на своём месте, уткнув взгляд в землю, завидовала Тамаре и

одновременно чувствовала нарастающую тошноту и опьянение, будто это и правда не Тамара, а она потихоньку приканчивала всю эту массу вина.

- Господи, что у вас тут, - проворчала Тамара. – Что вы все как кактусы под дождём.

Маша скорчила ей рожицу, как бы предупреждавшую, что её остроты сейчас вряд ли оценят, и одновременно извинявшуюся за это. Затем она дёрнула ртом, словно удерживая напрашивающееся словоизлияние, и увела от Тамары бегающий взгляд. Если Лолита казалась подавленной, то Маша, наоборот, была возбуждена и даже, в своём роде, удовлетворена, как человек, чьи тайные опасения оправдались.

- Серьёзно, что? – Тамара переводила испытующий, почти угрожающий взгляд с одной своей подруги на другую.

- Ну, давайте, расскажите, - не извлекая своего взгляда из места его захоронения, усмехнулась Зоя. – Расскажите про трусиху... Нет, про извращенку, оказавшуюся с вами за одним столом. Про хитроумную интриганку, манипулирующую доверившимся ей мужчиной, про вампиршу, присевшую на вену незащитного донора. Про беспринципную подлюгу, разрушившую человеку счастливое будущее во имя своих комплексов и подсознательных желаний.

- Что за треш, - нахмурилась Тамара, невольно ища ответа у Лолиты. Но та сделала вид, что не заметила обращённого на неё взгляда.

- Заметь, всё это – конкретные ситуации и конкретные имена, - дрожащим голосом продолжала Зоя. – Ты немного опоздала. Жаль, я не могу воспроизвести для тебя всю историю, ибо те слова, что я произношу, сильно отличаются от тех, которые слышат. Потому остаётся надеяться на моих преданных слушательниц, которые объяснят тебе всё ровно так, как оно есть.

- Господи, Зоя, успокойся, - смутившись, пробормотала Тамара. – Некоторые темы надо просто проехать.

- Ооо, это точно, - протянула Зоя, чувствуя, как ей на глаза снова наворачиваются слёзы. – А я так долго и счастливо проезжала, и чёрт же меня дёрнул...

- А с чего это вдруг ты строишь из себя обиженную? – возмущённо включилась Лолита. – Защищаешься так? Такая глубокая и сложная натура – куда уж нам понять! Вся из себя скрытная и таинственная – жаль тебе, чтоб тебя поняли. Будто отпадёт от тебя кусок, если мы узнаем твою страшную тайну. Аж уже, слава Богу, пятнадцать лет идиоток из себя строим, потакаем инфантильным твоим иллюзиям, мол, никто ничего не знает, не понимает.

- Не надо этого, - твёрдо сказала Тамара. – Давайте не будем!

- А что не будем, Тома? Почему я должна врать в лицо ей и вам? Почему должна лицемерить? Из любви? Из сострадания? Это в том любовь, чтобы притворяться? Мы знаем друг друга почти двадцать пять лет. Что нас связывает по сей день? Уж точно не ложь! Я так ясно вижу её теперь, - Лолита кивнула на Зою, на щеках которой теперь застыли слёзы. – Может быть, её проблема именно в том, что никто ни разу в жизни не удосужился ткнуть её носом в правду, которую она технично и глубокомысленно обходит столько лет. Ты думаешь, я сказала бы ей хоть слово, если бы не любила её? Думаешь, меня не выворачивает наизнанку сейчас от того, что я *понимаю*? От того, что я *вижу*!

- Эти вещи слишком неоднозначны, - сдержанно возразила Тамара. – А страсти слишком чреватые...

- Брось, - возбуждённо отмахнулась Лолита. – Ты не знала о чувствах Зои к Пете Донову?

- Я не могла о них знать – могла только догадываться, - уклончиво ответила Тамара.

- Хорошо, ты догадывалась о чувствах Зои к Донову? – повысила голос Лолита.

Тамара уронила голову на бок и шумно выдохнула.

- Как давно ты о них догадывалась? Со вчера? С нашей прошлой встречи? С выпускного вечера? С девятого класса? Хочешь молчать? Молчи! Только это не отменяет нашего знания! А Донов нормальный мужчина! Господи, он мог бы быть твоим мужчиной! – Лолита ткнула пальцем в Зою. – За пятнадцать лет вы могли построить целый мир, у вас могли уже вырасти дети! Если бы не ты! Господи, я знала мужчин таких, как ты! Тратящих все силы на то, чтобы привязать к себе женщину, – трусов, которые боятся за свои убогие сердца, слишком, сука, хрупкие для нормальных человеческих отношений. Которые умеют влезть тебе в душу и в ответственный момент сдрейфить, потому что: не смогут соответствовать твоим ожиданиям и рано или поздно разочаруют тебя; так и не поверят во взаимность и станут мучаться догадками, для каких целей ты терпишь их рядом с собой; будут на каждом шагу подозревать измену и каждый день лить в подушку авансовые слёзы за тот день, когда ты их бросишь – день неизбежный, как апокалипсис. И так далее, Зоя. Подчеркни нужное или добавь свой вариант.

Зоя, словно статуя, возвышалась над столом, скрестив руки на груди и обхватив себя за плечи, и казалась настолько погружённой в себя, что могла не слышать Лолитиных слов. В глазах её был ужас безысходности, словно внутри себя она наблюдала нечто непоправимое.

На фоне повисшего на пару секунд молчания неестественно светло прозвучал Машин голос:

- Господи, видимо, я такая ущербная – примитивная, но мне невдомёк, по какой причине эта бесится, а та обижается. Как мы умудрились довести до такого...

Её перебил Серёжа, вдруг – неожиданно для самого себя – чихнувший. Все четыре женщины дёрнули головами, точно только заметив, что он тоже здесь. Четыре взгляда сошлись на нём, как на барьере, до поры сдерживающем безжалостные слова, что рвутся наружу. Тамара резко, торопливо, словно чтобы помешать себе и остальным что-либо произнести, потянулась к бутылке, размашистым жестом ухватила её, поднесла к чашке, наполнила доверху и протянула Зое.

- Выпей! – потребовала она.

- Не хочу я это пить! – взвизгнула Зоя и изо всех сил отшвырнула чашку. Та выплеснула в воздух фонтан вина, брызнувший на скатерть, скамейку, кафель и Тамарины джинсы, подпрыгнула, резво заскользила по скатерти, на краю стола канула вниз и с задорным звоном раскололась на полу.

И тогда Зоя зарыдала. Надрывно, истошно, обречённо. Она, словно святая мученица, возвела глаза к небу, а на месте её рта зияло жерло извергающегося вулкана. С каждой секундой рыдания нарастали, Зою трясло, словно в эпилептическом припадке. Наконец, она завывала, как волк, - жуткий, парализующий звук, от которого в жилах стыла кровь. Тут уж, не выдержав этого кошмарного зрелища, зарыдала и Маша – протяжно и пискляво, без доли стеснения, с каким-то даже упоением. Оцепенелый взгляд Тамары, словно затравленный зверь, бестолково тыкался то в Зою, то в Машу, пока, наконец, не вырвался из этой западни, и не перескочил на Серёжу, который в таком же

испуганном недоумении уставился на Тамару. Одна Лолита оставалась по виду невозмутимой.

И вдруг из мгlistой чащи этого плача стали доноситься слова – заиндевевшие, щетинистые, грузные, произносимые как приговор, как реквием.

- Да что ты можешь знать? – по слогам, словно срубая топором сухое дерево, чеканила Зоя. – Что ты можешь представлять себе? Ты, которая никогда никого не любила! Сына от плоти своей бросила ради красивой жизни! Что ты можешь знать о человеке, только рядом с которым я и живу? Что ты можешь знать о нас, рассуждая о мужчинах и женщинах, какими они бывают, - о нас, которые никого не знают и знать не хотят, кроме друг друга? Чем ещё ты можешь похвастаться, кроме ковыряния очевидностей у себя перед носом? Тебе известно чувство, когда тебе под кожу сунули руку, разворотили внутренности, добрались до души, разорвали её и плюнули внутрь? Да что это я! Откуда это может быть известно тебе, умеющей ставить свои чувства на паузу длиной в десятилетия? Приторговывающей вверенными тебе тайнами на рынке пикантных историй! Самое отвратительное, что ты убедила себя, будто тобою движут высокие мотивы: любовь, стремление помочь! Опомнись! Ведь ты типичная сплетница, только что, правда, очень обаятельная. Рыскаешь по миру в поисках бриллиантов ради влажных восторгов своих почитательниц вроде Маши, согласных делать вид, будто у тебя тут не побрякушки, а самородки. Но я тебя разочарую, дорогая Олечка, многоуважаемая Лолита: хоть бы ты и вломилась ко мне в душу, хоть бы и растоптала всё живое, что там найдёшь, а меня в свою коллекцию ты хрен заполучишь!

Лолита выслушала всю эту тираду, высокомерно запрокинув подбородок и добровольно подставляясь огню сжигавших её Зоиных глаз. Когда Зоя замолчала, бледная, с остекленевшими глазами и уже полностью сухими щеками, Лолита выдержала театральную паузу и, презрительно искривив губы, выплюнула:

- Я одного желаю. Чтобы Донов, в самом деле, женился. И чтобы был счастлив в браке. И так оно и будет. О, я уверена! Довольно скоро он женится на одной из тех милых и незамороженных девчушек, с которыми проводит время, пока ты мастурбируешь на вашу с ним близость. Прямо сейчас – в эти славные романтические выходные – восхитительно проводит время.

Зоя вскочила на ноги, перепрыгнула через скамейку и ринулась к другому краю стола. Ей навстречу вскочила, рефлекторно вскинув руки (решив, что Зоя собирается ударить Лолиту), Маша. Но Зоя даже не взглянула ни на кого из них. Она схватила стакан виски, стоящий перед Серёжей и залпом выпила его. Допив, Зоя выкатила глаза, икнула, в панике взглянула на Серёжу и, пошатнувшись, без чувств повалилась на него.

В Машином дворе прохлаждались десятки неизвестных людей: большинство теснились у круглых столиков с закусками и слабоалкогольными напитками, что занимали половину странно расширившегося переднего двора, а на границе Машиного участка с участком соседки Люды был оборудован бар, стойки которого не было видно из-за очереди желающих чего-то покрепче. Сразу за домом появилась широкая терраса, сплошь уставленная бинбэгами, где теперь отдыхали гости (те из них, кто уже успел утолить первый голод), почти все держали в руках коктейли или шампанское. Там, где кончалась терраса, начинался гладко выстриженный газон; он простирался в глубину участка и кончался глухими зарослями кустов, что было очень неожиданно, учитывая ухоженный ландшафт остальной части двора. На газоне несколько человек двигались под ритмичную,

необременительную музыку. Все гости были одеты дорого и легко – в очень открытую одежду.

Скованная иррациональным страхом и стараясь никому не попадаться на глаза, Зоя пересекла передний двор, виляя между группами гостей, и вошла в дом. Здесь было ещё больше людей, и всё буквально жужжало от говора. Некоторые женщины, столкнувшись в коридоре, целовались в засос, а мужчины, не смущаясь, позволяли себе прижаться к женской груди или вдруг начать мять женские ягодички. Иные просто обменивались вожадежающими взглядами, но от этих взглядов волосы у Зои на голове становились дыбом, потому что они словно возлагали на неё какие-то невысказанные для неё обязательства.

Подавляя безотчётное отвращение к людям, наполняющим дом, и отгоняя подсознательные догадки о происходящем, Зоя заставляла себя вспомнить, что всё это значит. Зоина тревога усугублялась тем, что собственное тело плохо слушалось её, – двигаясь по коридору в сторону кухни (которая почему-то переместилась из одного конца дома в другой), она шаталась, как пьяная, а мысли стали похожи на желе, не оставляя шансов превратиться в решение, а ей оно было нужно. Простое решение: выйти из дома, пройти по двору до калитки, открыть дверь, выйти и бежать. Странно, но как только она поняла, что ей нужно делать, её ошеломило уверенностью в недоступности этого действия: будто уйти отсюда было так же невероятно, как маленькому Немо выбраться из аквариума дантиста.

Зоя добрела до кухни и здесь увидела Машу и Лолиту. Они стояли спиной к ней и энергично беседовали с мужчиной, которого Зоя никогда раньше не видела, но которого откуда-то знала. Мужчина поднял голову и глянул прямо на неё. Хищный, похотливый, цепкий взгляд. Взгляд хозяина.

И тут Зоя вспомнила! Вспомнила его, хотя действительно никогда не видела прежде. Вспомнила, зачем она здесь. Зачем все они здесь.

Толпа вынесла её из дома во двор, где всё так же танцевали, оживлённо беседовали и выпивали люди. Безобидность этой картины уже не могла сбить Зою с толку, потому что она знала, что их ждёт: через каких-нибудь полчаса, полностью расслабившись, все они – все, кто здесь есть, до единого человека, – будут совокупляться друг с другом. Они получают конкретные, индивидуальные и коллективные, задания, и ни один не уйдёт отсюда, пока не выполнит их. Они будут сношаться парами и группами, во всех мыслимых и невысказанных позах, и чем легче им будет даваться одна задача, тем изощрённее окажется следующая, они будут живописать своими телами дополнение к перечню сексуальных извращений. И он, этот человек, молодой и всемогущий, будто сам Разврат во плоти, человек, известный всем и каждому, влияние которого – на уровне мистики, – он лично будет контролировать процесс.

Пока Зоя вспоминала, как угодила в эту западню, он продолжал сканировать её взглядом и, казалось, яснее неё самой видел обуревающее её отчаяние. Сообразив, что выдаёт себя, Зоя нашла в себе силы улыбнуться и кивнуть, что несколько усыпило его бдительность, и позволило ей, по крайней мере, скрыться с его глаз.

Освободившись от надзора, Зоя с великим трудом – словно двигалась по грудью в воде – побрела прочь от кухни, лихорадочно соображая, как ей сбежать отсюда, но попадавшиеся на её пути люди странно косились на неё, словно все её мысли были написаны у неё на лице. Каково же было её удивление, а затем ликование, когда, сделав круг и вернувшись на кухню, Зоя наткнулась на Донова. Его присутствие взбодрило, обнадежило её, но и напомнило, что когда-то давно, ещё подростком, она уже была здесь – не здесь, в другом забытом доме, но в тех же обстоятельствах. Тогда благодаря несовершеннолетию ей удалось избежать

участия в этих играх, но всё совершалось у неё на глазах – участники совокуплялись, глядя на неё и словно издеваясь над ней.

Следуя по пятам за Доновым, Зоя ждала секунды, когда поблизости не будет чужих ушей, и как только она выпала, дёрнула Донова за руку. Он обернулся и радостно вздрогнул, узнав её. Она заметила, что он был немного пьян.

- Как ты здесь оказался? Как согласился на это? – с бьющимся сердцем спросила Зоя.

Донов развязно хохотнул и, проблевав что-то нечленораздельное, в конце концов, произнёс:

- Сам не знаю.

- И я, - пробормотала Зоя, держа его руку и воровато оглядываясь. – Нам нужно уйти, как можно скорее. Мне до такой степени не по себе! – Донов рассеянно кивал. – Я оставила свои вещи в той комнате – первой по коридору. Там моя сумка с деньгами и телефоном. Ты можешь незаметно взять её и принести? И мы тотчас уйдём. Только, умоляю тебя, будь осторожен, постарайся не привлекать к себе внимания и не задерживаться, хорошо?

Она отпустила его и посмотрела ему вслед. Он молча шагнул в комнату, где лежала её сумка, а Зоя вышла в передний двор и думала только о том, как им незаметно пробраться к выходу. Чтобы скрыть напряжение, она схватила со стола бокал шампанского, выпила его до дна, редкими и маленькими глоточками, и, взглянув на часы, поняла, что с того момента, как Донов ушёл, минул уже почти час. Её обдало тревожным холодом, и она на ватных ногах сама побрела в ту комнату, куда отправила Донова. По дороге она несколько раз чувствовала на своём теле мужские руки, намеревавшиеся обласкать её или прикоснуться к интимным местам на её теле.

В комнате было несколько человек, большинство из которых полностью голые. Зоя нашла глазами Донова. Он был с двумя девушками, их половой акт был в самом разгаре. Девушка, в которую Донов входил сзади, сладострастно стонала, другая (чью грудь он ласкал свободной рукой и чью шею страстно целовал) бесшумно извивалась, полувися на нём и гладя руками его спину. Лица девушек были ей знакомы, но Зоя не могла их идентифицировать, словно видела их много-много лет назад неизвестно где (в школе?). Против своей воли Зоя приблизилась к ним вплотную, не в силах отвести взгляда от этой оргии. Заметив её, Донов воодушевлённо вскинул брови и, отстранившись от второй девушки, но продолжая фрикции, схватил Зою за руку, явно намереваясь подключить её к процессу. Этот резкий жест отрезвил Зою и придал ей сил. Она дёрнулась, вырвалась, стащила с трюмо свою сумку и выбежала из комнаты, а затем и из дома, а затем и с Машиного двора.

Выбежав за калитку, Зоя не узнала местность: вместо улицы, по которой она шла, разыскивая соседского мальчика, Зоя оказалась в смутно знакомом спальном районе, среди одинаковых домов, дворов и детских площадок. Она бежала, не чувствуя ног и времени, и ей казалось, что она уже далеко-далеко. Ноги вывели её на автобусную остановку, где было несколько человек. Заметив молодую миловидную девушку, смотревшую на неё с явным сочувствием, Зоя кинулась к ней.

- Умоляю, помогите мне! – хватаясь за неё, словно утопающая, прошептала Зоя.

Девушка, ошарашенно отстранившись, пыталась освободиться от Зоиных рук.

- Хорошо, хорошо, я только... - успокоительно проговорила она, достав смартфон и став набирать какой-то текст.

И тут Зоя поняла, что она пишет Ему – тому человеку, хозяину, который смотрел на неё в кухне, давая понять своим взглядом, что в этот раз ей никуда не деться от затейной им игры. Сообразив это, Зоя выхватила у девушки смартфон и отскочила. Они уставились друг на друга: Зоя – в ужасе, девушка – в удивлении, и тут Зоя заметила, что рука девушки находится в сумке и что-то делает там исподтишка. Взревев, как горилла, Зоя бросилась на неё, вырвала сумку, вытащила оттуда второй телефон и, убедившись, что девушка действительно пыталась сообщить о ней, размахнулась и изо всех сил швырнула телефон на проезжую часть.

Зоя бежала вдоль дороги, вытянув руку, чтобы остановить машину, но их, как назло, всё не было. Звук каблучков по асфальту гипнотизировал и словно возвращал её в детство: с точно таким же особенным стуком – с мягким прицокиванием – шла по вечерней слякоти бабушка, уводя Зою из детского сада. И Зое стало казаться, будто она убегает прочь от злополучного дома не только на расстояние, но и в прошлое. Ей на глаза попало табло круглосуточного магазина, высветившее 3 часа ночи, и тут рядом с ней затормозил старенький седан с маячком такси.

Зоя забралась на заднее сидение, за спину водителя и, вжавшись в пыльное мохнатое кресло, почувствовала, что начинает легче дышать.

- Чем вы так взволнованы? – поинтересовался, между тем, водитель, хотя Зоя, как могла, старалась скрыть своё замешательство.

- Не беспокойтесь, всё в порядке, - вежливо ответила Зоя. – Было страшновато на пустынной улице в три часа ночи, но благодаря вам у меня больше нет причин для беспокойства.

Водитель дружелюбно хохотнул. Убаюканная урчанием мотора и дорожной качкой, Зоя почувствовала, что вот-вот заснёт. Спустя некоторое время машина остановилась, и Зоя открыла глаза.

- Просыпайтесь, приехали! – водитель с неприятным лицом, изуродованным оспой, похоже, уже давно пытался её разбудить.

- Простите, - пробормотала Зоя, протягивая деньги, и спросонья неловко выбралась из машины.

шины скрипнули, трогаясь, а Зоя протёрла глаза. Она стояла у Машиного дома, перед ней была калитка.

Зоя в ужасе, едва сдержав внутренний вопль, села на кровати. Была ночь. Она была в своей постели в комнате для гостей у Маши на даче. Вокруг было тихо – дом спал. Зоя с состраданием слышала чьё-то мучительное – словно выброшенной на берег рыбы – дыхание, до тех пор, пока, почувствовав самую жуткую в своей жизни жажду, не осознала, что это дышит она сама.

Эпилог

Маша второй раз обошла Тамарину квартиру и второй же раз зачарованно замерла у огромного полотна, украшающего стену над диваном.

- Кандинский. Девятая композиция. Репродукция на заказ, - сказала Тамара, видя Машин интерес.

- Что-что? – Маша обернулась с робкой и, как заметила бы Тамара, будь она сегодня такой же внимательной, как обычно, слегка вымученной улыбкой.

- Понравилась картина, говорю?

- А! – Маша воззрилась на репродукцию с таким видом, словно только заметила её. – Очень необычная. Кстати, мне нравится, как у тебя вмонтировала раковина. Смотрится очень аккуратно, но я правильно поняла, что там нефункциональное пространство?

Вместо ответа Тамара прикоснулась к шкафчику, он самостоятельно открылся, и под Машино восхищённое восклицание выпустил из своих недр изящную и вместительную выдвижную полку.

- Какая прелесть! А здесь – то, что я думаю?.. – Маша протянула руку к соседнему шкафчику, и Тамара жестом пригласила её открыть его. – Посудомоечная машина! Я так и знала! – Маша смотрела на обнажившиеся металлические корзины так, словно то были колоннады в садах Семирамиды. – А я так долго думала: ставить или нет?

- Я ненавижу мыть посуду, поэтому мне и думать было не о чем, - призналась Тамара, и они, наконец, встретились взглядами с Машей. Впрочем, Тамара быстро отвела глаза, а Маша ещё некоторое время любовалась образом «домашней» Тамары: свежей, рассеянной, с удивительно молодым без косметики лицом, однако с едва уловимыми признаками нездоровья.

- Ты себя хорошо чувствуешь? – спросила Маша.

Тамара покачала головой.

- Разбитой. И вроде выпалась. Не знаю, может, какие-то магнитные бури... Садись, Маша, что ты стоишь. Я не в форме, так хоть ты не тормози. Будь как дома, умоляю.

Маша кивнула, села рядом с Тамарой на диван и снова улыбнулась, с той же кислинкой, какую Тамара пропустила раньше, только чуть более выраженной, словно Маша не решалась сказать сама, но желала, чтобы подруга заметила эту странность.

- Можем и шампанского выпить – суббота, в конце концов, - сказала Тамара. – И вермут у меня есть.

- Ну, только если ради компании, - без видимой охоты согласилась Маша.

- Тогда давай кофе. Как ни странно, у меня сейчас нет желания пить, - Тамара с усилием поднялась, направилась к столу, чтобы приготовить кофе и тут услышала всхлипывание. Решив, что ослышалась, Тамара обернулась на Машу, которая сидела на краю дивана, плотно сдвинув ноги, опустив голову и удручённо теребя застёжку на своей сумке, - всем своим видом словно сообщая, что она на грани того, чтобы разрыдаться.

- Ты чего? – Тамара уставилась на неё.

Маша жалостливо усмехнулась и закусил губу. Но слёзы всё равно потекли. Маша порывисто вытерла глаза, которые мгновенно покраснели, разоблачая и свою склонность к этому занятию, и Машину бессонную ночь.

- Ты помнишь соседку с сыном Тимофеем? – Маша деликатно вытерла нос. – Которого мы... которого ты...

- Естественно, я её помню! Она что-то вытворила опять?

- Угу, переспала с моим мужем, - выпалила Маша и застыла в ужасе от того, что произнесла.

- Что-что? – потрусил головой Тамара, словно отряхиваясь от наваждения.

Маша, снова закусив губу и изо всех сил сдерживая слёзы, улыбнулась и пожала плечами.

- Как ты об этом узнала?

- Очень легко, - проглотив комок, застрявший в горле, сказала Маша. – Вышла вечером посидеть во дворе (обычно я так не делаю, а тут было настроение), взяла бокал вина, села у калитки, вспомнила, как мы проводили время с вами. Серёжа просто вышел из её дверей, как будто из своего дома. А мне за два часа до этого сказал, что задерживается в клубе из-за встречи с прорабом, - Маша снова пожала плечами.

- И что? Как он это объяснил? Как давно это у них? Насколько серьёзно? – допытывалась Тамара.

- Я его не расспрашивала, - Маша опустила глаза. – Вроде бы, знаешь, имеют значение эти подробности, но только я не смогла... - Машин голос дрогнул.

- Он мог зайти туда по какой-то её просьбе – по дороге домой. С чего ты взяла, что они спят вместе?

- Нет, ну, об этом я, конечно, спросила, и он не стал отрицать. На прямой вопрос – прямой ответ. И всё. Больше я ни о чём не спрашивала. А он ничего больше не говорил.

- И что? Вы просто разошлись по своим углам? Я ушам не верю.

- Почему? – усмехнулась Маша, странно глядя на Тамару.

- Он показался мне образцовым семьянином. Знаешь, из тех, кто готов пожертвовать своим интересом к другой женщине ради семьи. У меня просто в голове это не укладывается...

- Что ж, значит, я не ошиблась, приехав к тебе, хоть мне и жаль тебя разочаровывать по поводу Серёжи.

- Но тебя ведь не может не интересовать, на чём строится их связь. Ты ведь не могла просто принять это, не задаваясь никакими вопросами...

- Не могла. Я не знаю, Тома, - Маша покачала головой, и вся её мука в один короткий миг выразилась на её лице. – Я не знаю, с чего начинать думать и какие задавать вопросы. Мне как будто голову отсекли – нечем думать, понимаешь? Пришла вот так, без головы, лишь бы прийти... Всё тело – как огромный ожог. Что мне причины пожара – мне нужно обезболивающее.

- Так... - Тамара кивнула. – Пожалуй, мы всё же откроем кое-что из моих запасов.

- Нет-нет! – Маша взмахнула рукой, останавливая её, и поразилась мертвенной бледности Тамариного лица. – Я не в этом смысле, Тома. Но я... выбрала неудачный момент, чтобы заявиться к тебе...

- Я настолько плохо выгляжу? – ужаснулась Тамара.

- Болезненно, - не стала увиливать Маша.
- Честно говоря, - взмахнув бровями и отводя взгляд, сказала Тамара. – Мне жутко интересно, почему ты приехала сюда, а не, скажем,...
- К Лолите? – перебила Маша и затравленно улыбнулась. – Ты знаешь, она предвзято настроена к Серёже...

Тамара перебила её внушительным кивком.

- Ты не хотела слушать внушения насчёт развода и всё такое.

Маша покачала головой.

- Уж точно не это мне сейчас нужно.
- Тебе нужно оправдание? – в лоб спросила Тамара, заставив подругу вздрогнуть. – Ты прости, Маша, я не умею так изощряться как Лолита, не чувствую все эти психологические тонкости... Ты верно угадала, что мне Серёжа симпатичен, но я не смогу говорить то, что ты хочешь услышать, даже в такой ситуации...
- Не нужно, - Маша попыталась остановить её жестом. – Ты совсем не о том. Давай не будем путаться, пожалуйста... - взмолилась Маша, видя, что Тамара хочет продолжить свою мысль.

Тамара глубоко вздохнула и вытерла выступивший на лбу пот.

- Не зная подробностей, что я могу сказать, - Тамара испытующе посмотрела на Машу. Та молчала, глядя вниз. – Это мог быть типичный мужской каприз, псих, срыв, желание сделать что-то запретное, желание рискнуть, желание отомстить, это могло быть машинальное, пустое действие, ничего не значащее для него. А могло быть и другое... Это могло быть основано на чувстве, которое, конечно, сложно игнорировать и которое рисует совсем другие перспективы. Если бы ты захотела, даже не зная подробностей, просто захотела вспомнить и сопоставить некоторые факты...

Маша подняла на неё полные слёз глаза.

- Я не могу, - сказала она одними губами.

Тамара осеклась.

- Прости, - она покачала головой и схватилась обеими руками за виски.
- Тебе нехорошо? – испугалась Маша.
- Нехорошо, - не стала спорить Тамара. – В глазах темнеет. Ты не возражаешь, если я...
- Тебе надо лечь! – спохватилась Маша.

Она принялась суетиться вокруг Тамары: довела её до дивана, заикнулась, было, что сейчас уйдёт, но легко поддалась на Тамарины уговоры остаться, убедила Тамару поставить под мышку градусник и села рядом на стуле.

- А ты вообще давно с Лолитой общалась? – смиряясь с запретностью интересующей её темы, спросила Тамара. – Как она там?
- Говорила неделю назад. Она горит желанием устроиться на работу. И у неё кое-кто появился.
- Ничего себе! Кто-то новый? Или из старых?
- Я так поняла, что новый. Мажорный до неприличия. И уже по уши влюблён. Сделал предложение.
- И поэтому ей срочно понадобилось устроиться на работу, - с пониманием кивнула Тамара.

- Ты же знаешь Олю, - Маша даже улыбнулась. – Неприступность, капризы и противоречия – это её стиль соблазнения.

- И есть же мужчины, которые получают удовольствие от выноса мозга, - Тамара слабо улыбнулась и вытащила термометр из-под мышки, нахмурилась. – Хм... Тридцать семь и два. Странно, я не чувствую повышенной температуры.

- Боюсь, что ты вирус подхватила. Надо выпить чай, - настойчиво сказала Маша.

- Меня вырвет просто-напросто, если начну пить.

- Тебя тошнит, что ли?

- Да, что-то такое... - Тамара с отвращением сглотнула.

- Ротавирус, что ли, - озабоченно пробормотала Маша и внимательно посмотрела на Тамару. – Слушай, а у тебя теста на беременность нет, случайно?

Тамара округлила глаза.

- Откуда? Не говори глупости.

Маша ещё более внимательно посмотрела на неё и решительно встала.

- Давай-ка, Тома, ты мне скажешь, где у тебя ближайшая аптека, а я схожу куплю тест. Хуже от этого точно не станет. А заодно и что-то противовирусное.

- Маша, расслабься. У меня просто похмелье, по всей видимости. Плюс усталость – неделя была сложная. Плюс ещё какие-нибудь магнитные бури наложились.

- Температура, Тома, - напомнила Маша.

- Или правда вирус, - сдалась Тамара. – Но беременность – исключено.

- У меня была на ранних сроках субфебрильная температура в обе беременности, и токсикоз развивался очень похожим образом, - авторитетно сказала Маша. – Ты лежи, Тома, а я схожу за тестом – нам обоим спокойней будет.

- Значит, скоро будем на свадьбе гулять, - сказала Тамара, когда Маша вернулась, желая возвратить её к теме Лолиты.

- Да это вилами по воде, - возразила Маша. – Если помнишь, она хотела любви и страсти, а замуж не торопилась. Хотя, Олю если послушать, ей день через день предложения делают.

- Очень может быть, что так и есть, - пожала плечами Тамара. – Проблем с заведением отношений она никогда не испытывала.

- Да уж, это тебе не Зоя... - поддакнула Маша и посмотрела на Тамару. В её глазах уже горела лукавая искра – Тамара готова была спорить, что она связана с упоминанием Зои.

- Что?.. – вырвалось у Тамары.

- Сколько времени прошло с тех пор, как ты замочила? – переключилась вдруг Маша. – Пора смотреть, наверное, уже.

Тамара неохотно поднялась с дивана и поплелась в ванную.

- Ничего тут нет, - сказала она с облегчением, вынося с собой тест-полоску.

- Покажи-ка, - потребовала Маша.

Тамара, недовольно цокнув языком (она всё сильнее злилась на себя, что позволила Маше вмешаться в столь интимный процесс), передала тест-полоску Маше.

- Вот полоска, Тома.

- Ну?

- Вот вторая полоска, Тома, - повторила Маша, поднимая на неё глаза.
- Где ты её нашла? – Тамара, снова цокнув, склонилась над тест-полоской в Машиных руках. – Это не полоска, это краситель какой-то. Еле-еле видно, минуту назад её не было. Там написано – надо оценивать не позднее, чем через десять минут, время уже прошло.
- Тамара... - Маша остановила себя, видя, что Тамара воспринимает её слова в штыки, но через пару секунд всё же продолжила. – Когда у тебя должны быть месячные?
- Сегодня-завтра, - Тамара покачала головой. – ПМС плюс какая-то вирусяка.
- Тамара, - Маша потрясла тест-полоской в руках. – Хочешь, верь, хочешь – нет: это вторая полоска. Слабоположительный тест, что вполне естественно за день до задержки. Но я не собираюсь тебя уговаривать, - с обидой добавила она.

Тамара посмотрела на подругу с некоторой тревогой.

- Дай посмотреть, - попросила она через полминуты и, приняв у Маши тест, долго и придирчиво разглядывала его со всех сторон. - О-фи-геть.

Они переглянулись с Машей, которая, упорно задавливая прорывающуюся улыбку, в конце концов, не выдержала и заулыбалась.

- Ты виделась с Жориком? – спросила Маша, широко улыбаясь.
- Виделась, - словно признаваясь в убийстве, кивнула Тамара. – Офигеть...

И вдруг Маша захихикала, сначала деликатно, а затем всё более раскрепощённо.

- Блин, вот это новость! – закусив губу, она покачала головой.

Это была стихийная, сумасбродная ночь в духе одного из их некогда регулярных загулов. Они успели побывать в нескольких ночных клубах, полночи гоняли по городу на кабриолете, распевая песни Земфиры, в итоге оказались на пляже, где пьяный от счастья Жорик в доказательство своих чувств к пьяной от самого дорогого шампанского, какое нашлось в их излюбленном магазине, Тамаре купался в двенадцатиградусном море, а завершили они феерический вечер поткой в стиле подростковой романтики - сексом в пляжной беседке. Продолжили они в Тамариной постели, и, как оказалось, довольно продуктивно.

После встречи с подругами, неприятным осадком от истории с Серёжей и других событий Тамара следующие несколько дней испытывала досаду и острую потребность сбросить напряжение, и выбрала традиционно лучший для себя способ это сделать. В ту ночь на пляже она почти изнасиловала его. В её постели мог оказаться, кто угодно, но выбор пал именно на него как на правильно вычисленный объект наименьшего сопротивления. Она не собиралась мириться с Жориком, и меньше всего думала, как он расценит её звонок и предложение встретиться, а уж какая мысль точно не заводилась в её голове – так это о возобновлении отношений.

После той ночи он звонил и писал каждый день, но она, позабавившись его находчивостью в первых сообщениях на вайбере, остальные удаляла, не читая. Потом, Тамара знала, он уехал в командировку и, видимо, уgomонился в объездах очередной туристической проститутки одного из vip-отелей того перечня, куда селили руководство их компании, потому что его звонки и сообщения в последние пару дней постепенно сошли на нет.

Но беременность! Это так же невероятно и шокирующе, как падение обломков метеорита на президентский кортеж. Какой-то шутовской ляп в сценарии. Низкосортная буффонада, да ещё при свидетелях.

- Что ты намерена делать? – осторожно спросила Маша и, видя растерянность на Тамарином лице, закивала. – Я понимаю, вопрос преждевременный. Тебе нужно осознать...

- Да, - лаконично подтвердила Тамара и, чтобы перевести тему, понизила голос. – Я хотела спросить у тебя по поводу Зои... Есть новости? – видя, что Маша молчит, Тамара продолжала. – Она так неожиданно исчезла тогда... Она была такой пьяной - я была уверена, что она проспит полдня, поэтому забеспокоилась, когда утром её не оказалось.

- Да всё с ней нормально, - нахмурилась Маша.

- В физическом смысле – не сомневаюсь. Но...

Маша глубоко вздохнула.

- Зоя – не мне тебе рассказывать – мастер драматизировать некоторые ситуации, которые яйца выеденного не стоят. Я не оправдываю Лолиту, но кто из нас не бросал громких слов в пылу страстей? Для неё стало неожиданным Зоино раскрытие с такой стороны.

- А для тебя не стало? – заинтересовалась Тамара.

- Отнюдь. Наоборот, в тот день для меня не осталось в Зое ничего непонятного, ничего недосказанного. Она словно подтвердила мои подозрения по поводу своей сущности...

- Зоя необычный человек, - примирительно сказала Тамара, и вместе с накатившей тошнотой её поразила разряд мысли о беременности. Зоя, Оля, Маша, их проблемы, тонкости их взаимоотношений померкли до такой степени, что на их фоне крошечная бледная полоска замигала как проблесковый маячок. Конеч всему, чем ты живёшь, Тамара. До тебя ещё не дошло, но ты уже в зазеркалье.

- Ты знаешь, что Оля виделась с Доновым?

- Зачем?

- Догадайся! После этой истории она не могла найти себе места. В конце концов, выяснила номер Донова, назначила ему встречу и объяснила ситуацию в надежде, что он сделает правильные выводы.

- Чего она этим хотела добиться? – нахмурилась Тамара.

- Помочь она им хотела! Через Зою это абсолютно бесперспективно. Тем более, сейчас, когда она полностью закрылась. Оля надеялась прояснить мотивы Донова.

- Ну и что? Прояснила?

- Этот Донов, я так поняла, из того же теста, что и Зоя. Потому всё так сложно у них... – вздохнула Маша. – Он был неприветлив и ничего не сказал ей по существу. Но Оля из этого молчания умудрилась вывести теорию: будто бы Донов, как человек проницательный, осознаёт, что Зое для счастья достаточно её фантазий; и одновременно, как человек бескомпромиссный и максималист, убеждён, что раз Зоя не готова рискнуть ради него всем, значит, недостаточно любит его; раз она может жить без него – то и он скорее сдохнет, чем будет с ней.

- Как бы там ни было, это их дело, - строго возразила Тамара, невольно снова соскальзывая в туманную бездну собственных мыслей. Она не с первого раза услышала Машин вопрос.

- Если ты не хочешь это скрыть, ответь мне: ты спала с ним?

- С Доновым? Господи, нет, конечно!

- Вы ведь что-то вроде пары считались...

- Сходили на пару детских свиданий и капут. Мы даже не целовались! Я же говорила и тогда, и сейчас говорю, что Донов на Зою с тех пор ещё запал. Правда, я не подозревала, насколько всё запущено.

- Понятно.

Молчание стало впитываться в их лица, как сливочное масло в горячий хлеб, делая их мягкими и податливыми, возвращая каждую из них в свою реальность.

- Я пойду, Томка, - пытаюсь скрыть подавленность улыбкой, Маша встала. – Ты плохо себя чувствуешь, и тебе есть над чем поразмыслить.

- Нет, Машунь, останься, - попросила Тамара. – Мы сейчас что-нибудь придумаем. Дай мне полчаса, я возьму себя в руки, и мы сотворим что-нибудь эдакое, от чего всё покажется пустяком. Вспугнём эту апатию какой-нибудь дикой выходкой. Покажем, что не на тех напала.

- Пить тебе нельзя, - предупредила Маша. – Курить тоже.

Тамара глубоко и сокрушённо вздохнула.

- Чёрт с ними, со спиртом и сигаретами. Поехали прокатимся на американских горках.

- Что бы мы ни делали, рано или поздно придётся вернуться к тому, от чего мы хотим сбежать.

- И вернёмся, но уже другими.

- Я думаю, Тома, лучше всего тебе сейчас заснуть, а проснёшься уже другой.

Тамара откинулась на декоративную подушку.

- Эх, Машка, ты всегда была занудой, - протянула разочарованно.

Маша вздрогнула: и от этих слов, и от зажужжавшего сбоку от неё смартфона.

- Серёжа, - сказала она, подавляя радостное оживление. – Пишет, что обыскался меня, что нужно срочно увидеться и обо всём поговорить. Спрашивает, куда за мной заехать или когда ждать меня дома. «Пожалуйста, ответь, я не нахожу себе места», - прочла Маша, взглянула на Тамару и радостно затрепетала.

- Езжай давай, - улыбнулась Тамара.

- Ты же понимаешь, меня? Понимаешь? – Маша вдруг присела на край стула и ухватила её за руку.

- Маша, не зацкливайся на этом! – серьёзно сказала Тамара. – Не слушай ничьих советов – в таких делах они не бывают уместными. Действуй так, как ты чувствуешь. Я одно тебе могу сказать: если вывести за скобки всех действующих лиц, то я – чисто по умолчанию – скорее за сохранение брака, чем за его разрушение. И вообще: за сохранение. Я считаю, что для разрушения нужны очень веские причины. И пока не убедишься на сто процентов, что они есть, не стоит ничего разрушать.

Маша крепко и, как показалось Тамаре, с благодарностью, сжала её руку, вскочила и стала суетливо собираться.

Тамара с лёгким усилием над собой села на диване.

- Ой, лежи, лежи, Томочка, я захлопну дверь.

- Она на захлопывается. И не делай из меня инвалида, - с притворным недовольством проворчала Тамара.

- Хорошо, хорошо, - закивала Маша. Она вся светилась от нетерпения. Она была уже не здесь. Лишь у двери она вдруг спохватилась, и на её лице промелькнул

испуг. – Тома, только по поводу Олиного визита к Донову – нельзя, чтобы кто-то знал. Она и самого Донова попросила ни словом не обмолвиться Зое.

- Естественно, - сказала Тамара.

- Ну пока, моя хорошая, - Маша наклонилась и поцеловала её в щёку, и, с уже нескрываемым весельем, затараторила. – Как же всё складывается! Подумать только, у трудолюбивой Тамары будет малыш. Всё, я не достаю тебя – знаю, ты ещё не свыклась с этой мыслью. Я позвоню тебе на днях или заеду. А может, пойдём погуляем, если ты будешь хорошо себя чувствовать. Тебе надо порадовать себя чем-нибудь. Купить чего-нибудь. Может, мороженого? Или фисташек? Хочешь, я схожу в ближайший супермаркет? Серёжа подождёт, ничего страшного.

- Маша, Маша, Маша, - Тамара зажмурилась и, добившись того, чтобы Маша, наконец, замолчала, сказала. – Иди давай.

Маша вздохнула и с покаянным видом кивнула.

- Наслаждайся, - вдруг сказала Тамара. – Не это ли – то самое романтическое приключение, которого ты подсознательно или даже сознательно жаждала?

- Вот! – потрясённая попаданием, вскричала Маша. – Ты сейчас прочла мою мысль, за которую я себя упрекала. Значит, зря?

- Конечно, зря. Абсолютно естественная мысль.

- Спасибо тебе, Томка, - Маша подскочила к ней, снова чмокнула в щёку, выбежала за дверь и, решив не дожидаться лифта, торопливо последовала к лестнице.

Тамара подошла к окну и прислонилась лбом к прохладному стеклу. Она увидела, как Маша выходит из подъезда, спешит к своей машине, неловко плюхается на водительское сидение, захлопывает дверь. Дёрнувшись, машина выезжает с парковки задом, замирает в полуметре от китобоккого Кайена, трогается вперёд, неуверенно проходит по узкому корридору между рядами японцев и европейцев, и в скорости исчезает из вида, покидая Тамарин двор.

Чтобы иметь мужа, нельзя быть слишком взыскательной, помнится, сказала Маша. Надо полагать, скоро Маша прибавит к своему правилу ещё один пункт: лояльность к супружеской неверности. Но каков, однако, Серёжа! И ведь Тамара могла – должна была! – догадаться обо всём ещё во время того визита в больницу, если бы самнадеянная убеждённость в том, что Серёжа пленён самою Тамарой, не затмила ей взор. Тамара внутренне улыбнулась, чтобы не признаваться себе в том, что осадок разочарования, вызванного тем, как мало Серёжа и его намерения имели общего с плодами Тамариных фантазий, ещё не растворился.

В арке показалась Ауди А6 голубого цвета. Она прокатилась по двору, словно модель по подиуму, и грациозно пристроилась на место, откуда пару минут назад отъехала Маша. Тамара насторожилась. Точно такая машина, как у Жорика. Мало ли какое совпадение, да только выбрать такой цвет мог лишь истинный клоун, заявила ему Тамара в своё время. Водительская дверь открылась, и оттуда появился человек с телом джедая и головой Жорика. В одной руке он держал, и тут же взял под мышку шлем Дарта Вейдера. Дарт Вейдер! Он не мог бы придумать ничего более банального, пошлого и смешного. Тамара с досадой на себя и на резко усилившуюся тошноту обнаружила, что улыбается, наблюдая знакомую фигуру внизу. Хорошо бы посмотреть его спектакль полностью, но не в этот раз, решила Тамара. В этот раз она подготовит ему встречный сюрприз.

Тамара сходила к своему туалетному столику, взяла с него шкатулку, освободила её от косметики и положила внутрь тест на беременность, на котором уже без всяких неоднозначностей проявилась вторая полоска. Закрыв шкатулку, сверху

прикрепила лист бумаги и чёрным маркером написала «Господину Энакину Скайуокеру лично в руки». Подумала и подписала: Падме Амидала. Ещё подумала и дописала: «Строго секретно». Поставила шкатулку по центру кухонного стола, подошла к двери, открыла замок, вернулась к окну и спряталась за шторой.

Тем временем рыцарь полез на заднее сидение своего голубого коня и извлёк оттуда пакет с эмблемой Тамариного любимого бургер-бара и упаковку разноцветных макарунс – профессионально подготовился, надо отдать должное, в любой другой день она бы оценила эту приманку. Но сегодня сознанию Жорика уготована настоящая революция. Наблюдая за ним под набирающий обороты танец тошноты и веселья, сотрясающий тело, которое она уже не могла считать только своим, Тамара включила и настроила камеру на смартфоне, предвкушая, как Жорик будет настойчиво звонить и стучать в дверь, как, не дождавшись ответа, на удачу попробует её открыть и страшно изумится, когда она откроется; как он войдёт, окликая её, но не получая ответа, пока не обнаружит шкатулку; как он, заинтригованный, откроет её и как вытянется его лицо, которое Тамара сможет увидеть из своего укрытия лишь в профиль и издалека, но которое никогда потом не забудет.

Тамара захихикала, вытерла пот со лба и продолжала хохотать уже в полную силу вопреки тошноте и головной боли и умоляющему уложить его на диван телу, пока джедай внизу шёл к её подъезду и, входя, заменил голову Жорика головой Дарта Вейдера.